

Введение

Первая половина XIX в. – период заметной активизации и углубления политических и культурных связей между русским и югославянскими народами. Объяснение этого явления следует искать, прежде всего, в усилении интереса широких кругов русского общества к подъему национально-освободительного движения югославян против господства Османской и Австрийской империй, процессу формирования их государственности и национальных культур.

Именно в этот период повышается творческий потенциал «присутствия» проблем прошлого и настоящего югославянских народов в политической и культурной жизни России. Ведущие российские периодические издания первой половины XIX в. печатают статьи и очерки, в которых помимо чисто исторических сведений о югославянах впервые приводятся и этнографические зарисовки быта, нравов, религии сербов, черногорцев, хорватов, словенцев, мусульман Боснии и Герцеговины¹. В это время устанавливаются тесные контакты представителей русской науки и культуры с известными общественными деятелями и учеными славянских стран – Й.Добровским, П.-Й.Шафариком, В.Ганкой, Е.Копитаром, В.Караджичем, С.Вразом, И.Кукулевичем-Сакцинским и др.

Российские ученые и общественные деятели, побывавшие в первой половине XIX в. в славянских и в том числе югославянских землях, несмотря на различие, а иногда и полярность политических воззрений, выражают уверенность в необратимости культурного возрождения угнетенных народов, отстаивают мысль о необходимо-

сти изучения их истории, быта и культуры. Обобщая свои наблюдения от поездок в славянские земли, И.И.Срезневский в 1846 г. утверждает, что «еще недавно о славянах или вовсе молчали или говорили будто о племени далеком или мало достойном внимания. Прошли, однако, годы, – продолжает ученый, – и вопрос о славянстве стал вопросом европейским: не вопросом моды на несколько месяцев или лет, а предметом столько же и народного говора, сколько и глубокого размышления и изучения. Древности и народность славян, их история и география, их дух и язык, их литература и музыка, все, к чему можно приложить имя славянское, все привлекло к себе внимание... Славяне проснулись от своего тяжелого сна и заставили всех оглянуться на себя; заговорили и заставили говорить о себе»².

Именно в первой половине XIX в. накопление в России разного рода знаний, в том числе этнографических, о зарубежных славянских народах сменяется систематическим и углубленным осмыслением и разработкой проблем, связанных с их историей, языками, религией и культурой в целом.

Настоящая книга представляет собой первую попытку воспроизвести историю развития в России первой половины XIX в. знаний и представлений о югославянских народах, оценить вклад русских ученых и общественных деятелей в исследование этнографических особенностей Балканского полуострова. Каждый, кто прочтет книгу, может убедиться, что вклад этот был весьма значительным, хотя до сих пор ему не уделялось достаточного внимания. Тем самым подтверждается лишь недавно осознанный факт: нами очень преуменьшался вклад русских ученых XIX – начала XX в. в научную разработку ряда дисциплин, входящих в историческую науку, в том числе в этнографическую славистику. Естественно поэтому обращение к трудам таких выдающихся российских ученых и общественных деятелей, как П.И.Кеппен, И.И.Срезневский, П.И.Прейс, О.М.Бодянский, В.И.Григорович, Н.И.Надеждин, Е.П.Ковалевский, П.А.Лавровский, А.Ф.Гильфердинг, И.С.Аксаков и многие другие. В центре внимания те их работы, которые представляют наибольшую ценность для понимания сущности сложных этнокультурных изменений в югославянских землях первой половины XIX в.

В монографии рассматривается накопление в России этнографических знаний о зарубежных славянских народах, и, прежде всего, югославянских: дается краткая характеристика двух этапов в

развитии этнографической славистики и того направления в деятельности российских ученых, путешественников, офицеров и дипломатов, которое непосредственно связано с популяризацией и изучением этнографии югославянских народов.

Изучение славянства, считал А.Н.Пыпин, «чрезвычайно благоприятно подействовало и на разработку самой русской этнографии»³. Это положение А.Н.Пыпина раскрывается нами в той части первой главы, где идет речь о новых направлениях и особенностях этнографической славистики в 30-50-х гг. XIX в. С открытием в университетах России кафедр славянских наречий и литератур (1835 г.) связан процесс систематического изучения славянских народов и подготовки университетских славистов.

Не менее значительным событием стало создание в 1845 г. Отделения этнографии в рамках вновь основанного Русского географического общества, с которого ведется отсчет истории отечественной этнографической науки, хотя ее предыстория уходит в глубокое прошлое. Именно в 30-50-х гг. проводятся исследования в области конкретных проблем культуры и быта славянских народов, в том числе и югославян, разрабатывается методика сбора научной информации, появляются первые этнографические программы изучения югославянских народов, этнографические карты, посвященные расселению зарубежных славян, усиливается интерес к статистическим и демографическим материалам.

Несмотря на то, что вплоть до последних десятилетий XIX в. этнография не стала предметом специального обучения ни в одном из университетов России, начиная с 40-х гг. XIX в. многие университетские слависты включали в курс славянских древностей не только сведения по истории, археологии и письменности славянских народов, но и материалы по этнографии; иногда из этого курса особо выделялась *историческая этнография славян*, которая содержала сведения по этнической истории, быту, обрядам и обычаям.

Многие высказывания российских славистов о содержании и значении этнографии как специальной области знаний до сих пор не были известны. Между тем, они были весьма прогрессивными для своего времени, отражая объективную потребность передовой русской общественности в развитии различных аспектов народоведения, многие из них актуальны и в наше время.

Большинство деятелей российской науки и культуры попадали в югославянские земли в 30-50-е гг. прошлого века, в период актив-

зации движения за национальное возрождение, складывания югославянских наций. Их непосредственные наблюдения над сложными политическими и этнокультурными процессами у сербов, черногорцев, хорватов, словенцев и принявших ислам славян Боснии и Герцеговины⁴ представляют собой свод уникальной информации, которая содержит ответ на многие вопросы, связанные с этническим развитием этих народов. При этом судьбу разных югославянских народов и их отдельных частей – этнических групп – русские ученые рассматривали в связи с историческими, географическими, языковыми и иными условиями их существования. Обращение к далекому прошлому югославян, поиски истоков тех особенностей, которые определяют этническое самосознание каждого народа, приводили ученых к пониманию длительности и иерархичности этого сложного процесса.

Существование югославянских народов в условиях иноземного господства, политики насильственной колонизации, проводимой администрацией Австрии, Венгрии и Османской империи, давность политических и языковых связей Далмации и Истрии с Италией, политическая и культурная разобщенность хорватских, словенских и сербских земель, ранняя утрата этими народами своей государственности, сложная языковая ситуация и конфессиональные различия – все эти факторы, по мнению российских ученых, сыграли двоякую роль, с одной стороны, сдерживая этническую консолидацию, а с другой, – ускоряя и активизируя этот процесс и ведя народы к национальному обновлению и возрождению. Несмотря на известную эмпиричность фактического материала, содержавшегося в их работах, им удалось создать общую картину этнокультурной ситуации в югославянских землях указанного периода. Она до сих пор не утрачивает научной значимости и актуальности – только исследуя прошлое, можно понять особенности процесса складывания наций, понять истоки длительного противостояния между сербами, хорватами, мусульманами.

Зарисовки самобытных черт общественного быта югославян, их региональных отличий, семейно-брачных отношений, общинных и семейных праздников и связанной с ними обрядности, восходящей к дохристианским культам, позволяет реконструировать многие важные черты традиционно-бытовой культуры этих народов, уточнить и дополнить наши знания в этой области.

Тема книги касается комплекса вопросов: русско-югославянских общественных и культурных связей первой половины XIX в., особенностей развития российской этнографической славистики и, в частности, югославистики, вклада отечественных ученых в разработку целого ряда важнейших проблем этнографической науки и, прежде всего, проблем формирования этнического самосознания и традиционной культуры югославянских народов.

Книга основана на анализе большого числа публикаций многих российских ученых и общественных деятелей первой половины XIX в. Первостепенное значение имеют привлекаемые нами материалы российских хранилищ: Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук (ПФ ААН), отделов рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ) и др.

Этнографические сюжеты, связанные с этнокультурными процессами в югославянских землях, широко представлены в ряде российских журналов общественно-политического, научного, официально-ведомственного направления: «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Сын отечества», «Телескоп», «Современник», «Библиографические листы», «Известия Отделения русского языка и словесности», «Вестник Императорского Русского географического общества», «Труды Императорской Российской Академии наук», «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства внутренних дел» и многие другие. В этих журналах наше внимание привлекали статьи и публикации самых разных жанров: воспоминания, письма, дневники, историко-этнографические очерки.

В монографии используются труды С.А.Токарева, А.С.Мыльникова, М.К.Азадовского, Ю.В.Бромлея, К.В.Чистова, М.О.Косвена, З.Д.Титовой и других современных этнологов и фольклористов, посвященные развитию этнографической науки в России, а также развитию зарубежной этнографии и славяноведения⁵. Мы опирались также на работы современных этнологов – С.А.Токарева, Н.Н.Чебоксарова, Ю.В. Бромлея, С.А.Арутюнова, Р.Ш.Джарылгасиновой, В.И.Козлова, М.В.Крюкова и многих других, – затрагивающие различные проблемы этноса и этнического самосознания⁶. Непосредственное отношение к теме монографии имеют исследования С.А.Токарева, Ю.В.Бромлея, М.С.Кашубы, М.Ю.Мартыновой, в

которых рассматриваются разные аспекты этнографии югославянских народов в прошлом и настоящем⁷.

В сравнительном плане нами использовались работы югославянских историков и этнологов XIX-XX вв. – В.Караджича, Й.Цвиича, Б.Дробняковича, Ш.Кулишича, Й.Ердельяновича, Н.Пантелича, М.Радованович и других, в которых подробно рассматриваются различные проблемы этнографии югославянских народов⁸.

В данной работе мы опирались также на современные коллективные труды славистов, в которых освещаются вопросы формирования этносов Центральной и Юго-Восточной Европы⁹ – на труды И.С.Достяна, И.И.Лециловской, Н.И.Толстого, И.В.Чуркиной, Н.И.Хитровой и др., посвященных истории русско-югославянских взаимоотношений¹⁰.

Эти и вышеназванные конкретные исследования помогли критически оценить выявленные нами российские источники первой половины XIX в., полнее раскрыть то позитивное, что они внесли в изучение ряда вопросов, связанных с историческим и этническим развитием югославянских народов.

Хронологические рамки работы охватывают период с первых десятилетий и до начала 60-х гг. XIX в. и определяются как этапами общественного развития России, так и этапами становления отечественной этнографической славистики.

* * *

Для лучшего понимания исследований российских ученых, посвященных этнокультурному развитию югославянских народов, необходима краткая историческая справка о положении в югославянских землях в конце XVIII- первой половине XIX в.

Еще в средние века югославянские народы оказались под чужеземной властью, входили в состав полиэтничных монархий. В конце XVIII в. большая часть сербов, боснийцы-мусульмане, часть хорватов находились под властью Османской империи; словенцы, большинство хорватов и часть сербов входили в монархию Габсбургов. Решением Венского конгресса (1814-1815) в состав последней были включены и югославянские земли вдоль Адриатического побережья, которыми до 1797 г. владела Венецианская республика,

а также полусамостоятельная (до 1808 г.) республика Дубровник (Рагуза). И только небольшая Черногория, которая на протяжении веков вела героическую освободительную борьбу против иноземных завоевателей, никогда не была под их полным контролем.

В первой половине XIX в. сербские земли по-прежнему были расчленены границами двух империй – Османской и Австрийской.

Белградский пашалык, управляемый турецкими пашами и подчинявшимся султану чиновниками, стал в начале XIX в. центром освободительной борьбы сербского народа против османского господства и становления нового сербского национального государства. Этому способствовало немало причин географического, социального, политического и демографического характера.

В начале XIX в. сербы составляли 4/5 населения Белградского пашалыка, турки-османы только 1/5. Последние обычно селились в городах, сербское же население в большинстве своем жило в селах. Демографической картине в известной степени соответствовала система внутренней автономии, введенной на территории Белградского пашалыка султанским фирманом 1793 г. Система местного самоуправления в Сербии опиралась на территориальные и семейные общины, имевшие прочные патриархальные устои и традиции. Важное место в общественной жизни сербского населения занимали народные скупщины, на которых кнезы, кметы, старейшины задруг вместе решали насущные вопросы. Скупщины сыграли значительную роль в дальнейшем процессе складывания основ государственного устройства на освобожденной от турецкой власти территории¹¹.

Однако на рубеже XVIII-XIX в., с установлением жесточайшего режима османской тирании, рухнули все надежды сербского населения Белградского пашалыка на расширение политической и культурной автономии. Янычары, возглавляемые своими предводителями (дахиями), бесчинствовали, даже формально не считаясь с правами сербов. Протест сербского населения против насилия янычар выливается в мощное революционное движение, которое с самого начала (январь 1804 г.) принимает организованный характер.

Первое сербское восстание, которое длилось без малого девять лет, возглавил выходец из бедной крестьянской семьи Георгий Петрович Черный или Карагеоргий (1768-1817). Он вошел в историю сербского народа как национальный герой. Победы повстанцев уже в 1805 г. открыли возможности для создания собственного го-

сударственного управления на освобожденной от турок территории. Народные скупщины осуществляли здесь верховную власть, власть же на местах была в руках вождей восстания, которые опирались на обычное право и собственный авторитет.

Помощь и поддержку сербским повстанцам оказывала Россия. Русско-турецкая война 1806-1812 гг. стала знаменательной вехой в революционном движении на Балканах. Сражаясь бок о бок с русскими солдатами, сербские повстанцы были преисполнены решимости освободить Сербию от османских завоевателей.

Значительным событием в жизни сербского народа стало решение скупщины в Белграде (6-12 января 1811 г.), провозгласившей Карагеоргия наследственным правителем страны и утвердившей Правительствующий Совет – правительством свободной территории¹². Однако летом 1813 г. турецким войскам удалось сломить сопротивление сербских повстанцев – в Белградском пашалыке была восстановлена власть султана.

Несмотря на поражение, Первое сербское восстание впервые осуществило право народа на самостоятельность в решении своей судьбы, зажгло пламя освободительного движения на Балканах. Оно в значительной степени повлияло на процесс национальной консолидации сербов, разъединенных границами разных государств.

Второе сербское восстание (апрель-сентябрь 1815 г.) под руководством воеводы Милоша Обреновича не принесло сербскому народу полного освобождения от власти Османской империи (оно пришло только в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг.), но стало новым этапом упорной, длившейся десятилетиями борьбы за предоставление широких политических прав и свобод, за расширение границ Сербии. В 1815 г. Милош Обренович был провозглашен Скупщиной верховным князем и правителем сербским. В 1828-1830 гг. – на основании Хатти-шерифов – Сербское княжество обрело полную внутреннюю автономию, хотя и оставалось вассалом Порты. Отныне сербы получили право основывать свои школы, типографии, больницы. Им предоставлялась свобода вероисповедания. Важным событием стало и признание Константинопольской патриархией независимости сербской церкви (1833).

Итак, новое Сербское княжество, возникшее в ходе освободительной борьбы в начале XIX в. и превратившееся в политический оплот для дальнейшего объединения всего сербского народа, оставшегося еще под властью Османской и Австрийской империй,

стало центром формирования сербской нации. Другой центр составляли области Бачка, Банат, Срем, Бараня и часть Военной Границы¹³, где проживало сербское население Австрийской монархии. В ходе революции 1848 г. эти земли получили название Воеводины (со столицей в г.Нови Сад).

Во время этих двух восстаний в Сербии окрепли связи между ней и Воеводиной. Из последней к повстанцам шло военное снаряжение и финансовая помощь. Воеводинские сербы принимали активное участие в сопротивлении османам, что само по себе упрочивало сознание единства сербского народа по обе стороны границы. Волна эмиграции сербов в Воеводину сыграла немалую роль в процессе их этнической консолидации.

Несмотря на дискриминационную политику австрийских и венгерских властей, в Воеводине в конце XVIII в. создались более благоприятные условия развития всех сторон жизни сербского населения, чем в землях, подвластных Порте. Немалую роль в сохранении этнического самосознания сербов в Австрии сыграла сербская православная митрополия в г.Сремски Карловцы, аналогичное значение имели те сербские культурные институты, которые возникли в Воеводине и за ее пределами в конце XVIII – начале XIX в. (гимназии, учительская школа, типография, Сербская Матица в Пеште, основанная в 1826 г. и др.). В этот период в Воеводине формируется движение национального возрождения. Прогрессивные деятели сербской культуры (З.Орфелин, Й.Раич, Д.Обрадович), опираясь на идеи русского и западноевропейского просветительства, деятельно участвуют в процессе развития сербской самобытной культуры и литературы. Выдающийся сербский мыслитель и писатель Досифей Обрадович (1742-1811) стал родоначальником концепции сербского национального движения. Именно ему принадлежит введение в сербскую общественную мысль таких понятий, как «наша нация», «славяносербская нация». Он видел «славяносербскую нацию» неразделенной на сербов, хорватов, боснийцев, включал в ее состав жителей Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Далмации, Хорватии, Срема, Баната и Бачки, – всех тех, кто говорил на штокавском диалекте¹⁴.

Формирование сербского этнического самосознания началось задолго до образования единого сербского литературного языка. В его создании передовые деятели сербской культуры видели одну из главных задач. Исключительно велика роль в реализации этой

задачи Вука Караджича (1787-1864) – крупнейшего деятеля сербского национального возрождения, филолога, фольклориста, этнографа. Ему принадлежит реформа сербского литературного языка. В его основу Караджич положил штокавский диалект народного языка и принцип фонетического правописания, составил словарь и грамматику сербского языка.

С образованием Сербского княжества Белград, наряду с г. Нови Сад, становится центром сербской культуры. Благодаря усилиям Д.Обрадовича, в 1807 г. переехавшего в Белград, здесь открывается Великая школа (университет) и семинария. В 30-50-х гг. в Белграде создаются лицей, военная академия, инженерная и сельскохозяйственная школы.

В первой половине XIX в. Черногория представляла собой небольшую горную страну, которая граничила с Боснией, Герцеговиной и Северной Албанией, подвластных Порте, а также с империей Габсбургов. Порта удерживала наиболее плодородные черногорские земли в районе Подгорицы, Никшича, Жабляка и Спужа. Черногория имела выход к морю через Боку Которску и другие приморские общины. Эти земли она всегда считала своими и не раз отстаивала их в споре с Австрией.

Власти Османской империи отказывались признать независимость Черногории, завоеванную в конце XVIII в. в тяжелых боях с турками. Австрия, боясь усиления свободной Черногории, приняла сторону могущественного соседа. Из великих держав только Россия признала независимость Черногории от Порты и всячески ей помогла¹⁵.

Лишенная широкой международной поддержки, не имевшая четко зафиксированных государственных границ, Черногория была вынуждена на протяжении еще нескольких десятилетий отражать неприятельские набеги на свою территорию, мужественно охраняя свою свободу.

Внешняя изоляция, постоянная военная готовность, суровые условия жизни, живучесть патриархальных институтов, обрядов и обычаев не могли не тормозить развитие страны.

Основу общественно-политического строя Черногории XVIII-XIX вв. составляли братства и племена. Братства включали в себя группу семей одного происхождения; они имели своего главу, свой сход, иногда церковь. Располагая своими угодьями, братства обрабатывали и общинные земли, принадлежавшие всему племени.

Черногорские племена являлись поздним образованием и имели мало общего с племенами, существовавшими в эпоху первобытно-общинного строя. Они представляли собой военно-политические территориальные объединения, слабо связанные между собой и пользовавшиеся самоуправлением. Кроме племен в Черногории имелись и кнежины – своеобразные территориально-административные единицы. В состав племен и кнежин помимо братств входили малые (инокосные) семьи и большие (задруги или кучи).

Своеобразие системы общественно-экономических отношений в Черногории первой половины XIX в. состояло в причудливом переплетении феодального землевладения с устойчивыми родоплеменными обычаями и очень медленно набиравшими силу товарно-денежными отношениями. До 80-х гг. XIX в. в стране не было городов; население (в 40-х гг. оно насчитывало 100 тысяч)¹⁶ проживало в селах и занималось в основном скотоводством и земледелием. Черногорские крестьяне (и в этом тоже заключалась специфика страны) были лично свободными, владели – по наследству – небольшими участками земли. Помимо частного владения землей существовало и общинное землепользование (комунице). Нередко именно из-за общинных земель возникали межплеменные распри. За счет объединения крестьян-общинников обогащалась верхушка власти, а также церковь и монастыри.

В указанный период обладательницей больших угодий становится Цетинская митрополия – политический и административный центр страны. С конца XVII в. верховными правителями Черногории были митрополиты, соединявшие в своих руках духовную и светскую власть. Их власть ограничивалась лишь Скупщиной – собранием народных старейшин – представителей племен и кнежин. Скупщины созывались в нахиях (областях), племенах и кнежинах. Воеводы и кнезы нередко выступали и в качестве судей.

На протяжении почти полувека Черногорией правил владыка Петр I Петрович Негош (1784-1830)¹⁷. Победы черногорцев над турками в 1797 г. привели к воссоединению Черногории с частью Брды (к ней отошли брдские племена пиперов и белопавличей) и окончательно укрепили власть Петра I Негоша. Он повел решительную борьбу с племенным сепаратизмом и способствовал укреплению черногорской государственности. Принятый в 1798 г. «Законник общий черногорский и брдский» утверждал формирование правительства, суда черногорского и брдского (Кулук), народной канцелярии при

нем, и что особенно важно – положил начало разрушению родоплеменных обычаев, запрещал кровную месть, упорядочивал систему судопроизводства и налогов.

Правление митрополита Петра II Петровича Негоша (1830-1851) увенчалось дальнейшими успехами в решении важнейших задач по внутривнутриполитической стабильности страны, упрочению ее международного авторитета, укреплению русско-черногорских связей. Благодаря посредничеству России в 1841 г. была определена пограничная линия с австрийскими владениями. В конце 50-х гг. при проведении границ с Османской империей произошло расширение территории Черногории в сторону Герцеговины и Северной Албании. К середине XIX в. территория Черногории уже равнялась 5 тыс. кв. км., а население увеличилось до 130 тысяч человек¹⁸.

В 40-х гг. XIX в. Петр II Негош выступает как сторонник идеи объединенного югославянского государства. В 1848-1849 гг. он поддерживает внешнюю политику сербского государства, признавая за ним право руководства в организации антитурецкого восстания на Балканах¹⁹.

Усилившаяся после смерти Петра II Негоша борьба за власть настоятельно выдвигает задачу по упразднению в Черногории теократической формы правления. В 1852 г. Скупщина принимает решение о преобразовании Черногории в светское государство. В том же году, при содействии России племянник Негоша Данила был провозглашен князем. Ликвидация архаической формы правления укрепляла и международное положение Черногории – теперь она могла самостоятельно вступать в отношения с европейскими государствами.

Иным, по сравнению с Черногорией, было положение Боснии и Герцеговины, которые с середины XV в. находились под властью Османской империи и входили в состав возглавляемого визирем Боснийского пашалыка. Его территория в первой половине XIX в. составляла более 60 тыс. кв. км., а население (по турецкой переписи 1851-1852 гг.) – 1 млн. 77 тысяч человек, при этом православных было 44,9%, мусульман – 37,3%, католиков – 16,5%²⁰.

Вопрос о появлении и развитии боснийского мусульманского этноса сложен и до сих пор вызывает споры и дискуссии. В частности, до конца и сейчас не решены вопросы о точных временных рамках возникновения в этом регионе этноконфессиональной общности – мусульмане, которая в XX в. оформляется в особый мусульманский этнос, о соотношении мусульман югославянского происхождения в

городе и деревне в разные исторические периоды, в том числе в XVIII-XIX вв. На основании исследований югославянских и российских ученых²¹ можно утверждать, что значительное число исламизированного населения Боснии и Герцеговины первоначально происходило за счет переселявшихся сюда в период османского правления турок, арабов, выходцев с Кавказа. Кроме того, с конца XVIII в. в этих землях ощущался приток мусульман из различных земель (Черногории, Далмации, Сербии), которые постепенно освобождались от иноземного господства. Обычно в ислам переходили феодалы, чиновники, торговцы из числа югославян, привлекаемые экономическими выгодами, которые им сулила новая религия. Исламизация захватила и часть крестьянства Боснии и Герцеговины, пытавшегося, таким образом, избежать налогов и других повинностей²².

Особенностью исламизированного славянского населения Боснии и Герцеговины было не только пользование сербским языком как родным, но и то, что на всем протяжении XIX в. оно продолжало хранить традиционную народную культуру, придерживалось тех обычаев, которые восходили к доисламскому периоду их жизни, соблюдали многие обряды, сопровождавшие христианские праздники.

Острота социальных и религиозных противоречий в Боснии и Герцеговине была одной из причин возникновения освободительного движения, основной задачей которого было упразднение чужеземной власти и предоставление стране права на самоуправление. Стремясь подавить сепаратистские тенденции боснийско-герцеговинских феодалов, султанское правительство проводит ряд военных и административных реформ, которые, хотя и ослабили роль местных феодалов, но не смогли окончательно упразднить эксплуатацию и насилия османлиев (так называли в Боснии турок в отличие от боснийских славян-мусульман) над бесправным народом. Обещания османских властей о введении равноправия граждан вне зависимости от конфессий остались нереализованными.

Антифеодальная освободительная борьба боснийского и герцеговинского крестьянства испытывала значительное влияние революционного движения в Сербии; воздействовал и фактор существования соседней независимой Черногории. Эта борьба, с подъемами и спадами, не стихала на всем протяжении первых пятидесяти лет XIX в. В ней наряду с крестьянством участвовали православное и католическое духовенство, представители либеральной интеллигенции.

В первой половине XIX в. Хорватия и Славония находились в составе Венгерского королевства, являвшегося частью Габсбургской монархии. Хорваты населяли также Приморье (район Риеки), Междумурье (в Венгрии), часть Истрии и часть Военной Границы (в составе Австрии). Вне империи хорваты жили в ряде районов Боснии и Герцеговины. Во всех этих областях (кроме Истрии, где наряду с хорватами жили и словенцы), имелось довольно многочисленное сербское население. Оно образовалось здесь главным образом за счет массовой сербской миграции в пору османского нашествия, что уже к исходу средневековья нарушило «этническую и религиозную гомогенность хорватского населения»²³. Всего в хорватских землях проживало более 1,8 млн. человек, из них католики (кроме Военной Границы) составляли 83%, православные – более 15%. В Военной Границе соотношение было иным: соответственно 49,3% и 48,3%²⁴.

Сложность религиозно-этнического состава населения хорватских земель не могла не отразиться на их развитии в целом, в том числе на процессе формирования этнического самосознания.

В хорватских землях католическое и православное население жило совместно или чересполосно. Его этническая дифференциация была связана главным образом с разницей в вероисповедании, так как язык православного сербского населения вне Австрийской монархии и язык славян-католиков и православных в Славонии, Далмации и Военной Границе был единым – население говорило на штокавском диалекте²⁵. В отличие от религиозных диалектных различия (хорватский язык подразделялся на штокавский, кайкавский и чакавский диалекты) не были решающим фактором в процессе консолидации хорватов и сербов. Несмотря на то, что ядро хорватской нации возникло в собственно Хорватии – районе преимущественного распространения кайкавского диалекта (Загреб-Карловац) – деятели национального возрождения 30-40-х гг. в основу хорватского литературного языка положили штокавский диалект, на котором говорило большинство населения хорватских земель²⁶. Единство литературных языков (хорватского и сербского), способствуя дальнейшему культурному сближению двух народов, не смогло, однако, стереть глубокого различия историко-культурных традиций, связанных с католицизмом и православием. Католическая и православная церковь оказывала огромное влияние на население хорватских земель, закрепляя религиозные и этнические различия. Религия в данном кон-

кретном случае оказалась фактором, во многом определявшим этническую поляризацию населения и складывание его в две этнические общности (хорватов и сербов)²⁷.

Тенденция культурного и политического сближения всех южных славян проявилась в национальных программах идеологов хорватского национального возрождения и, прежде всего, Людевита Гая. В 30-х гг. это общественное движение получает название *иллиризма*.

Деятели иллиризма вели упорную борьбу против политической зависимости Хорватии от Венгрии, за всестороннее развитие национальной культуры, за возрождение хорватской государственности. Важным фактором этой борьбы стало провозглашение хорватским сабором родного языка в качестве официального (1847).

После революции 1848-1849 гг. австрийские власти ликвидировали автономию Хорватии и Славонии. Политика деэтнизации со стороны австрийских и венгерских властей проявилась и в господстве немецкого и латинского языков в официальной документации. Не лучше было положение и в Военной Границе, где управление было в руках австрийского генералитета и где поселенцы-граничары продолжали нести воинские и феодальные повинности, почти ничего не получая взамен. Далмация, хотя и развивалась за счет своих международных связей, мореходства и торговли, в целом переживала процесс обеднения некогда процветавших городов. После падения королевства Иллирийских провинций, образованного Наполеоном и просуществовавшего с 1809 по 1813 гг., в Далмации (объединенной с Дубровником и Бокой Которской) утвердилось господство австрийской администрации. Здесь наряду с немецким языком население пользовалось итальянским языком.

Слабость внутренних связей между хорватскими землями, их административная разобщенность, отсутствие единого литературного языка на всей территории, где проживало хорватское население, конфессиональная поляризация и другие причины обусловили известную прочность областных традиций.

До середины XIX в. в хорватских землях были живучи областные этнонимы. Существовал и общий этноним – *хорват*, свидетельствующий о процессе этнической консолидации. Вместе с тем, та или иная политическая ситуация могла вынудить далматинского серба называть себя хорватом и наоборот. У югославян – католиков южной Венгрии – буневцев и шокцев – вплоть до конца XIX в. отсутствовало сознание принадлежности к хорватской этнической

общности²⁸. Однако, несмотря на все эти явления, как мы уже указывали, на территории собственно Хорватии с центром в Загребе формировалось в первой половине XIX в. ядро хорватской нации, а этноним *хорват* не означал принадлежность только к этой наиболее развитой области, но был издавна распространен и за пределами самой Хорватии среди населения, говорившего на штокавском диалекте²⁹.

В дальнейшем (60-70-е гг. XIX в.) освободительное движение в хорватских землях еще более усилило процесс национального сплочения хорватов.

В первой половине XIX в. большая часть земель, населенных словенцами, входила в состав трех провинций – Крайны, Каринтии и Штирии, – подвластных империи Габсбургов. В Крайне словенцы составляли большинство населения. В Каринтии и Штирии основу населения составляли немцы, а словенцы – только одну его треть. Кроме того, словенцы жили в Приморье, части Истрии, Венецианской Словении (она в 1797-1866 гг. находилась в составе Австрии), а также в Прекмурье (в составе Венгерского королевства).

Условия исторического развития словенцев имели немало особенностей. В отличие от сербов и хорватов они были почти полностью лишены государственной традиции – древнесловенское княжество Карантания еще в VIII в. было завоевано немцами. Словенское дворянство и городская верхушка в основном погибли в борьбе с иноземными властями; другая их часть оказалась онемеченной³⁰. Политика германизации словенских земель, продолжавшаяся столетиями, не могла не наложить отпечаток на процесс формирования этнического сознания словенцев. Слабость экономических связей, провинциальная обособленность, существование большого количества словенских наречий, мешавших созданию единого литературного языка – все это также замедляло процесс складывания словенской нации.

Конец XVIII – первая половина XIX в. отмечены ростом национально-освободительного движения в словенских землях. Особенно сильным оно было в Крайне, части Штирии и Прекмурья. Его основу составляли крестьянство, городские низы и прогрессивная интеллигенция. Деятели словенского национального возрождения (В.Водник, С.Цойс, Е.Копитар, Я.Смоле, М.Маяр и др.) вели упорную борьбу за права словенского языка, составляли словари, грамматики, учебники, серьезно изучали фольклор и этнографию словенцев. В их концепциях впервые звучит мысль о том, что разбросанные по

разным землям словенцы представляют собой единый народ, что для их одежды, песен, танцев характерно большое сходство. Накануне 1848 г. среди образованных словенцев уже бытует понятие «Словения», под которым подразумевается территория, населенная словенцами. Разработка общесловенского литературного языка и единого правописания, идеи создания «Объединенной Словении» стали значительной вехой в развитии этнического самосознания словенцев. Однако даже в конце 40-х гг. XIX в. в ряде словенских земель доминировало областное самосознание: краинские словенцы, например, называли себя краинцами. Параллельно существовало и узколокальное самосознание (бытовали этнонимы *зиляне*, *резьяне* и т.д.), появлялось и общее самосознание – *штирийцы* и *каринтийцы* называли себя *словенцами*³¹.

Революция 1848 г. дала новый стимул словенскому национальному движению³². Усилилось сопротивление дискриминационной политике австрийских властей. Все настойчивей звучат мысли о необходимости развивать просвещение на родном языке, создавать культурно-национальные объединения и организации.

Итак, первая половина XIX в. в югославянских землях характеризуется подъемом освободительной борьбы югославян против власти Османской и Австрийской империй, за создание независимых государств, утверждение и развитие самобытных культур. Этот период представляет собой один из этапов формирования югославянских наций.

¹ Мусульмане – югославянское население Боснии и Герцеговины, принявшее ислам и послужившее основой формирования современного мусульманского этноса.

² **Срезневский И.И.** Литературное оживление западных славян // Современник. СПб., 1846. № 6. С. 313-314

³ **Пыпин А.Н.** История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. С. 32.

⁴ Проблема этнографического изучения македонцев в России представляет собой предмет специального исследования. Связанная с историей и культурой Болгарии и Греции, она не вошла в настоящую книгу.

⁵ **Токарев С.А.** История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966; его же. Начальный период славянской этнографии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973; **Мильников А.С.** О некоторых актуальных аспектах наследия отечественной этнографической славистики XIX в. // Годичная науч-

ная сессия Института этнографии АН СССР. Краткое содержание докладов. 1983. Л., 1985; его же. Разработка вопросов этнографии, фольклора, литературы и искусства // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988; Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956-1988. Вып. I-X; Методологические проблемы истории славистики. М., 1978; **Азадовский М.К.** История русской фольклористики. М., 1958-1963. Т. I-II; **Бромлей Ю.В., Чистов К.В.** Основные направления развития советской этнографии // Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975; **Чистов К.В.** Из истории советской этнографии 30-80-х годов XX века // СЭ. 1983. № 3; **Косвен И.О.** Указатель библиографии народов СССР // СЭ. 1947. № 1; **Тимова З.Д.** Этнография СССР. (1851-1969). М., 1970.

⁶ **Арутюнов С.А.** Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989; **Бромлей Ю.В.** Этнос и этнография. М., 1973; его же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; его же. Очерки теории этноса. М., 1983; **Джарылгасинова Р.Ш.** Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // СЭ. 1987. № 4; **Козлов В.И.** О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2; его же. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2; **Крюков М.В.** Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3; **Токарев С.А.** Проблемы типов этнических общностей // Вопросы философии. 1964. № 11; **Чебоксаров Н.Н.** Проблемы происхождения древних и современных народов // Труды VII МКАЭН. М., 1970. Т.V.; **Чистов К.В.** Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3 и др.

⁷ **Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.** Брак и семья у народов Югославии. М., 1982; **Кашуба М.С.** Некоторые аспекты этнических процессов в Югославии // СЭ. 1969. № 1; ее же. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Зимние праздники; ее же. Весенние праздники. М., 1977; ее же. Летне-осенние праздники. М., 1978; ее же. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988; ее же. К проблеме югославянских и восточных компонентов в семейном быту населения Боснии и Герцеговины // Zemaljski muzej Bosne i Hercegovine. Zb. referata međunarodnog simpozijuma. Sarajevo. 6-7. X. 1988 и др.; **Мартынова М.Ю.** Хорваты. Этническая история. XVIII-XIX вв. М., 1988; Народы Югославии // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Европы. М., 1964. Т. I; **Токарев С.А.** Этнографические наблюдения в Балканских странах // СЭ. 1946. № 2; его же. Из истории литературы о проблеме Юлийской Краины // СЭ. 1946. № 3 и др.

⁸ **Караџић В.Ст.** Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957; его же. Српски рјечник истумачен нјемачкијем и латинским ријечима. У Бечу, 1852 и др.; **Цвијић Ј.** Балканско полуострво и јужнословенске земље. Сабрана де-

ла. Београд, 1987. Књ.2; **Кулишић Ш., Петровић Н., Пантелић Н.** Српски митолошки речник. Београд, 1970; **Пантелић Н.** Снахачество у Србији // Гласник етнографског музеја. Београд, 1973. Књ.36; **Ердельа-новић Ј.** О пореклу буњеваца. Београд, 1930 и др.; **Радовановић М.** Вук Караџић етнограф и фолклорист. Београд, 1973.

⁹ Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984 и др.

¹⁰ **Достјан И.С.** Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; **Лециловская И.И.** Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968; **Чуркина И.В.** Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978; ее же. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII-1914 г. М., 1986; **Хитрова Н.И.** Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979; **Толстой Н.И.** Этническое и культурное самосознание в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII-XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989 и др.

¹¹ **Достјан И.С.** Сербия // Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 94.

¹² История Югославии. М., 1963. Т. I. С.321.

¹³ Военная Граница – территория, искусственно созданная в середине XVI в. австрийской администрацией в связи с опасностью продвижения Османской империи вглубь Европы. Австрийская империя создала вдоль своих южных границ военные поселения, жители которых – граничары – несли военную службу, освобождались от большинства феодальных повинностей. К концу XVIII в. область Военной Границы достигала огромной протяженности – от берегов Адриатики до Карпат. Вся область Военной Границы делилась на границы Карловацкую, Славонскую, Банатскую и др., которые в свою очередь подразделялись на полки. – **Чубриловић В.** Сеобе и и етничке промене у југословенским земљама от XV до XIX в. // Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ.2.

¹⁴ **Лециловская И.И.** Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972.

¹⁵ **Павичевић Б.** Стварање црногорске државе. Београд, 1955; **Хитрова Н.И.** Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979

¹⁶ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 348.

¹⁷ В 1697 г. семейство Петровичей Негошей закрепило за собой наследственные права на Цетинскую митрополию.

- ¹⁸ **Хитрова Н.И.** Черногория ... С.22.
- ¹⁹ История Югославии. Т. I. С.354.
- ²⁰ Там же. С.356. Для 70-х гг. XIX в. югославянские ученые приводят несколько другие данные о конфессиональном составе населения Боснии и Герцеговины: православные – 37,6%, мусульмане – 48,9%, католики -12,7%. См.: **Пеjanовић Љ.** Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1965. С.77.
- ²¹ *Novija politička istorija jugoslovenskih naroda.* Beograd, 1971; **Hadžijahić M.** *Od tradicije do identiteta.* Sarajevo, 1974; **Фрейдзон В.И.** К истории становления боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
- ²² **Кашуба М.С.** К проблеме югославянских и восточных компонентов в семейном быту населения Боснии и Герцеговины // *Zemaljski muzej Bosne i Hercegovine. Zb. referata međunarodnog simpozijuma.* Sarajevo. 6-7. XI. 1988. S. 15-16; **Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.** Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1994.
- ²³ **Фрейдзон В.И.** Сербь и хорваты (исторические корни конфликта) // ЭО. 1993. № 1. С. 15.
- ²⁴ См.: **Matković F.** *Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske monarhije.* U Zagrebu, 1874; **Фрейдзон В.И.** Особенности формирования наций в хорватских землях // ССл. 1969. № 4. С. 54.
- ²⁵ Чакавский диалект распространен на островах Далмации, части Истрии, в Лике и Горском Которе; кайкавский диалект распространен на северо-западе Хорватии (на границе со Словенией) и на севере Истрии, а в XV-XVIII вв. и в Славонии; штокавский диалект – в Славонии, Лике, на побережье Адриатики, на юге Истрии, в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине. В основу единого сербско-хорватского литературного языка положен штокавский диалект («Литературное соглашение» 1850 г.)
- ²⁶ В 1847 г. хорватский язык был признан официальным языком Хорватии и Славонии (в Далмации его права утвердились только в начале XX в.).
- ²⁷ **Фрейдзон В.И.** Сербь и хорваты // ЭО. 1993. № 1. С.17.
- ²⁸ **Šidak J., Gross M., Karaman J., Sepić D.** *Povijest hrvatskoga naroda.* 1860-1914. Zagreb, 1968.
- ²⁹ См.: Освободительное движение народов Австрийской империи. М., 1981. С. 377.
- ³⁰ **Чуркина И.В.** О некоторых особенностях формирования словенской нации // ССл. 1968. № 2. С. 14-15.
- ³¹ Словенцы // Освободительное движение народов Австрийской империи. М., 1981. С. 370.
- ³² **Чуркина И.В.** Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 45.

ГЛАВА I

Становление и развитие этнографической славистики в России первой половины XIX в.

Российские ученые и путешественники первой трети XIX в. о югославянских землях

Истоки этнографического изучения славянских народов восходят к далекому средневековью, когда накапливались многочисленные известия о них. Однако только к первой половине XVIII в. относится по существу зарождение научных знаний, как в области славистики вообще, так и в области этнографии; причем этот процесс идет почти синхронно в разных славянских странах¹. В России он был связан, прежде всего, с именами В.Н.Татищева и М.В.Ломоносова. Татищев – основоположник исторической географии и этнографии – уделял значительное внимание проблемам этногенеза, а также древнейшей истории восточных, западных и южных славян².

Опираясь на сложившиеся к середине XVIII в. традиции изучения истории и культуры славянских народов как в России, так и за рубежом, Ломоносов внес много нового в понимание связей между историческими и филологическими исследованиями, в рассмотрение русской истории и филологии в контексте общеславянской культуры, в создание основ славянорусской археологии. Он впервые

подчеркнул общественное значение проблемы этногенеза славян и истории отдельных славянских народов, обосновал необходимость сравнительного изучения славянских языков и их сопоставление с русским языком и языками балтийской группы. Деятельность Татищева и Ломоносова получила международный резонанс, вызвала широкий научный и общественный интерес к славянской проблематике.

Нельзя обойти вниманием и другие факторы, способствовавшие повышению интереса к истории, быту и культуре зарубежных славян и, прежде всего, югославянских народов. Активизация еще в период правления Петра I общественно-политических связей между Россией и балканскими народами, идея об освободительной роли России, надежды поработанных славянских народов на ее помощь в достижении свободы и независимости от гнета Османской и Австрийской империй, периодически вспыхивавшие русско-турецкие войны, выдвинувшие уже в XVIII в. вопросы разделения сфер влияния крупных держав на Балканах, переселение югославын в Россию и их участие в различных областях ее жизни – все это в значительной степени содействовало росту общественного и научного интереса к современному положению славян и их прошлому³.

Определенную положительную роль в расширении югославянско-русских научных и культурных связей сыграло издание и распространение в России во второй половине XVIII в. и самом начале XIX в. произведений таких югославянских авторов, как Мавро Орбини, Василий Пётрович, Захарий Орфелин, Йован Раич и др.⁴.

Первая треть XIX в. – время не только подъема славяно-русских политических и культурных взаимосвязей, но и начальный период непосредственного изучения всех сторон современности и прошлого зарубежных славянских народов. Причин и импульсов для этого было множество: рост русского национального самосознания в результате Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов, возросшие контакты с зарубежными славянами во время и после русско-турецких войн 1806-1812 и 1828-1829 гг., а также походы русских войск во Францию, на Балканы и Средиземное море. С другой стороны, огромное влияние на этот процесс оказало национально-освободительное движение зарубежных славян (в том числе два сербских восстания против османских поработителей 1804-

1813 и 1815 гг.), формирование их национальной государственности и национальной культуры. Благодаря первооткрывательской деятельности славянских «будителей» (Й.Добровский и его последователи В.Караджич, Е.Копитар и многие другие) достижения науки и культуры зарубежных славян становились доступными миру, находили горячий отклик в Западной Европе и России. В начале XIX в. в романтических концепциях, ведущих свое начало от Ж.-Ж.Руссо и И.Г.Гердера, оформляются идеи славянской общности, самоутверждения славян как самобытных народов Европы⁵.

Все это вместе взятое не могло не отразиться на научных изысканиях. В первой трети XIX в. русская наука делает успехи в разработке вопросов славянской диалектологии и фольклористики; происходит и постепенное накопление этнографических знаний о религии, быте, нравах зарубежных славян.

В первой трети XIX в. этнография как самостоятельная научная дисциплина в России еще не оформилась; до конца XIX в. она не стала и предметом специального обучения ни в одном из российских университетов⁶. В первой половине XIX в. этнографическое изучение зарубежных славянских народов по существу развивалось в русле отечественной славистики, хотя сама она тоже находилась в стадии формирования, отличалась общей недифференцированностью: одни и те же ученые ставили и разрабатывали и вопросы этногенеза и этнической истории славян, и вопросы развития их языков и литератур⁷.

Первая треть XIX в. богата поездками русских в югославянские земли. Их совершают, как будущие деятели отечественной науки (А.И.Тургенев, А.С.Кайсаров, П.И.Кеппен), так и далекие от науки люди – офицеры, чиновники, дипломаты (П.И.Свиньин, В.Б.Броневский, Д.Н.Бантыш-Каменский, А.Г.Розелион-Сашальский, И.П.Липранди, С.А.Санковский и др.). В результате их путешествий возникают путевые записки, письма, дневники, воспоминания, отчеты, донесения. Разумеется, их ценность различна, как различны и взгляды и манера изложения увиденного авторами.

Как справедливо отмечает М.В.Никулина⁸, первый опыт сознательного и целенаправленного ознакомления с жизнью славянских народов принадлежит А.И.Тургеневу (1784-1845) и А.С.Кайсарову (1782-1813)⁹. Их обучение в Геттингенском университете (1802-1804) стало временем серьезного ознакомления со славянской ис-

торией и культурой. Они изучают сербский и польский языки, посещают лекции А.Шлецера по славянским древностям и русской истории, интересуются славянской мифологией (в 1804 г. А.С.Кайсаров опубликовал на немецком языке книгу «Мифология славянская и российская») ¹⁰. Тогда же возникает и осознанное желание посетить славянские земли, глубже узнать современную им жизнь славян, собрать рукописи и книги, записать народные песни. Несмотря на то, что их путешествие не имело ясной программы, посещение земель сербов, хорватов и словенцев (сентябрь-декабрь 1804 г.) оказалось плодотворным, как по научным результатам, так и по установлению контактов с видными сербскими просветителями того времени – С.Стратимировичем, Л.Мушицким, Д.Обрадовичем. Кайсаров и Тургенев посетили Сремски Карловцы, Фрушкогорские монастыри, Петроварадин, Нови Сад, Земун, Белград, монастыри в Раковице, Гергетек, Хопово, Вернике и Крушедоле; затем через Даль, Осиек, Риеку переехали в Загреб, а оттуда в Люблян. Результаты этой поездки нашли отражение в сохранившихся материалах из архива братьев Тургеневых, частично опубликованных В.И.Истриным. Это «Путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова по славянским землям в 1804 г.» ¹¹ и «Письма и дневники Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802-1804)» ¹².

В них содержатся интересные для нас сведения об увиденном в Воеводине, Славонии, Сербии и Хорватии. Тургенев и Кайсаров знакомятся с виноделием в Среме, пишут о планировке хорватских поселений, о задруге и свадьбе в Славонии, отмечают отличия в физическом типе и национальном характере сербов и хорватов. Эти сведения, очень фрагментарные и, по сегодняшним представлениям довольно поверхностные, были, тем не менее, первыми непосредственными впечатлениями о югославянских землях и их народах, возникшими у русских людей в самом начале XIX века. Тургенев и Кайсаров чувствовали неполноту своих знаний о зарубежных славянах и неоднократно призывали к более глубокому и точному их изучению ¹³. Они много писали о восторженном приеме, оказанном им в югославянских землях (особенно хорошо они чувствовали себя среди единоверных сербов), не переставали восхищаться мужеством маленьких народов, у которых хотят отнять их последнее достояние – язык ¹⁴. Поездка в славянские земли не

только обогатила Тургенева и Кайсарова новыми впечатлениями и собранными там книгами, рукописями, фольклорными записями, но и окончательно убедила их в сходстве и близости славянских народов, в совпадении некоторых сторон их исторических судеб. Опубликованная в России «Славянская мифология» Кайсарова и его же незаконченный труд «Сравнительный словарь славянских наречий» (начат в 1805 г.) – лучшее тому свидетельство. Называя Кайсарова одним из «первых славянофилов», Тургенев имел в виду его мечту о взаимной помощи и поддержке всех славян, об их лучшем будущем. Враги крепостничества и деспотизма, они делали все возможное для того времени, чтобы воплотить эту мечту в жизнь. Многие их труды так и не были опубликованы и до сих пор остаются достоянием архивов. Говоря о деятельности Кайсарова, мы полностью согласны с оценкой И.С.Достяна, которая считает, что «...есть все основания считать, что еще в самые первые годы XIX в. благодаря А.С.Кайсарову в русскую общественную мысль была внесена ясно сформулированная идея о необходимости культурного сближения и взаимности славянских народов в их борьбе за национальное возрождение и исторический прогресс»¹⁵. Поездка Кайсарова и Тургенева в югославянские земли, добавим мы, стимулировала дальнейшие сравнительно-исторические исследования культурно-этнографических и языковых проблем, касающихся зарубежных славян.

Вслед за Тургеневым и Кайсаровым, в 1808 г., Сербию – по поручению Синода, а также с целью доставки депеш русскому резиденту в Белграде К.Родофиникину – посещает Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1788-1850) – историк, археолог и государственный деятель. Впечатления от поездки, изложенные им в книге «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», стали одним из первых опубликованных источников по изучению сербских земель. Книга состоит из 27 писем к другу, три из них посвящены пребыванию автора в Сербии.

Бантыш-Каменский попал в Сербию в разгар Первого сербского восстания, мечтал встретиться с предводителем восстания Карагеоргием. Несмотря на то, что эта встреча не состоялась, в книге приводится подробная биография последнего, составленная по рассказам современников. Живо описывает автор Белград, Смедерево, приводя данные о численности их жителей, коротко сообщает

о быте сербов и их национальном характере, религии, пище, одежде. В Белграде его поразило своеобразие народного танца «коло». Скупость и даже известная примитивность описаний Бантыш-Каменского объясняется не только кратковременностью его пребывания в Сербии (всего девять дней), но и отсутствием у него глубоких познаний по истории и культуре сербского народа.

Множество откликов в русской периодической печати 20-30-х гг. XIX столетия вызвали «Записки морского офицера» Владимира Богдановича Броневского (1784-1835), опубликованные в 1818-1819 гг.¹⁷. Позднее появились его «Письма морского офицера»¹⁸ и «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году»¹⁹. В этих работах Броневский подробно рассказывает о знаменитой экспедиции русской эскадры под руководством вице-адмирала Д.Н.Сенявина, которая в 1805-1807 гг. вела боевые действия в Адриатическом море против наполеоновской Франции. «Записки морского офицера» представляют собой не только воспоминания очевидца о блестящих победах русского флота, но и достаточно ценный исторический и этнографический источник, в котором немало сведений о прошлой и современной жизни многих народов Западной и Юго-Восточной Европы.

В этой книге Броневский описывает пребывание русского флота у берегов Далмации в 1805-1807 гг. Ему лично довелось побывать в Риеке, Дубровнике, Херцег Новом, на о.Корчула, в Боке Которской (Котор, Доброта, Пераст, Рисань, Прчань). Любознательность заставляет Броневского совершить пеший переход в Черногорию – из Котора он поднимается в Цетине, где проводит три дня. В свои записки он включает две главы: «Описание провинции Боко ди Катаро» и «Описание Черногории». При этом признается, что они написаны на основе сведений, полученных им от его знакомых – генерал-майора П.И.Ивелича, архимандрита И.Вукотича, одного австрийского инженера, а также от доктора, фамилию которого он первоначально не указывает²⁰. «Описание Черногории» представляет собой вольный перевод (с небольшими добавлениями) «Манускрипта» доктора С.И.Мазаровича, уроженца Пераста, работавшего в течение ряда лет в Черногории, а затем вместе с эскадрой Сенявина уехавшего в Россию²¹.

Вопрос об авторстве многих мест в «Записках» и, в частности, глав, посвященных югославянам, вызвал сомнения сразу же после

их выхода из печати. Это было связано с тем, что одновременно с «Записками» Броневского, другой участник экспедиции Сенявина – П.П.Свиньин, опубликовал «Воспоминания на флоте»²², в которых часть первая тоже касалась пребывания в Дубровнике и Боке Которской²³. Словесных совпадений в текстах Броневского и Свиньи-на было немало, что дало основание первому обвинить Свиньи-на в плагиате. Этот конфликт получил широкую огласку в русских журналах²⁴.

Следует признать, что описания югославянских земель у Броневского были более подробными и живыми, чем у Свиньи-на. Кроме того, последний не был в Черногории и кратко описал черногорцев, которых ему довелось увидеть в Которе. Все это и дало основание многим исследователям и критикам утверждать, что «Записки» Броневского были первой в России книгой, в которой содержалось подробное описание Черногории и черногорцев. Отечественная общественность 1810-1820-х гг. признавала ценность книги Броневского в этой ее части²⁵. Суммируя высказывания критиков тех лет (они отмечали и недостатки книги), А.Н.Пыпин в «Истории русской этнографии» писал о том, что «Записки» В.Броневского были «...едва ли не единственной книгой, где русский человек заметил на Западе своих единоплеменников и отнесся к ним с интересом и сочувствием»²⁶.

В своем историко-этнографическом очерке Броневский пишет о границах Черногории, ее государственном и административном устройстве, климате, хозяйстве, религии, нравах и обычаях черногорцев. Как и Мазарович, Броневский создает идеализированный образ Черногории и ее народа. Он восхищается тем, что в Черногории равенство поддерживается бедностью, а вольность – храбростью; восхваляет такие национальные особенности черногорцев, как горделивость и смелость, неиспорченность нравов и отчуждение от всякой роскоши²⁷. Эти черты напоминают ему Спарту и Русь времен легендарных богатырей древности. Далее, в тех же «Записках», не замечая противоречий, Броневский напишет о беспорядках и своеволии, мраке невежества, в котором пребывает народ, и о бессилии митрополита Петра I Негоша добиться существенных преобразований²⁸. Броневский выражал надежду, что помочь черногорцам может только Россия, но его надежды тогда были напрас-

ны, так как в те годы российское правительство, опасаясь Австрии, не считало возможным по-прежнему покровительствовать Черногории.

«Письма морского офицера», в основу которых были положены посмертные записки и дневники друга В.Б. Броневского – лейтенанта Н.В.Коробки, также знакомят читателей со средиземноморской экспедицией русских войск против Наполеона. Во многом повторяя свое же описание Далмации и Черногории, Броневский дополняет его сведениями о жителях полуострова Истрии и тех населенных пунктов, через которые он проезжал вместе с русскими войсками. Он сообщает самые общие данные о Каподистрии (Копер), Пиране, Пуле, о земледелии, рыболовстве, пище, одежде, свадебных обычаях жителей этих мест. Автор отмечает ужасающую бедность сельского славянского населения во внутренних районах Истрии, объясняя его десятивековым господством Венеции²⁹.

Третья книга В.Б.Броневского «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году» также написана на основе личных впечатлений от экспедиции на Балканы войск адмирала Сенявина и их возвращения в Россию. В первой части описывается путь через Крайну, Каринтию, Штирию и Военную Границу. Броневский приводит краткие историко-этнографические данные о жителях Крайны, их занятиях, особенностях сельского жилища, народного костюма, свадебных и похоронных обрядов, знакомит русских читателей с прошлым и настоящим центра Крайны – Любляны. Впервые услышав речь словенцев, Броневский отмечает, что они говорят на славянском языке, «испорченном немецкими и итальянскими словами»³⁰.

Броневский попал в неизведанные для него югославянские земли очень молодым человеком. Он был далек от науки, вряд ли знал те немногие публикации о зарубежных славянах, которые уже существовали в России. Однако его заслуга была в том, что он понял важность открытия для русской общественности малоизвестных земель и столь близких к русскому народам. Книги Броневского были известны не только современникам, но и позднейшим исследователям-славистам; несмотря на противоречия, неточности и даже ошибки, на них опирались русские ученые и общественные деятели, отправлявшиеся в поездки по югославянским землям.

Первая треть XIX в. характеризуется формированием славистических центров в Москве, Петербурге, Дерпте и Вильне. Многие

видные ученые того времени группируются вокруг Российской Академии, Публичной библиотеки и других научных учреждений. Подлинным центром славистических исследований в России стал кружок, сложившийся в 1810-1820 гг. вокруг Н.П.Румянцева, в который входили такие известные ученые, как А.Х.Востоков, К.Ф.Калайдович, П.М.Строев, П.И.Кеппен и др.

С именем Петра Ивановича Кеппена (1793-1864) – специалиста в самых различных областях знаний – археологии, географии, палеографии, этнографии, – связано начало систематического и всестороннего изучения зарубежных славянских народов.

Славистические интересы Кеппена складываются еще в Харьковском университете, где он учился в 1808-1812 гг. В дальнейшем жизнь в Петербурге, вхождение в кружок Румянцева и Вольное общество любителей российской словесности, знакомство с А.Х.Востоковым, Ф.П.Аделунгом, а через последнего и с Караджичем (в Петербурге в 1819 г.) утверждают Кеппена в намерении серьезно заниматься изучением истории, филологии, этнографии славян. Так, в 1820-х годах при участии Кеппена был разработан план образования славянских кафедр во всех российских университетах. Молодому ученому принадлежал и первый подробный план путешествия по Западной Европе и славянским землям³¹ с целью изучения памятников письменности, предметов искусства, быта, живых говоров, на который в дальнейшем опирались многие русские ученые, отправлявшиеся в командировки по землям зарубежных славян.

Путешествие, которое П.И.Кеппен совершил вместе с русским помещиком А.С.Березиным (и на его средства) длилось с октября 1821 по апрель 1824 г.³² Часть маршрута Кеппена проходила через Краков, Вену, Пешт, города и села Славонии (Брод, Пожега, Селцы, Беничане, Осиек), Воеводины (Вуковар, Сремски Карловцы, фрушкогорские монастыри), Сербии (Панчево, Смедерево, Оршова). Свой маршрут он подробно описал в неопубликованных «Путевых записках» 1822 года³³.

Главная цель поездки Кеппена по югославянским землям заключалась в поисках древнеславянских летописей, словарей и других документов, а также в изучении живых славянских языков. Однако результаты путешествия Кеппена оказались шире – ему удалось собрать и этнографические материалы о югославянах. Так, пробыв

в Славонии всего неделю, ученый делает правильный вывод о большой этнической пестроте населения³⁴, о языковом венгерско-славянском и турецко-славянском смешении. В славонской деревне Селцы и городе Пожега он подробно описывает танец «коло», в деревне Верковцы записывает народные песни. Его интересует профессиональный состав населения Славонии, жилище зажиточного славонского крестьянина, мужской и женский народный костюм, орудия крестьянского труда (в частности, особого рода вилы, которые он сопроводил рисунком)³⁵, рецепты народной кухни и т.д. До возвращения в Россию Кеппен в 1825 г. в своем журнале «Библиографические листы» (№17) помещает «Список видам, древностям и костюмам, изображенным в портфеле покойного А.С.Березина». Поразило Кеппена сходство в нравах и обычаях жителей Славонии и русских, например, обряда очищения огнем в Иванов день³⁶. Пребывание в городах и селах Славонии, Воеводины и Сербии утверждают ученого в мысли об этнической близости восточных, западных и южных славян.

Путешествие по Воеводине и фрушкогорским монастырям, длившееся всего десять дней, носило несколько иной характер. Главным результатом его было знакомство с учеными и деятелями культуры – П.-Й.Шафариком, Л.Мушицким, С.Стратимировичем. Интересно, что Кеппен солидарен с Шафариком по многим проблемам национального возрождения славянских народов и, в частности, по вопросам защиты их самобытности. Беседуя же со Стратимировичем и Мушицким, он спорит с ними по поводу языковой реформы В.Караджича. Кеппен, к примеру, приветствует создание последним сербского литературного языка на народной основе³⁷, Стратимирович и Мушицкий, напротив, видят в реформе Караджича невозможную потерю – сближение сербского языка с «языком черни».

В десяти фрушкогорских монастырях (Каменица, Раковац, Беочин, Крушедол, Ердвин и др.) Кеппен изучает рукописи и старопечатные книги. Результаты этих исследований он излагает в статье «Описание славянских древностей в Сирмии», помещенной в журнале «Северный архив»³⁸.

В Воеводине его интересует все: история сербских поселений, достопримечательности городов, остатки римских строений, семантика топонимов и др.

В Белграде Кеппену не удалось побывать, так как после поражения Первого сербского восстания (1813 г.) турки снова заняли город. Но описывая путешествие по Дунаю в Оршову мимо самого Белграда (Кеппен заезжает в Панчево и Смедерево), он не раз отмечает решимость сербов освободиться от османского ига и их надежду на помощь России.

Путешествие Кеппена по Западной Европе и по югославянским землям, в частности, сыграло большую роль в укреплении славяно-русских связей первых десятилетий века, положило начало более углубленной разработке различных вопросов славянской филологии и этнографии. Познакомившись в 1819 г. в Петербурге с Караджичем, а в 1823 г. в Вене и Праге с Копитаром, Ганкой, Добровским, он в дальнейшем стал, по выражению И.В.Ягича, – «посредником между Россией и славянскими странами»³⁹.

Кеппену принадлежала заслуга первой в России и Западной Европе публикации в 1827 г. текста древнесловенской рукописи «Фрейзингенских отрывков» с комментариями А.Х.Востокова.

Результаты своих поездок по славянским землям он излагал в 1823-1828 гг. в различных статьях, помещенных в российских журналах. Стараниями Кеппена осуществилось издание первого международного славистического журнала «Библиографические листы» (1825-1826, № 1-43). Содержание журнала, получившего большой резонанс в зарубежных славянских странах, было шире его названия – на его страницах обсуждались важные славистические проблемы, печатались работы видных деятелей национального возрождения славянских стран, комментировались вновь открытые славянские рукописи, старопечатные книги и т.д.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. вызвала естественный интерес к югославянам офицеров генерального штаба – генерал-майора И.П.Липранди и капитана А.Г.Розелион-Сашальского, принимавших непосредственное участие в боевых действиях русской армии.

Участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор русской армии, друг Пушкина и декабристов, а затем тайный агент III отделения, выдавший петрашевцев, военный историк, чиновник особых поручений при Министре внутренних дел, человек, в котором уживались левые и монархические идеи – таков неполный портрет Ивана Петровича Липранди (1790-1880), до сих пор не разгаданный до конца⁴⁰.

И.П.Липранди начал изучать балканские народы в 1820 г., когда приехал в Бессарабию и состоял в ранге подполковника на службе во второй армии, многие офицеры которой (в том числе и декабристы) уже вели огромную работу по изучению истории русско-турецких войн и народов Балканского полуострова. Человек большой эрудиции и неменьшего трудолюбия, Липранди на протяжении 33 лет – открыто и тайно (выполняя высочайшие поручения) ведет сбор материалов по истории, жизни, быту балканских народов, в том числе сербов, черногорцев, мусульман. Его колоссальная библиотека, насчитывающая около 3 тысяч книг, в том числе редких, вызывает восторг и изумление у многих, кому довелось ее увидеть. Так, славист В.И.Григорович, посетивший Липранди в конце 40-х гг., писал с восхищением, что в его библиотеке он увидел и узнал больше, «чем во всей загранице»⁴¹.

Те материалы и этнографические записи Липранди о сербах, черногорцах и мусульманах, которые нас интересуют, лишь частично были опубликованы в 50-70-х гг. XIX в.; большинство их хранится в архивных фондах РГИА и ОР РГБ. Этот материал до сих пор не был введен в научный оборот, хотя он представляет определенную ценность и способствует накоплению этнографических знаний о югославянских народах.

В 1821 г. И.П.Липранди начинает писать большой труд «Оттоманская империя»⁴², в котором стремится дать «подробнейшее описание сего государства в военном, гражданском, политическом и религиозном отношениях с историческим исследованием устройства придворного, обычаев, обрядов, суеверий, предрассудков, пословиц, с приложением исторического обзора Румелии, Македонии, Албании, Турецкой Кроации, Сербии, Болгарии...»⁴³. Этот труд в основном был закончен в 1836 г. (полностью не опубликован). Липранди задумал его как многотомное энциклопедическое издание, в котором материал располагался в алфавитном порядке. Большая часть этих материалов носит название «Опыт словоистолкователя Турецкой империи и Европейских оной областей». Интересующие нас этнографические материалы о югославянских народах в основном входят в этот «Опыт истолкователя», а также в отдельные рукописные фрагменты, посвященные сербам, черногорцам и мусульманам. Они выявлены нами в ходе работы над архивами Липранди.

Большинство сведений о югославянах в них датировано концом 20-х годов XIX в. Это дает основание утверждать, что собраны они были Липранди во время его службы во второй армии и участия в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.

Как писал сам Липранди, «собираением сведений об областях турецких» он занимался еще в Кишиневе: «...Я имел все средства получать оные из первых рук, сравнивать, очищать, и, наконец, впоследствии и проверять оные на местах собственными наблюдениями»⁴⁴. В другом месте он писал о своем методе опроса: приглашая к себе лица разных национальностей, «тщательно записывал их рассказы, проверял их, сопоставлял один с другим». Свои первоначальные записи Липранди делал на языке оригинала, впоследствии проверял их у ученых-специалистов⁴⁵. В Кишиневе Липранди познакомился со многими сербскими воеводами, участниками сербских восстаний⁴⁶. Материалы для своих трудов он черпал также непосредственно из уст «волонтеров из числа сербов, македонцев, боснийцев, болгар, албанцев», греческих этеристов, живших в Боснии и Герцеговине⁴⁷, отряд из которых он лично формирует в 1827 г., перед началом русско-турецкой войны по заданию генерала П.Д.Киселева. Хорошо знал Липранди и труды Вука Караджича, с которым переписывался с 1827 г.

Наиболее ценными представляются нам описания югославянских обрядов, обычаев, народных музыкальных инструментов, а также жилища, пищи, элементов народного костюма. Некоторые из этих описаний чрезвычайно подробны и нередко подкрепляются записями обрядового фольклора, сравнительным материалом из жизни сербов, болгар и т.д. К ним можно отнести статьи о календарных обрядах – «лазарица», «коледа», «кральице», «додола», «Бадњи дан» (сочельник), «Варица», «Иван дан», семейных – «женитба», «добеглица» (девушка, убежавшая с женихом), «кум», «наконче» (маленький мальчик – участник свадебных обрядов), «крсно име», «преслављати»; общественных – «моба» (добровольная коллективная помощь в сельскохозяйственных работах), «крвнина» (кровная месть), «побратим», «заветина» (сельский общинный праздник)⁴⁸.

Сравнение некоторых статей, посвященных обрядам и обычаям и включенных Липранди в «Опыт словоистолкователя», с аналогичными статьями из «Сербского словаря» В.Караджича дает нам

основание утверждать, что Липранди несомненно опирался на первое издание «Сербского словаря» В.Караджича⁴⁹. Многие статьи представляют собой вольный перевод из Караджича. Но иногда сведения у Липранди более обширны, дополняются пословицами, поговорками, песнями. Кроме того, многие слова, которые поясняет в своем «Опыте» Липранди, отсутствуют в «Сербском словаре» Караджича и наоборот. В «Опыте словоистолкователя» Липранди помещает и своего рода историко-этнографические очерки о сербах, черногорцах, мусульманах. Однако чтобы дать оценку научной значимости и достоверности этих статей в «Опыте словоистолкователя», необходимо провести специальный текстологический анализ, что не входит в задачи нашего исследования.

Надо сказать, что Липранди в своих неопубликованных и опубликованных работах сообщал много ценных и ранее малоизвестных сведений о югославянах Османской империи. Так, например, в труде «Народное врачевание в Европейской Турции»⁵⁰ собран уникальный и оригинальный материал, содержащий не только рецепты народной медицины сербов, черногорцев, мусульман, болгар и др. народов, но и способы народных методов лечения. В то же время, не будучи профессиональным ученым, он иногда заблуждался. Так, в статье о сербах («Сербские вилаети»)⁵¹, он, касаясь этнической истории сербов, неожиданно заявляет себя сторонником азиатской теории происхождения славян вообще и сербов, в частности, хотя несостоятельность этой теории была уже доказана в начале XIX в. создателями сравнительной индоевропейской грамматики (Р.-Х.Раск, Ф.В.Бопп, Я.Гримм)⁵².

Александр Григорьевич Розелион-Сашальский, участник боевых действий на балканском фронте русско-турецкой войны 1828-1829 г., после освобождения из турецкого плена в 1829 г. посетил Грецию, Албанию, Македонию и Болгарию. В 1830-1831 г. он по заданию генштаба русской армии был направлен в Сербию с целью составления «верной и полной карты Сербии, подробного ее описания, посредством рекогносцировок и путешествий»⁵³. Однако даже в инструкции, данной русским офицерам, были обозначены более широкие задачи: отыскание древностей, материалов для истории и других исследований этого малоизвестного и «во многих отношениях любопытного края»⁵⁴.

Розелион-Сашальский, возглавлявший группу из трех офицеров, прибыл в Белград в конце июня 1830 года с рекомендательным письмом генерала П.Д.Киселева к Милошу Обреновичу. Карта Сербии была закончена к ноябрю 1830 г. вместе с прилагающейся к ней «Краткой статистической запиской о Сербии»⁵⁵. Одновременно Розелион-Сашальский подготовил и «Статистическое описание Сербии»⁵⁶, однако уехал из Сербии только в апреле 1831 года. Безусловно, на эти две его работы оказали влияние труды В.Караджича и Л.Ранке⁵⁷, хотя он зачастую корректировал и дополнял их сведения.

Названные выше две работы А.Г.Розелион-Сашальского до настоящего времени еще не опубликованные (они хранятся в РГВИА), представляют несомненную ценность как исторический и этнографический источник о Сербии 1830-1831 гг. Сведения, приводящиеся в них, во многом совпадают. В первой записке больше сведений исторического характера, в ней содержится также справка о положении сербского княжества того времени, о внутренней и внешней политике князя Милоша Обреновича. Второй труд Розелион-Сашальского «Статистическое описание Сербии» дополняет и перекрывает материал «Краткой статистической записки» и представляет для нас наибольший интерес. «Статистическое описание Сербии» состоит из 14 частей, из которых наиболее важными являются следующие: «Географическое положение и границы»; «Пространство и народонаселение»; «Жители, свойства, нравы и обычаи их»; «Города и местечки Сербии»; «Вера» и «Краткая статистическая таблица Сербии».

В третьей части своего труда («Жители, свойства, нравы и обычаи их») Розелион-Сашальский пишет о численности, этническом составе населения Сербии, посезонном женском и мужском сербском народном костюме, сходстве сербских и русских обычаев, физическом типе сербов, специфике сербской задруги того времени. В восьмой части «Города и местечки Сербии»⁵⁸ приводятся сведения о всех городах и селах Сербии с указанием количества домов в них, этнического состава горожан, а также описанием краткой истории, географического положения, достопримечательностей, основных видов хозяйственной деятельности населения городов и сел Сербии. В конце своего труда Розелион-Сашальский помещает «Статистическую таблицу Сербии», в которой приводит

подробнейшие сведения о 13 нахиях (округах) Сербии, с указанием количества городов, местечек, селений, численности населения по конфессиональному признаку⁵⁹. На наш взгляд, эти сведения представляют определенный научный интерес.

* * *

Русская журналистика первой трети XIX в. как бы смыкается с материалами первых русских путешественников и ученых – она тоже характеризуется накоплением информации о жизни и быте зарубежных славянских народов. В ней появляются материалы самого различного характера и научной ценности. Об этих материалах уже много писали советские и зарубежные исследователи⁶⁰. Мы коснемся только тех, которые способствовали расширению этнографических знаний о югославянских народах. К ним относятся как переводы из западных изданий, так и оригинальные статьи, обзоры, очерки, касавшиеся главным образом отдельных югославянских народов. В большинстве своем те и другие носили энциклопедический характер – они включали сумму знаний обо всем: историческом прошлом, географическом положении, особенностях языка, религии, быта и нравов этих народов. Отечественные журналы уделяют наибольшее внимание единоверным и единоплеменным сербам и черногорцам. Усиленный интерес к ним русских общественных и научных кругов был вызван преклонением перед их мужественной борьбой за свободу и независимость от османского ига.

Целый блок переводных и оригинальных статей посвящен Черногории и ее народу. В первой трети XIX в. один из ведущих журналов «Вестник Европы», на страницах которого освещались разные вопросы общественно-политической жизни и культуры, помещает несколько переводных статей разных авторов о Черногории: «Жители области Монтенегро или черногорцы», «Статистические известия о черногорской области», «О торжественном обряде примирения у черногорцев» (перевод с франц. из Виалла де Соммерс)⁶¹. Последняя публикация интересна чрезвычайно подробными этнографическими сведениями об обряде примирения «кровников», который наблюдал сам автор.

На личных наблюдениях Е.М.Маркова, участника сенявинской экспедиции, основано письмо, присланное М.Н.Макаровым редактору «Вестника Европы» и озаглавленное «Несколько слов о черногорцах» (1817, № 9). В нем содержится восторженная характеристика этого воинственного и героического народа. Это письмо предвляло публикации из книги «Записки морского офицера» В.Б.Броневского в разных отечественных журналах ⁶².

Сербская проблематика в русской журналистике первой трети XIX в. была связана, прежде всего, с событиями Первого сербского восстания и его предводителем Карагеоргием. Появляется множество статей о возрождении национальной культуры сербского народа, о таких выдающихся его деятелях, как Д.Обрадович и В.Караджич, о реформе сербского литературного языка, становлении сербской национальной литературы, о связях сербской культуры с культурой восточных славян, о вхождении культурных достижений сербского народа в сокровищницу европейской культуры, а также публикации переводов сербских народных песен. Этот материал уже достаточно изучен современными историками и литературоведами ⁶³.

В русской журналистике первой трети XIX в. появляются переводы отрывков из этнографических зарисовок о сербах, принадлежащих перу В.Караджича. Среди них наибольший интерес представляют статьи «О сербских народных песнях», «Сербские предания и поверья (выдержки из Сербского словаря В.Караджича)»; «Описание сербского народа» (из альманаха «Даница»), «Правительства и судилища в Сербии» (из книги В.Караджича «Милош Обренович») ⁶⁴ и др. По существу, эти статьи впервые подробно знакомили русскую общественность с сербской задругой и ее устройством, хозяйством, одеждой, обычаями и праздниками сербов.

Кроме «Вестника Европы» популярный в Петербурге журнал «Северный архив» публикует в 20-е гг. XIX в. немало статей, характеризующих разные стороны жизни южных славян. Это, в частности, уже упомянутая выше статья П.И.Кеппена «Описание славянских древностей в Сирмии» ⁶⁵, «Народонаселение Австрийской монархии в 1825 г.» ⁶⁶, «Славянская статистика» ⁶⁷ (перевод с нем.яз.), статья неизвестного автора «О сербах» ⁶⁸. В последней содержится информация о жилище и хозяйстве сербов.

Среди публикаций «Северного архива» первой трети XIX в. выделяется обширная статья А.М.Спиридова, участника Отечественной войны, сотрудника российского генерального консульства в Бухаресте, имевшего возможность установить контакты с выходцами из Сербии и других частей Европейской Турции. Большое место в статье А.М.Спиридова «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Турецкой империи»⁶⁹ отводится вопросу об этнической общности славян Балканского полуострова и их близости к восточным и западным славянам⁷⁰.

В отечественной журналистике первых десятилетий XIX в. появляется немало сведений о хорватах Далмации. Среди них наибольший интерес с точки зрения этнографии представляют переводы отрывков из монографии «Путешествие в Далмацию»⁷¹ итальянского этнографа и естествоиспытателя аббата А.Фортиса. Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» публикует отрывок из книги А.Фортиса «О нравах и обычаях морлаков» в переводе Ореста Сомова⁷², а позднее «Вестник Европы» печатает его же статью «Обычаи морлаков»⁷³, в разделе «Этнография» журнала «Сын отечества» появляется также статья «О морлаках. Из записок А.Фортиса»⁷⁴. Эти статьи впервые знакомили русскую общественность с происхождением морлаков и их этнонима, с обычаями побратимства, кровной мести, свадебной обрядностью, мифологией этой своеобразной этнической группы⁷⁵.

Уже в 1802 г. и 1808 г. на страницах русских журналов появляются первые историко-этнографические заметки о Рагузе (Дубровнике). «Вестник Европы» знакомит читателей с «Известиями о нынешнем состоянии Рагузы, писанными гражданином ея»⁷⁶, а журнал «Гений времен», издававшийся Н.И.Гречем и Ф.Шредером и публикующий материалы о путешествиях по разным странам, в 1808 г. печатает заметку «Рагуза»⁷⁷. В них содержатся краткие исторические сведения о республике, о религии, языке и занятиях славянского населения Рагузы. «Сын отечества» также в разделе «Статистика» публикует анонимную статью «Рагуза»⁷⁸ о местоположении и истории республики, численности жителей, их внешнем облике, чертах характера и т.д.

Ведущие отечественные журналы проявляют немалый интерес вообще к хорватам. Так, «Вестник Европы» печатает перевод статьи Я. Чапловича «Некоторые черты о кроатах и других славя-

нах»⁷⁹, и перевод статьи из французской прессы «О жителях провинций иллирийских»⁸⁰, в которых приводятся краткие сведения об этническом составе населения Иллирийских провинций и их истории в эпоху наполеоновских войн.

Итак, краткий обзор трудов русских путешественников и ученых, их архивных фондов, а также отечественной журналистики первой трети XIX в. позволяет сделать вывод, что многие этнографические материалы того времени не носили еще исследовательского характера, были фрагментарными, собирались зачастую без надлежащей подготовки, планов и программ. Нередко в них присутствует идеализированная картина увиденного, встречаются ошибки. Это естественно для времени первых непосредственных наблюдений, знакомств, контактов, для периода накопления этнографических и иных знаний о дотоле малоизвестных зарубежных славянских народах. Но именно эти сведения первой трети XIX в. стали той основой знаний по этнографии югославянских народов, на которые в дальнейшем опирались последующие поколения университетских и академических славистов. Справедливы, на наш взгляд, слова А.Н.Пыпина о том, что «изучение славянства чрезвычайно благоприятно подействовало и на разработку самой русской этнографии»⁸¹.

Отечественная этнографическая славистика 30-50-х гг. XIX в.

В России 30-50-х годов XIX в. изучение славянства оказалось в фокусе общественно-политического противостояния различных идейных течений, представленных сторонниками «официальной народности», славянофильства и западничества.

Славянофильское течение, возникшее на рубеже 30-40-х гг. XIX в., оказало известное влияние и на развитие научной мысли России, в частности, на многих ученых-славистов. Некоторые идеи славянофилов носили для своего времени прогрессивный характер. Выступая защитниками идеи славянской взаимности, культурного и литературного сотрудничества всех славян, они стали выразителями объективных устремлений национальной интеллигенции зару-

бежных славянских стран, видевших в этих идеях залог успешного развития национального возрождения своих народов.

В отличие от западников, которые считали, что русский народ развивается по тем же законам, что и другие народы Европы, славянофилы абсолютизировали национальную самобытность русского и других славянских народов, видя ее в исконно славянских чертах характера, связанных в первую очередь с православной верой и общинным мироощущением. Консервативность их теорий проявилась в противостоянии процессу европеизации славянской культуры, однако их практическая деятельность (открытие журналов, посылка книг, церковной утвари, создание фонда помощи славянам) свидетельствовала об интересе к судьбам славянских народов, находившихся под властью Австрийской и Османской империй.

Членам московского кружка дореформенного славянофильства, организационно оформившегося в 30-40-х гг., были А.С.Хомяков, К.С.Аксаков, И.В. и П.В.Киреевские, Д.А.Вагуев, Ю.Ф.Самарин, А.И.Коселев. Они немало сделали для популяризации в России сведений о зарубежных славянских народах, писали об их надеждах на помощь России в освободительной борьбе.

Славянофилы не были профессиональными учеными-славистами, однако они приветствовали учреждение кафедр славистики в российских университетах, поддерживали личные связи с университетскими и академическими славистами. Собственно этнографические материалы, связанные с зарубежным славянством, интересовали их только в сравнении с аналогичными явлениями русской жизни, так как в центре их воззрений были поиски у всех славянских народов и, прежде всего, у русского народа, исконно славянских самобытных черт. С большим интересом они следили за деятельностью выдающихся представителей национального возрождения южных и западных славян.

В конце 40-х, а также в 50-х гг. XIX в. отечественное славянофильство усиленно открещивалось от идей «политического панславизма», т.е. от мысли о гегемонии России в славянском мире и объединении всех славян под эгидой русского царизма.

Революция 1848-1849 гг. в Австрийской империи внесла известные коррективы в отношения славянофилов к зарубежным славянам. Им стало ясно, что отныне нельзя говорить о славянах вообще, как об одном племени, ибо каждый народ вырабатывал свое

национальное самосознание и намечал свои пути в достижении независимости⁸². Они стали больше интересоваться процессами, протекавшими в зарубежных славянских землях, и прежде всего национальным возрождением, освещать все это в своих периодических изданиях (основным была «Русская беседа» – редактор А.И.Кошелев). Материалы, публиковавшиеся ими, способствовали развитию отечественного славяноведения.

И все же нельзя не отметить, что национально-освободительное движение славянских народов рассматривалось славянофилами главным образом в русле интересов внешней политики России. Это проявилось, в частности, в послании «К сербам» 1860 года, написанном А.С.Хомяковым (издано в Лейпциге на сербско-хорватском языке)⁸³. В нем подчеркивалось великое предназначение славянских народов и главенство Российской монархии в их союзе, говорилось о высшей истине православия («славянин вне православия вполне славянином быть не может»). Послание как нельзя лучше демонстрировало «ретроспективную утопичность» взглядов славянофилов; оно было отрицательно встречено прогрессивной общественностью зарубежных славянских стран. Н.Г.Чернышевский назвал авторов послания «самозванными старейшинами» и резко критиковал консервативные стороны славянофильской доктрины в целом⁸⁴.

Выступления московских славянофилов (И.В.Киреевского, А.С.Хомякова, К.С.Аксакова) против насаждения в России «западного самосознания» и в защиту якобы «высшей» русской цивилизации, свободной от «рационализма», Д.И.Писарев остроумно характеризовал как «донкихотство, всегда искреннее, часто трогательное, большей частью несостоятельное»⁸⁵.

Надо сказать, что западники и, прежде всего, такие их представители, как В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев – в противоположность славянофилам – не исключали славянские народы из всемирно-исторического процесса, отрицали их «исключительность», всячески подчеркивали благотворность и объективную необходимость их связей с Западом. Вместе с тем, они выступали за сохранение общинных отношений у славян, видя в них путь коренных общественных преобразований, ратовали за демократическую федерацию славянских республик без угнетающих их государств. Большая часть высказываний революционеров-демократов по славянскому вопросу относится к пореформенному периоду. До начала

60-х гг. они в основном писали о положении сербского народа, в начале XIX в. поднявшегося на национально-освободительную борьбу. Так, в статье «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию» Н.Г.Чернышевский приветствовал революционное движение сербского народа против османского и австрийского господства, видя в нем одно из главных условий окончательного освобождения славянских народов от иностранного гнета; отстаивал демократические формы правления в освобожденных независимых славянских государствах, что, естественно, находилось в полном противоречии с доктриной славянофилов и теоретиков «официальной народности»⁸⁶.

Итак, главное противостояние в отечественной общественной и научной мысли проходило между славянофилами и западниками. Взгляды и тех и других не могли пройти бесследно для ученых, занимавшихся исследованиями прошлого и настоящего зарубежных славян. Характеризуя их деятельность в области славяноведения и этнографической славистики в том числе, мы будем говорить и об их близости к тому или иному общественному течению дореформенной России.

Основание в 1835 г. кафедр истории и литературы славянских наречий в университетах Петербурга, Москвы, Харькова, а в 1837 г. – и в Казани, является значительной вехой в развитии отечественной славистики. Не менее важным событием стало создание в 1845 году Отделения этнографии в рамках вновь основанного Русского географического общества.

В конце 1830-х гг. в славянские земли были направлены будущие преподаватели российских университетов: Московского – Осип Максимович Бодянский (1808-1877), Петербургского – Петр Иванович Прейс (1810-1846), Харьковского – Измаил Иванович Срезневский (1812-1880), Казанского – Виктор Иванович Григорович (1815-1876). Увлеченные, энциклопедически образованные, они стали первыми университетскими славистами России, много сделавшими и для утверждения этнографической славистики. Основным предметом их занятий была славянская филология, однако, как мы покажем ниже, все они хорошо понимали необходимость развития этнографии как самостоятельной области знаний, писали и говорили о ее содержании, выделяли этнографию того или иного народа в своих лекциях.

О.М.Бодянский, защитив в 1837 г. магистерскую диссертацию на тему «О народной поэзии славянских племен», в 1837-1842 гг. совершает поездку в Чехию, Моравию, где знакомится с выдающимися чешскими и словацкими учеными; посещает Вену и устанавливает там контакты с Вуком Караджичем и Ернеем Копитаром – видными деятелями югославянского национального возрождения, затем в конце 1839 – начале 1840 г. посещает югославянские земли – Карловац и фрушкогорские монастыри в Воеводине, а также Загреб, но, заболев, возвращается в Москву. Хотя Бодянский гораздо меньше времени, чем другие слависты провел в зарубежных югославянских землях, он вошел в историю науки как крупный знаток славянских древностей, языков и фольклора. Будучи редактором «Чтений Московского общества истории и древностей Российских», он делает все возможное, чтобы в них «во весь голос» зазвучала славянская тема⁸⁷. Велика заслуга Бодянского как переводчика трудов П.-И.Шафарика, Ф.Палацкого, Л.Суровецкого, как издателя и популяризатора отечественных славистических работ. Большое значение имели переводы Бодянским книг П.-И.Шафарика «Славянские древности» и «Славянская этнография» (перевод первой книги появился в 1837 г. (т.1) и в 1848 г. (т. 2), второй – в 1843 г.). Высокую оценку научному подвигу Бодянского в связи с переводом на русский язык «Славянских древностей» и «Славянской этнографии» Шафарика дал И.И.Срезневский⁸⁸.

И лекционная деятельность Бодянского была также разнообразна: он читал курсы всех славянских языков, литературы, истории. Общественно-политические взгляды Бодянского были близки к славянофильским, хотя в своих трудах и лекциях он не «опускался» до принижения «неправославных» славянских народов, отстаивал мысль о том, что всем им, как и православным, присуща оригинальная культура.

Интерес Срезневского к славянским сюжетам возник в 20-х гг., когда он был студентом философского факультета Харьковского университета. В 1832-38 гг. он издает сборник словацких и украинских народных песен, а в сентябре 1839 г. уезжает в славянские земли, откуда возвращается в сентябре 1842 года. Как и Бодянский, Срезневский посетил Прагу, Вену, где у В.Караджича изучал сербский язык и готовился к дальнейшему путешествию по югославянским землям⁸⁹. Его путь лежал через Штирию, Каринтию, Край-

ну и Загреб; затем вместе с Прейсом он совершил трехмесячное путешествие из Триеста по Истрии, Далмации, Черногории. Возвратившись тем же путем в Загреб, он затем проехал Хорватию, Славонию и Сербию, где в г.Алексинач закончил свое путешествие⁹⁰.

Защитив в 1846 г. докторскую диссертацию на тему «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян», Срезневский получил место профессора сначала в Харьковском (с 1842 г.), а затем, после смерти Прейса (в 1847 г.), в Петербургском университете. Дальнейшая научная карьера Срезневского была столь же блестящей. Академик, член Русского географического общества, редактор «Известий Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности» (1852-1863), Срезневский читал многие курсы и издал множество трудов по истории, языку, литературе, этнографии, истории религии славянских народов. Его учениками были Чернышевский, Пыпин и многие другие выдающиеся русские ученые и общественные деятели. И.В. Ягич писал о нем как о лучшем знатоке славянского мира, филологе и этнографе⁹¹. Опубликованные работы и архивные материалы фондов Срезневского дают представление о его разносторонней талантливости (он был не только ученым, но и прекрасным художником), о живости его ума, острой наблюдательности, необыкновенной плодовитости.

Мы разделяем точку зрения историка М.Ю.Досталь о том, что в 30-е гг. XIX в. И.И.Срезневский был близок к позициям славянофилов, хотя самого его славянофилом считать нельзя. Он отрицал, например, тезис славянофилов о православии как залого единства всех славян, осуждая их за недоверие к успехам европейской образованности. В связи с этим интересно высказывание самого Срезневского о разнице между славянофилами, западниками и учеными славистами. Так, в 1848 г. он писал: «Теперь по необходимости у нас отделились слависты и славянофилы, как две партии ничем не связанные. В партии западников тоже ералаш: и там рассыпаются похвалы тому, что их не стоит. И от них отделилась партия европейцев (сиречь: образованных). Европейцы и слависты цвет общества, и представьте себе, им не о чем спорить. В главных мнениях они совершенно согласны, да иначе и быть не может: это народ, знающий цену всему, что современно, и все хорошее уважающий, будь оно русское, славянское, немецкое, английское, или хоть китайское»⁹². Из этого высказывания видно, что сам Срезневский отделял се-

бя от славянофилов, которые защищали исключительность славян, и подчеркивал широту воззрений западников, уважающих каждый народ в отдельности и те ценности, которые он вносит в общечеловеческую культуру. Однако неправильно было бы утверждать, что он полностью разделял позиции западников. С конца 50-х годов в его воззрения все больше проникают идеи великорусского шовинизма и консерватизма⁹³.

Почти все зарубежные и отечественные слависты отмечали, что П.И.Прейс был самым даровитым и подающим надежды молодым ученым. Он умер в 36 лет, не успев защитить магистерской диссертации; опубликованных работ у него мало, но известность его как ученого была велика. Его глубокие познания в области славистики производили огромное впечатление на русских и зарубежных ученых. Лестный отзыв о способностях Прейса дал А.Х.Востоков, сыгравший большую роль в определении научных интересов молодого ученого. Знаменитый словацкий ученый П.-Й.Шафарик считал, что в лице Прейса Россия приобрела второго Востокова. Не только Шафарик, но и Ф.Палацкий, Ф.Челаковский и другие известные деятели чешской культуры, с которыми Прейс сблизился в Праге, дорожили его «указаниями и мнениями»...⁹⁴. «Один из первых славянистов Европы, – писал о Прейсе Н.Г.Чернышевский, – оставил много сочинений; но почти все они хранились еще в рукописи, когда постигла его слишком ранняя смерть. Напечатаны им при жизни были только немногие и небольшие по объему статьи, удивлявшие ученостью и глубокомыслием. Важность оставшихся в рукописи трудов его была несомненна»⁹⁵.

Срезневский высоко отзывался о разностороннем даровании Прейса. «В нем было все, – писал он, – что нужно для хорошего профессора: и ученость, и метод, и любовь к делу, и характер»⁹⁶. Все эти качества вылились в интересные лекции, статьи, отчеты, наблюдения. Лекции Прейса помимо сравнительной грамматики славянских языков и обозрения славянских культур, включали историю и этнографию зарубежных славянских народов (см. об этом ниже). Записные книжки, дневники и лекции П.И.Прейса, вводимые нами в научный оборот, доказывают, что он целенаправленно готовился к путешествию и во время его пытался найти также и ответы на различные пункты своей этнографической программы, кото-

рая предназначалась для изучения «сербохорватских земель в нынешней Австро-Венгрии»⁹⁷.

Прейсу удалось многое увидеть и изучить в славянских землях. Его научное путешествие, длившееся с сентября 1839 по декабрь 1842 г., началось в Кенигсберге и Данциге, было продолжено в Праге и Берлине, а затем в югославянских землях – Штирии, Крайне, Истрии, Хорватии, Славонии, Военной Границе, Далмации, Черногории и Сербии⁹⁸. В Сербии из-за болезни он пробыл меньше всего. К тому же Прейс считал, что все, что касается Сербии, тщательно изучено до него В. Караджичем. Следует указать, что в архивных материалах сохранилось очень мало заметок о путешествии по Сербии, хотя он посетил там Лесковац, Ниш, Прокупье, был во Врачанской нахии, Неготине⁹⁹.

Как уже отмечалось, часть пути по югославянским землям Прейс проделал вместе со Срезневским. «Мы дополняем друг друга, – отмечал Прейс в одном из писем, – Он (Срезневский – М.К.) любит настоящее, занимается более народом, этнографией вообще, я же, как известно, стариною, прошедшим. Настоящее преимущественно интересует меня тогда, когда оно объясняет прошедшее»¹⁰⁰. На самом деле интересы и замыслы Прейса были гораздо шире его занятий так называемой «старинной» – он глубоко изучал и настоящее славянских народов, их быт и культуру, исследовал в сравнительном плане эпическую и лирическую поэзию разных народов, призывал к историческому изучению сербского эпоса.

Прейс не разделял ни славянофильских убеждений, ни идей официальной народности. В одном из писем он отвергал упреки в свой адрес в том, что во время своего путешествия он якобы действовал в интересах панславизма, как агент царского правительства. «Это ложь и очень смешная ложь»,¹⁰¹ – писал он племяннику А. Хаджича. Не согласен был Прейс и с утверждениями московского кружка славянофилов, что «...только славяне во всем чисты и правы». Высмеивая их, он писал: «Москва не может существовать без святых. Будто бы их мало без Шафарика, Ганки и иных...»¹⁰².

Взгляды В.И. Григоровича¹⁰³ – одного из ярких представителей первого поколения университетских славистов – были далеки от славянофильских убеждений (хотя он еще студентом вступил в члены Славянского комитета – в дальнейшем Славянского благотворительного общества), отличались симпатией к революционным

демократам. А.И.Герцен оставил интересную запись о своем знакомстве с Григоровичем, датированную 1843 годом. «Вчера (7 января), – писал Герцен, – явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович (это было в Москве). Отраднее уже самое юношески-благородное желание изъявить свою симпатию... людям движения, но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне дорого узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманности»¹⁰⁴. Надо сказать, что Григорович внимательно следил за освободительной борьбой южных славян, поддерживал ее¹⁰⁵.

После окончания в 1833 году Харьковского университета, Григорович углубляет свои познания в области философии и славистики в Дерптском университете. В 1838 г. он получил приглашение преподавать на кафедре истории и литературы славянских наречий в Казанском университете. Здесь Григорович изучает проблемы генезиса славянских языков, издает «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах», за который ему присуждается степень магистра российской и славянской словесности. Чтение лекций по славянской филологии Григорович сочетает с тщательной подготовкой к зарубежной поездке в славянские земли. В донесении М.Н.Мушкетеру от 1843 года он, в частности, сообщал: «южные славяне – болгары и сербы – будут в центре моих будущих исследований»¹⁰⁶. Во время своей поездки (1844-1847) он посетил Чехию, Моравию, Штирию, Каринтию, Крайну, Болгарию, Македонию, Сербию и Черногорию. Как и другие ученые-слависты, в Праге и Вене он консультировался с Шафариком, Караджичем, Миклошичем. Его путешествие в малодоступные районы Османской империи в то время считалось подвигом. Материалы об этом путешествии вылились в монографию «Очерки путешествия по Европейской Турции» (1848). Григорович собрал богатейший материал по этнической истории, культуре, языкам балканских славян, и как отмечал А.А.Кочубинский, дополнил их исследованиями этнографическими¹⁰⁷. Так, например, в курсе лекций по славянским древностям, Григорович рассматривал вопросы древнего быта славян, их характера, физического склада, степеней родства, праздников¹⁰⁸. Сохранилась рукопись его лекции «Болгары в этнографическом отношении», в которой есть сравнительный этнографический

материал по религии, обычаям, жилищу, одежде болгар, сербов и боснийцев¹⁰⁹.

Большинство затрагиваемых Григоровичем проблем (родовой строй у славян, развитие собственности и сословий, община, крестьянство и его антифеодальная борьба, гуманизм в славянских странах, реакционное значение католицизма и т.п.) решались не в духе официальной науки, а в духе понимания исторического процесса, социальных, экономических и политических изменений в обществе.

Изучением зарубежного славянства в рассматриваемый период занимались не только университетские слависты.

Николай Иванович Надеждин (1804-1856) – известный журналист, литературный критик, историк и этнограф, по определению Чернышевского «человек замечательного ума и учености», писал обо всем – от эстетики до религии и истории, от философии до археологии и этнографии. Занимался он и изучением славянских народов, оставив заметный след в этнографической славистике.

Профессор истории литературы в Московском университете, редактор прогрессивного общественно-литературного журнала «Телескоп», Надеждин за публикацию «Философических писем» Чаадаева был сослан в Усть-Сысольск, а затем в Вологду (1836 г.). Там родились замыслы многих его трудов, в том числе и этнографических. После ссылки он поселился в Одессе, где тесно сотрудничал с Одесским Обществом истории и древностей. С сентября 1840 по сентябрь 1841 г. Надеждин по поручению Общества, и, прежде всего, Российской Академии наук предпринял путешествие по славянским землям. Как он сам пишет, путь его лежал через Молдавию, Трансильванию, Румынию в Банат, Военную Границу, Вену¹¹⁰. В Вене он провел зиму 1840 г., сблизился с Е.Копитаром и В.Караджичем¹¹¹. Его обширная публикация «Письмо из Вены о сербских песнях»¹¹² была одним из серьезных откликов на новаторскую деятельность великого сербского фольклориста, этнографа и лингвиста, каким был В.Караджич. В мае-июле 1841 г. Надеждин вместе с Д.М.Княжевичем¹¹³ и В.Караджичем совершает поездку по Истрии, Хорватии, Славонии, Далмации, Черногории и Сербии (до этого он проехал Штирию и Крайну). В поездке по этим землям к Надеждину, Княжевичу и Караджичу должны были присоединиться Срезневский и Прейс. Прейс писал о своей мечте путешествовать с Караджичем: «Разве это не дар неба путешествовать с Вуком. Вук – огријано сун-

це» (яркое солнце – М.К.). Он считал, что под руководством Вука за два с половиной месяца (столько времени планировалось для их совместного путешествия) он сделает «более, нежели в четыре месяца, путешествуя один»¹¹⁴. Но их мечты не осуществились – их воплотил Надеждин, единственный из русских путешественников, кого в поездке по югославянским землям сопровождал Караджич. По словам Надеждина, Караджич – «драгоценнейший наставник» и «наилучший знаток современного сербства» в вопросах старины и современности¹¹⁵. Сам Надеждин впоследствии отмечал, что задачи и результаты его поездки были шире только этнографического изучения сербов и болгар, как о том сообщал «Москвитянин» за 1841 год; они затрагивали также топографию, статистику, сравнительную историографию южных и восточных славян, прошлое и настоящее славянских языков¹¹⁶. Результаты своей поездки Надеждин намеревался опубликовать отдельной книгой, но осуществить этот замысел ему не удалось. К сожалению, дневники путешествия Надеждина по югославянским землям исчезли, хотя в 1950-х годах они числились в описи Отдела рукописей БАН¹¹⁷. В дальнейшем фонд Надеждина был передан в Отдел рукописей ИРЛИ, но и там эти дневники нами не обнаружены.

В 1840-50-е гг. будучи председателем этнографического отделения Русского географического общества, редактором «Записок РГО» и «Географических известий», инициатором издания «Этнографического сборника» (с 1853 г.), Надеждин сделал чрезвычайно много для теоретического обоснования этнографии как самостоятельной науки и для практического ее развития. Как мы покажем ниже, его заслуга перед этнографической славистикой заключается, прежде всего, в научном обосновании концепции культурно-языковой близости русских со славянскими народами Юго-Восточной Европы. Заметный вклад в изучение истории этнографии и культуры югославян внесла работа Надеждина «Род Княжевичей», статьи «Сербская словесность», «Георгий Черный по рассказам очевидцев» и др.¹¹⁸. Характерно, что последнюю статью, написанную еще в 1842 году, министр иностранных дел К.В.Нессельроде запретил печатать «по политическим соображениям» – «совершенно неудобной» представлялась ему восторженная характеристика вождя сербского восстания Карагеоргия.

Общественные взгляды Надеждина глубоко противоречивы. Просветительско-демократические высказывания сочетались у него с убеждениями монархиста и противника революции. Призыв славянофилов к общеславянской консолидации под эгидой России был чужд Надеждину. Он считал, что развитие самобытных начал русской культуры и общественной жизни должно идти в русле мирового исторического процесса. Последние пятнадцать лет его жизни и деятельности отмечены окончательным отходом от демократических взглядов В.Г.Белинского, поворотом к официальной идеологии¹¹⁹.

Говоря об изучении зарубежных славян в России, нельзя обойти фигуру профессора Московского университета, историка и журналиста Михаила Петровича Погодина (1800-1875). Погодин был широко известен и за пределами России как знаток русской и славянской истории, как координатор всех межславянских связей и контактов¹²⁰.

Последовательный защитник «теории официальной народности», М.П.Погодин ревностно отстаивал идеи панславизма, ратовал за объединение всех славянских народов под эгидой России. Эти мысли пронизывали все его публицистические и научные работы. Пять раз (в период с 1835 по 1856 г.) он посещал Чехию, Моравию, Силезию, дважды югославянские земли (Штирию и Крайну в 1839 г., второй раз был в Воеводине, Сербии и Военной Границе в 1846 г.). Одним из первых среди русских ученых и общественных деятелей он установил научные связи с П.-Й.Шафариком и Ф.Палацким, в Вене сблизился с В.Караджичем и Е.Копитаром. Личные контакты, безусловно, усугубили интерес Погодина к проблемам славянского мира. В журналах «Московский наблюдатель» и «Русская беседа» он немало пишет о своем видении славяно-русского единения, высказывает интересные наблюдения по проблемам этнической истории, религии и языков югославянских народов.

Немаловажной для исследования истории и этнографии югославянских народов была деятельность дипломата, общественного деятеля и ученого Егора Петровича Ковалевского (1809-1868), публициста и математика Федора Васильевича Чижова (1811-1877), публициста и теоретика славянофильства Ивана Сергеевича Аксакова (1823-1886), историков Василия Алексеевича Панова (1819-1849) и Александра Николаевича Попова (1821-1877).

Судьба связала жизнь и деятельность Е.П.Ковалевского с Черногорией, где он побывал четыре раза. Впервые он посетил страну в 1838 году по поручению министерства иностранных дел и по просьбе митрополита Петра II Негоша. Первоначальной целью поездки была разведка золотоносных месторождений. Она затруднялась труднодоступными горами, бездорожьем, постоянной угрозой турецких набегов. Но Ковалевский проявил мужество – он обошел пешком и объехал значительную часть Черногории и даже участвовал вместе с черногорцами в схватках с австрийскими отрядами.

Русский горный инженер проникся чувством глубокой симпатии и преклонения перед героической Черногорией¹²¹. В своей книге «Четыре месяца в Черногории» (опубликована в 1841 г.) он «без всякого притязания на ученость, просто и откровенно»¹²² рассказал о том, что видел собственными глазами, далеко превзойдя чисто геологические задачи. Книга написана в форме путевого дневника, где повествование велось не по дням или месяцам, а по пунктам следования автора (главы книги соответствуют тем нахиям (округам), селениям и монастырям, в которых автор останавливался). В конце Ковалевский приводит краткий геологический очерк Черногории и одну из первых топографических карт, где обозначены границы нахий и племен, монастыри, крепости, дороги и т.д.

С конца 30-х годов XIX века судьба балканских народов становится предметом постоянных раздумий Ковалевского – ученого и политика. Он выступает сторонником оказания военной помощи южным славянам в их усилиях освободиться от чужеземного гнета, размышляет об образовании славянской федерации на Балканах. Трижды, в 1852-1854 гг., он выезжает в Черногорию по поручению российского правительства для оказания помощи молодому правителю Даниле Негошу. (Усилиями последнего и при поддержке России Черногория в 1852 г. была провозглашена княжеством). Ковалевскому была поручена ответственная дипломатическая миссия по привлечению балканских народов к совместному выступлению против турок. В результате этих поездок появился труд «Черногория и славянские земли. Путевые записки о славянских землях»¹²³ и рукописные заметки путешествий Ковалевского в югославянские земли¹²⁴.

Мы не располагаем сведениями о том, какое впечатление произвело на Е.Ковалевского знакомство с Вуком Караджичем в Вене 1838 г. Возможно последний рассказывал русскому ученому о своих

поездках в Черногорию и о своей книге «Черногория и Бока Которска», появившейся в 1837 году¹²⁵. Однако из текста книги Ковалевского не следует, что он знал сочинение Караджича – русский ученый довольствовался в основном собственными наблюдениями, не претендующими на анализ увиденного. Несмотря на описательность, книга Ковалевского была восторженно встречена в России¹²⁶. Это объяснялось, на наш взгляд, тем, что она появилась в период укрепления русско-черногорских связей, в эпоху правления митрополита и поэта Петра II Негоша, давала представление о глубоком своеобразии страны и ее народа, и к тому же была написана живо и образно. Характерно, что Срезневский в своих письмах к В.Ганке, которые сами по себе представляют ценность с точки зрения географических и этностатистических данных о Черногории, отмечал именно эти черты сочинения Ковалевского. Срезневский писал также о том, как вечерами он с Вуком Караджичем читал эту «любопытную книжку», делаясь своими впечатлениями о Черногории. Разумеется, не обошлось и без критики. Но замечания Срезневского и Караджича касались главным образом той таблицы в книге Ковалевского, где приводятся названия восьми нахий (округов), на которые делилась Черногория, и племен, населяющих эти нахии. Караджич поправлял в основном цифровые данные, относящиеся к численности населения и воинов, Срезневский же уточнял названия и распределение племен по нахиям¹²⁷, сверяя данные, приводимые Ковалевским, со своими данными и сведениями, которые содержались в книгах С.Виаллы и З.Штиглица¹²⁸.

Деятельность историка славянофильских убеждений А.Н.Попова тоже причудливо пересеклась с Черногорией. В 1842 г. он отправился в Берлин для усовершенствования философских знаний. Его привлекают и вопросы юриспруденции и истории России. На обратном пути из Берлина Попов посетил Черногорию. Результатом поездки стала книга «Путешествие в Черногорию»¹²⁹. Славянофил Попов стремился своей книгой пробудить в России интерес к Черногории, надеясь, что «с большим развитием народного самосознания и вопрос славянский привлечет к себе наше внимание и более возбудит участие»¹³⁰.

Книга А.Н.Попова о Черногории представляет несомненную ценность не только в связи с тем, что автор с теплотой и симпатией писал о черногорцах, но и потому, что он посетил эту страну в период

укрепления ее государственности, введения в жизнь писаных законов, призванных заменить самосуд, распри племен и особенно обычай кровной мести новыми общегосударственными юридическими нормами.

Надо сказать, что не все российские ученые и общественные деятели однозначно с симпатией отзывались о зарубежных славянах и их правителях. Так, известный теоретик славянофильства И.С.Аксаков, посетивший югославянские земли (в 1860 г.) весьма противоречиво отзывался, например, о Черногории и черногорцах. С одной стороны, он восхищался их храбростью, свободолюбием и боевыми качествами, а с другой, не раз писал о том, «что не будь турок в Европе – Черногория исчезнет»¹³¹. По мнению И.С.Аксакова «политическое существование Черногории как Черногории... обусловлено временными историческими условиями»¹³². Это заявление Аксакова шло вразрез со всей героической историей Черногории и ее народа.

К славянофилам был близок и Ф.В.Чижов, математик и искусствовед, который в 1843-1844 гг. под влиянием В.Ганки, решил посетить Сербию, Черногорию, Истрию и Далмацию. В этих землях он завязал близкие знакомства с деятелями иллиризма – С.Вразом, И.Кукулевичем-Сакцинским, Л.Гаем. Чижов опубликовал лишь малую часть своих записей о поездках 1843-1844 гг., основная же масса материалов историко-этнографического характера, связанных с наблюдениями над югославянами, осталась в неопубликованных дневниковых записках¹³³. С любопытством и симпатией описывал он быт и нравы зарубежных славян, в том числе югославян. На судьбу зарубежных славян Чижов смотрел сквозь призму славянофильских теорий.

Историк и публицист В.А.Панов, как и Чижов, был близок к славянофилам и во многом разделял их убеждения. Он принимал участие в подготовке славянофильских изданий – «Библиотека для воспитания» (1845), «Московский ученый и литературный сборник» (1846-1847). В результате путешествия Панова по славянским землям в 1842 г. появились его работы – «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч.I. Которский округ в Далмации», «Очерк черногорской истории», «История хорватов», «О настоящих жилищах южных и западных славян и их расселении в Европе» и др.¹³⁴.

Нас интересует, прежде всего, первый из названных трудов Панова, где содержатся интересные этнографические наблюдения над нравами и обычаями жителей Далмации.

Все вышеназванные ученые и общественные деятели не были профессиональными университетскими славистами. Начать изучение зарубежных славянских народов их побуждали тот или иной случай или политические убеждения. Возможно, поэтому центр их внимания часто перемещался с историко-этнографических наблюдений на общественно-политические вопросы. И, тем не менее, их деятельность внесла свою лепту в утверждение отечественной этнографической славистики.

В 50-х годах XIX столетия в нее вступает второе поколение молодых ученых-славистов, дипломатов и общественных деятелей России. С именами Александра Федоровича Гильфердинга (1827-1886), Спиридона Николаевича Палаузова (1831-1872), Петра Алексеевича Лавровского (1818-1872), Михаила Ивановича Сухомлинова (1828-1901) и других связано расширение источниковедческой базы славистических исследований, углубление методики сравнительного изучения языков, быта, нравов зарубежных славянских народов, интересные личные наблюдения над процессами национального возрождения южных и западных славян.

До сих пор не дана надлежащая оценка вклада А.Ф.Гильфердинга в развитие этнографии и славистики в России. Славист по образованию (в 1853 г. защитил диссертацию на степень магистра славянской филологии), он вскоре вынужден был сменить научные занятия на деятельность дипломата. Министерство иностранных дел направляет его в далекую Боснию, где с 1856 по 1859 гг. он работает консулом, затем служит в Азиатском департаменте того же министерства.

Пребывание консулом в Боснии не проходит даром для Гильфердинга – дипломата и слависта. Его интересует все: прошлое, современность, география, топография. Он отыскивает древние рукописи, опрашивает местных жителей, сравнивает имеющиеся исследования, и на основании всего этого делает ценные заключения, до сих пор не утратившие своего значения.

В 1858 г. Гильфердингу удалось объехать Боснию и значительную часть Герцеговины и Старой Сербии. Его путешествие по труднодоступным и опасным районам Османской империи было сродни

подвигу Григоровича, объехавшего Болгарию, Македонию и южную Сербию. Во время путешествия Гильфердинг собирал материалы для будущих работ.

В 1859 г. Русское географическое общество предоставило Гильфердингу том своих «Записок» для публикации сборника работ, посвященных Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Этим Общество, по мнению ученого, оказало «услугу всеобщей географии и этнографии», тем более, что из всех регионов Европы именно эти страны «наименее известны и исследованы»¹³⁵. Составленный Гильфердингом сборник «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», вошедший в 13 книгу «Записок РГО», включал в себя помимо трудов самого ученого («Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» и «Босния в начале 1858 года») статьи архимандрита И.Памучины «Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря Герцеговинского», иеромонаха Н.Дучича «Монастыри Тврдош и Дужи» и «Опыт статистического описания Требиньского, Препольского, Плевельского и Невесиньского округов Герцеговины», а также статью «образованнейшей» боснийской женщины Стаки Скендеровой «Летопись Боснии 1825-1856 гг.».

В предисловии к сборнику Гильфердинг писал, что он в первую очередь посвящен «нравам, обычаям, домашнему и общественному быту, современной истории и древностям»¹³⁶ этих земель. При этом русский ученый считал, что работы сербских и боснийских очевидцев дополняют его собственные непосредственные наблюдения, позволяют читателю увидеть живых людей, почувствовать их «идеи и страсти»¹³⁷.

Срезневский справедливо выделил в сборнике работу Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии», считая, что она навсегда останется ценным источником для исследователя, так как в ней «описаны местности, особенно важные по историческим воспоминаниям и народным преданиям..., обычаи и обряды, которые удалось лично увидеть; очень внимательно отмечены черты быта и отношений между частями народонаселения»¹³⁸.

Исследователи наследия Гильфердинга в наше время подтверждают высокую оценку Срезневского. Так, Л.П.Лаптева пишет о том, что Гильфердинг впервые описал достопримечательности, исторические памятники, центры образованности и монастыри, составил статистическое и этнологическое описание этих малодоступных

земель¹³⁹. Статьи Гильфердинга о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии носят аналитический характер – в них поставлен вопрос об исламизации коренного населения и его причинах, о формировании мусульманского этноса и др.

Гильфердинг внес немалый вклад и в изучение революции 1848-1849 г. и ее воздействия на политическое положение и этническое развитие славянских народностей Австрийской империи. Близкий по своим взглядам к славянофилам, Гильфердинг враждебно относился к революционным переворотам и верил в спасительность православия, но как либерал широкого толка он с сочувствием отзывался о южных и западных славянах, подчеркивая невыносимость австрийского и османского угнетения. Гильфердинг обращал внимание на рост этнического самосознания славянских народов Габсбургской монархии в 40-50-х гг. XIX в., писал о национальном возрождении в области просвещения, науки и искусства. В этом плане особо важны такие его статьи конца 50-х гг., как «Развитие народности у западных славян», «Славянские народы в Австрии и Турции», «Историческое право хорватского народа» и др., которые позднее вошли в собрание сочинений¹⁴⁰.

Филолог по образованию, П.А.Лавровский с 1851 г. занимает должность адъюнкта на кафедре славянских наречий в Харьковском университете. В курс его лекций по славистике входили славянские древности, этнографическое обозрение славянских народов, история литературы и славянских наречий, грамматика старославянского языка и др. В 1859-1860 г. Лавровский посещает многие славянские земли Австрийской империи, и не только их. В одном из писем Срезневскому он, например, сообщает, что в течение двух с половиной месяцев проехал «вдоль целой Сербии, захватив и часть юго-восточной полосы княжества, побывал в Среме, Бачке и Банате, в Хорватии «в двух пунктах оставался дней по десять», «посидел несколько в каждом городе Далмации», из Котора перебрался в Цетине, потом совершил морское путешествие до острова Раб, и через Триест и Любляну переехал в Вену¹⁴¹. Сам ученый признавался, что пребывание у южных и западных славян было очень плодотворным – он увидел много нового, приобрел множество знакомых и «собрал такую массу сведений, от которых до сей минуты не может еще вполне успокоиться моя голова»¹⁴². Естественно, что

эти сведения вылились затем в тексты различных исследований Лавровского.

Деятельность Лавровского по изучению древностей и современной жизни зарубежных славян получила признание в России и за рубежом, он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук и Югославянской академии наук и искусств. Для этнографов неопределимо значение его сравнительного исследования систем родства у славян и других индоевропейских народов.

Ученик Срезневского, М.И.Сухомлинов специализировался в основном по истории русской литературы и просвещения. С 1852 г. он адъюнкт кафедры русской словесности Петербургского университета. В 1858-1860 гг. Сухомлинов посетил Чехию, Галицию, Сербию, встречался с известными славянскими учеными и общественными деятелями. В 1858-1859 гг. он публикует серию корреспонденций о поездке в славянские земли. Странник умеренно-либеральных взглядов, Сухомлинов критически оценивал реакционно-политический режим Габсбургов, высоко отзывался об успехах славянского просвещения и науки, подчеркивая их роль в усилении процессов национального самоутверждения и обновления, с симпатией описывал возрождение национальной культуры южных и западных славян Австрийской империи.

С.Н.Палаузов принадлежит к числу интереснейших фигур русской дореволюционной науки. Он учился в Гейдельберге и Мюнхене, где в 1843 г. получил степень доктора коммерческих наук. В Москве продолжал свое образование под руководством О.М.Бодянского, а с переездом в Петербург усиленно занимался болгарской историей и литературой, в дальнейшем опубликовал ряд статей по этой проблематике. Палаузов – деятельный член Московского и Одесского Обществ истории и древностей, а также Русского географического и археологического обществ. Палаузов сочувствовал идеям русских революционеров-демократов и был лично знаком с некоторыми из них. С демократических позиций он освещает борьбу славянских народов против гнета Османской и Австрийской империй, выступает как защитник равноправия всех европейских народов, в том числе и славянских. Работы Палаузова – «Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении» (1858), «Австрия со времени революции 1848 г.» (1859), «Политическое и этнографическое состояние народностей Авст

рии» (1861)¹⁴³ – содержат богатые сведения об освободительном движении славян на Балканах и в Австрии, попытку анализа происходящих там этнических процессов. С политической, исторической и этнографической точек зрения Палаузов стремится определить понятия «народность» и «нация». Первая из вышеназванных статей Палаузова получила одобрение Н.А.Добролюбова за выраженную в ней идею необходимости освобождения балканских народов от османского ига.

Российские слависты о предмете этнографии и методике этнографических исследований

Огромный интерес представляют высказывания русских ученых о понимании ими *предмета* и *содержания этнографии*. Почти все они сходились во мнении, что понять быт и культуру народов нельзя без изучения их языка и поэтому они ставили вопрос о языке как об основе существования народа.

И.И.Срезневский, например, отмечал взаимосвязь изучения быта и культуры славянских народов через их прошлое и современное положение с подчеркиванием при этом роли языка в исторической эволюции. В связи с этим он писал: «Чтобы понять словесность народа, надобно изучить его слово, его язык; чтобы понять народность в словесности, слове, надобно изучить народ, его характер, нравы, быт, умственные понятия; чтобы понять все это во временном развитии и понять влияние этого развития на деятельность народа, надобно изучить его прошедшее. Филология, *этнография* (выделено мною – М.К.) и история ждут своего места в порядке чтений славянских»¹⁴⁴. В этом смысле Срезневский, например, писал о том, что «систематическая этнография» должна обязательно опираться на словари языков, подобные «Сербскому словарю» В.Карджича. Поясняя свою мысль О.Цафу – профессору словенской гимназии в Мариборе (Штирия), Срезневский указывал, что словарь должен стать «зеркалом, в котором отражались бы все особенности жизни и мысли народа во всей их возможной подробности»¹⁴⁵. Как бы разъясняя позднее эти свои мысли в лекциях «Энциклопедическое введение в славянскую филологию», Срезневский подробно го-

ворит о связи филологии с целым рядом естественных и общественных наук. Так, например, по его мнению, «изучение племен и народов» предполагает не только изучение языка, но и характера, быта народа, «устройства семейного и общественного, системы понятий и верований народных... образа жизни, одежды, пищи, связей с другими народами и судеб исторических»¹⁴⁶.

Аналогичной идеей проникнута вступительная лекция О.М.Бодянского, прочитанная им в Московском университете 24 сентября 1842 г. и предварявшая изложение курса славистики. Она содержала ряд ценных этнографических наблюдений. Говоря о славянской самобытности, русский славист на первое место ставил защиту народного языка, видя в нем отражение «единодушного стремления к проявлению себя своим образом, то есть своей особенностью, народности»¹⁴⁷. Он считал, что борьба против попыток угнетателей зарубежных славян «обезнародить» их язык и культуру должна составить главную цель их стремления к национальной независимости.

Огромное значение в развитии русской этнографии и, в частности, этнографической славистики, имела деятельность Н.И.Надеждина. Он активно участвовал в создании Русского географического общества¹⁴⁸ и в 1848 году возглавил его Отделение этнографии. В 1846 году, на одном из первых заседаний общества Надеждин выступил с программным докладом «Об этнографическом изучении народности русской». Доклад давал четкое и ясное представление о предмете и задачах этнографии как самостоятельной науки. Он не прошел бесследно и для становления этнографической славистики, тем более, что Надеждин большое внимание уделял зарубежным славянским народам.

Накопление этнографических материалов Надеждин не считал еще наукой. Она, по его мнению, начинается тогда, когда «сбор материалов производится... систематически, в порядке и полноте» и когда собранный материал пропущен через «чистительное горнило строгой, разборчивой критики»¹⁴⁹.

Предмет этнографии Надеждин видел в «описании народностей», в выделении главных их признаков. Одним из основных признаков народности ученый считал язык. Но выделяя язык (этнографическую лингвистику) в качестве одного из направлений этнографических исследований, он видел тесную связь этнографической

лингвистики с «этнографией физической» и «этнографией психической». К последней он относил духовную культуру, народный быт, религию, семью, образованность¹⁵⁰.

Об уровне этнографической славистики в изучаемый период дает представление этнографическая программа изучения югославянских народов, составленная П.И.Прейсом, по всей видимости, в конце 30-х гг., еще до его поездки в славянские земли¹⁵¹. Она представляет собой уникальный документ этнографической славистики России, ибо до 40-х гг. XIX в. историческое и этнографическое изучение зарубежных славянских народов не велось по определенной системе и не основывалось на специализированных программах и анкетах. Можно, однако, предположить, что Прейсу – человеку чрезвычайно эрудированному – был известен опыт составления инструкций и программ для историко-этнографических экспедиций, существовавший на Западе и в России уже с XVIII столетия¹⁵². Во всяком случае, все 167 вопросов, включенных ученым в программу, свидетельствовали о том, что чисто этнографические проблемы рассматривались им в комплексе с проблемами физико-географическими, экономическими, социально-политическими и другими.

Программа Прейса состояла из восьми разделов: государственность, народ, народное хозяйство, скотоводство и обработка произведений ремесла, торговля, учреждения и управление. Комплекс этнографических вопросов занимает в ней наибольшее место. Самым обширным, включающим 108 вопросов, в программе является раздел «Народ», посвященный исключительно проблемам этнической истории, общественному и семейному быту, народным верованиям и мифологии югославянских народов.

Современный историк и этнограф А.С.Мильников отмечает, что программа Прейса не только имела «оригинальный и новаторский характер», но во многом обгоняла «общий уровень науки середины XIX в.». Некоторые вопросы, намеченные Прейсом, служили «задачам выявления в народной среде этнического самосознания, наличия общинных институтов или традиций, сохранения обычаев или поверий дохристианской эпохи... и раскрытия ряда других не менее существенных проблем...»¹⁵³.

Целенаправленно составленная программа, предварявшая его преподавательскую и научную деятельность, позволила Прейсу и Срезневскому, который также пользовался этим вопросником во время посеще-

ния югославянских земель, исследовать именно те проблемы, которые так или иначе были сформулированы в программе.

Признанием значения этнографической программы Прейса было обращение к ней славистов второго поколения. К сожалению, в 40-50-е годы XIX века она была известна только И.И.Срезневскому. И лишь в 90-е годы программа П.И.Прейса была опубликована В.И.Ламанским с его комментарием. Столь позднее к ней обращение, видимо, объясняется тем, что архив Прейса многие десятилетия оставался неразобраным.

Первые русские слависты, в частности Прейс, и в курсах своих университетских лекций по славистике особым пунктом выделяли *этнографию*¹⁵⁴. Так, в программе чтения лекций по славянской филологии у Прейса под номером шестым значится: «Этнография славянская и притом сравнительно рассматриваемая. Без знания языка она недостаточна. Доказательством тому служат иностранцы. Здесь важно собирать пословицы, в которых заключается народная мудрость, также верования, нравы и обычаи сравнительно». И далее: «При обозрении каждого славянского племени будет оно рассматриваться в отношении: а) географическом, в) историко-политическом, с) *этнографическом* (выделено мной – М.К.), d) лингвистическом, е) литературном»¹⁵⁵. Таким образом, он уже в 1840 г. в «Наброске программы университетских чтений по славистике» выделяет этнографию как особую область в комплексе славистических знаний.

Целенаправленность путешествий русских славистов, определяемая программами, инструкциями, анкетами сыграла большую роль в выработке *методики полевых работ*. На необходимость серьезного отношения к ней еще в 1830 году обращал внимание Ю.И.Венелин (см. главу III). Он писал о том, что самолично нужно видеть и записать в самых глухих местах страны все, что относится к разным обрядам, костюмам, народным песням, поверьям и суевериям. «К несчастью, – отмечал Венелин, – доселе география, в которой заключалась и народность (Ethnographia) вовсе не обращала внимание ни на язык жителей, ни на их костюмы, ни на их образ жизни, тем менее на их характеристику; сухое изложение чисел жителей стран и городов не может быть ни занимательно, ни поучительно для нас потому, что не представляет никакого понятия о человеке, филологическом, нравственном и промышленном...»¹⁵⁶.

О методике полевых работ размышлял и И.И.Срезневский. В 1841 году в своем отчете о путешествии в славянские земли он разъяснял настоятельную необходимость пеших переходов и метода опроса местного населения. В деревнях он обращал внимание на все: местные видоизменения славянских наречий, памятники народной литературы, религию, быт, одежду, сравнивал свои наблюдения и делал выводы¹⁵⁷.

Полевая работа русских ученых среди зарубежных славян приводила к плодотворным результатам, к накоплению богатого фактического материала, во многом определявшего становление этнографической славистики и вошедшего в золотой фонд российской этнографии вообще и этнографической славистики в частности.

Идеи и практика *этнографического картографирования* в России восходят еще к XVII в. (С.У.Ремезов)¹⁵⁸. Автором первой «Этнографической карты Европейской России» (1851 г.) стал П.И.Кеппен, один из основателей Русского географического общества. В комментариях к составленной им карте ученый делится своими мыслями о значении этнографических сведений вообще и об их роли в комплексном исследовании народов России. Кеппен сетует на то, что этнографией занимаются в основном географы, в то время, как, по его мнению, это специальная наука: «чисто этнографические исследования – разыскание о физическом и нравственном быте каждого народа – дело этнографа»¹⁵⁹.

Интерес к этнографическому картографированию зарубежных славянских народов зарождается в начале 40-х годов XIX в. Пионером здесь был словак П.-И.Шафарик. Его «Славянские древности» (1837 г.) и «Славянская этнография» (1842 г.)¹⁶⁰, переведенные на русский язык О.М.Бодянским, стали вехой в истории славяноведения и в этнографической славистике, в частности. И.И.Срезневский в рецензии на «Славянскую этнографию» Шафарика особо подчеркивал роль его труда в определении границ славянских земель и местных говоров¹⁶¹.

В России начало этнографического картографирования зарубежных славянских народов, связано с именами И.И.Срезневского и П.И.Прейса. В 1848 г. Срезневский представил общему собранию Русского географического общества составленную им «Этнографическую карту Европы» и прочел первую главу из предваряющей ее пояснительной статьи. В ней ученый подробно остановился на

развитии этнографических знаний в Европе, на становлении этнографии как науки, а также охарактеризовал современное положение этнографии и этнографического картографирования в разных европейских странах. Особо Срезневского интересовал вопрос об определении границ расселения славянских народов¹⁶². «Географические известия РГО», напечатавшие заметку о докладе Срезневского, оповестили читателей о том, что его «Этнографическая карта Европы» будет напечатана в пятом томе «Записок Русского географического общества» как приложение к «Этнографическому обозрению Европы», которое готовится к печати¹⁶³. Однако ни в списке трудов Срезневского, ни в просмотренных нами изданиях РГО мы не обнаружили ни «Этнографической карты Европы», ни «Этнографического обозрения». Вместо нее в списке трудов Срезневского значится опубликованная в 1849 г. «Карта Венгрии, Галиции и прилегающих к ним земель». В приложении к ней ученый приводит таблицы с численностью населения земель, входивших в империю Габсбургов, в том числе отдельную таблицу с указанием числа сербов, хорватов и словенцев, проживающих в Славонии, Хорватии и Военной Границе. Можно предположить, что материалы к этнографической карте Европы, так и не опубликованные, послужили основой для доклада Срезневского «Юго-западные славяне», прочитанном 20 апреля 1854 г. в РГО и являвшимся комментарием к «подробной этнографической карте земель, занимаемых юго-западными славянами»¹⁶⁴.

В архиве П.И.Прейса также хранятся две подробные этнографические карты, составленные самим ученым: одна включает Крайну, Штирию, Каринтию, Истрию, Славонию, Хорватию, вторая – весь южнославянский регион и Валахию, с указанием областей, округов, крупных населенных пунктов, рек, лингвистических ареалов сербского, хорватского и словенского языков¹⁶⁵. В отличие от этнографической карты южных и западных славян, составленной Срезневским, Прейс не давал к своей карте пояснений, но уже само ее появление свидетельствует, что «идеи этнографического картографирования» появились в 1840 г., т.е. уже на «раннем этапе становления этнографической славистики» в России¹⁶⁶.

Русские слависты 50-х гг. XIX в., продолжая мысли ученых 30-40-х гг., тоже настаивали на выделении этнографии зарубежных сла-

вян в самостоятельную область знаний. Как мы уже отмечали, Гильфердинг в своих работах, посвященных зарубежным славянам, всегда особо выделял этнографические материалы. Он не раз отмечал значение этнографии, в которой видел исследование «внутренней жизни народов», необходимое для правильного понимания современной жизни в ее исторической перспективе¹⁶⁷; писал о народном характере, как о понятии, на котором народ «основывает свой общественный и частный быт»¹⁶⁸. При этом ученый понимал, что и экономико-политические отношения, и обычаи, и нравы народов с течением времени изменяются, и пытался всякий раз показать, чем тот или иной народ прославил себя в прошлом и настоящем.

Интересные мысли о содержании этнографического изучения народности высказывал и Палаузов. Ему помогал опыт исследования исторического прошлого и современного положения славянских народов, не имевших в тот период своей государственности. При этом Палаузов не отрицал и революционный путь разрешения вопроса о свободе и независимости славян – он писал о том, что «народность с точки зрения политической, исторической и этнографической составляет узел, которого изгибы могут разрешиться или лезвием меча или медленным долголетним распутыванием этих живых извилин»¹⁶⁹. По мнению ученого, более живуча та народность, которая выражает собой «этнографическое единство народных единиц в форме единства племени и языка»¹⁷⁰.

Иными словами, легче отстаивать свою самобытность и свободу гомогенному в этническом и языковом отношении народу. В этом Палаузов был, безусловно, прав, хотя ошибался в другом. Ему представлялось, что «народность этнографическая», под которой он понимал характер народа, его нравы, обычаи, верования, народные предания, песни, язык и множество других особенностей, ему принадлежащих, «есть создание природы, между тем, как историческая и политическая образуются под влиянием общественных обстоятельств»¹⁷¹, хотя – противореча сам себе, – в статьях «Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии» и «Австрия со времен революции 1848 г.»¹⁷² он не только останавливался на пестром этническом составе славянских народов, но и писал о воздействии политических и культурных условий на современную ему этническую ситуацию в империи Габсбургов.

Итак, высказывания многих русских ученых о предмете и содержании этнографической науки свидетельствуют о том, что этнография понимается ими уже как самостоятельная область знаний, тесно связанная со смежными научными дисциплинами. Рассматривая предмет этнографии широко – как изучение этносов и этнических групп, они на первое место ставили изучение языков, ибо справедливо считали, что именно в языке выражается жизнь, образованность, духовная культура народов. Такая позиция была для первой половины XIX в. весьма прогрессивной и нашла свое продолжение в пореформенных трудах отечественных общественных деятелей и этнографов. Однако она отнюдь не означает, что ученые первой половины XIX в. и их последователи ограничивались выдвиганием на первый план этнографических исследований лишь изучение языков. Они шли дальше к пониманию того, что предметом этнографии должен стать комплекс проблем, связанных и с физико-географическими, психическими, экономическими, социальными и иными сферами жизнедеятельности народов.

¹ **Токарев С.А.** Начальный период славянской этнографии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 237.

² Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С.12.

³ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С.15, 20-27.

⁴ **Бажова А.П.** Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; **Достян И.С.** Издание и распространение в России произведений сербских авторов XVIII – начала XIX в. // Русско-сербские литературные связи XVIII – начала XIX в. М., 1989.

⁵ Подробно см.: **Достян И.С.** Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С.11-12.

⁶ **Станюкович Т.В.** Из истории этнографического образования // Очерки истории русской этнографии, фольклористики, антропологии. М., 1971. Вып. 5. С. 121.

⁷ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян... С. 391.

- ⁸ **Никулина М.В.** Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Труды по русской и славянской филологии. Уч.зап. Тартусского гос. университета. Тарту, 1981. Вып.573. С. 75.
- ⁹ А.С.Кайсаров больше, чем А.И.Тургенев занимался славянской проблематикой. Последний сосредоточил свои интересы, прежде всего, на отечественной истории.
- ¹⁰ В 1807 г. эта книга вышла на русском языке под названием «Славянская мифология». М., 1807. См. положительную рецензию на немецкий вариант книги Кайсарова // Северный вестник. СПб., 1805. Ч. 8. № X-XII. С.123.
- ¹¹ **Истрин В.М.** Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Пг., 1915. Вып.4.
- ¹² Архив братьев Тургеневых. Письма и дневники Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802-1804). СПб., 1911.
- ¹³ В 1805 г. Кайсаров писал Стратимировичу о том, что его соотечественники «...хотели бы узнать сербов после моего описания, которое все еще недостаточно для того, чтобы описать сей добрый, твердый народ во всей полноте» // Архив братьев Тургеневых. Путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова... С.53-55; Архив братьев Тургеневых. Письма А.И.Тургенева... С. 306.
- ¹⁴ **Истрин В.М.** Путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова... С. 53-55; Архив братьев Тургеневых. Письма А.И. Тургенева... С. 306
- ¹⁵ **Достян И.С.** Русская общественная мысль... С. 104-105.
- ¹⁶ **Бантыш-Каменский Д.Н.** Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
- ¹⁷ **Броневский В.** Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818-1819. Ч. 1-4;. «Записки» были восторженно встречены русской общественностью как первая книга, восхвалявшая победы российского флота в Адриатике. В то же время многие журналисты, в том числе известный литератор А.Ф.Воейков, подчеркивали значимость сообщенных в книге сведений о югославянах: «...Участие наше доходит до высочайшей степени, когда сочинитель «Записок» сообщает нам свои наблюдения над верою, нравами, образом правления и жизнью славянских народов, столь же страстно любящих веру, государя, отечество и свободу как россияне». – См.: СО. СПб., 1820. Ч. 66. № 49. С. 56.
- ¹⁸ **Броневский В.** Письма морского офицера. М., 1826. Ч. II.

- ¹⁹ **Броневский В.** Путешествие от Триеста до С.- Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч.1.
- ²⁰ **Броневский В.** Записки... Ч. I. С.193-194, 239-240. Анонимный рецензент журнала «Московский телеграф» в 1828 г. Ч. 24. С.208 отмечал, что многие описания югославянских земель Броневский заимствовал из сочинения аббата А. Фортиса.
- ²¹ Подробнее о Мазаровиче см.: **Достян И.С.** Русская общественная мысль... С.154-155, а также ее статью: А.С.Грибоедов и доктор из Пераста С.И.Мазарович // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980. С. 137-154.
- ²² **Свињин П.П.** Воспоминания на флоте. СПб., 1818-1819. Ч.1, 2.
- ²³ Там же. С.172, 225-235.
- ²⁴ О «Записках морского офицера» В.Броневского // Благонамеренный. СПб., 1819. № 2. С.129-131; О трудах Броневского В.Б. см.: Московский телеграф. М., 1826. Ч. 8. С. 347; Уведомление В.Б.Броневского о заимствованиях из его сочинения П.Свињиным многих мест в своих воспоминаниях на флоте // СО. СПб., 1818. Ч. 50. С. 184-190; ответ Свињина (обратное обличение). Там же. С. 234-240, 331-336.
- ²⁵ См., например: Благонамеренный. СПб., 1819. № 2. С.129; СО. СПб., 1820. Ч. 66. № 49. С. 56.
- ²⁶ **Пыпин А.Н.** История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. С. 230.
- ²⁷ **Броневский В.** Записки... Ч.1. С. 192, 250.
- ²⁸ **Броневский В.** Записки... Ч.1. С. 295-297, 299-300.
- ²⁹ **Броневский В.** Письма... Ч.II. С. 395.
- ³⁰ **Броневский В.** Путешествие... Ч.1. С.28. Краткий историко-этнографический очерк о жителях Юлийской Крайны был опубликован Броневским еще раньше. См.: **Броневский В.** Письмо морского офицера. Лайбах. 28 марта 1810 г. // СО. СПб., 1821. № 8.
- ³¹ **Кеппен П.И.** Проект путешествия по славянским землям и архивам // Библиографические листы. СПб., 1825. № 33. С. 487-488.
- ³² Подробно о нем см.: **Цейтлин Р.М., Никулина М.В.** П.И.Кеппен. и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Сборник за славистику. Нови Сад, 1979. Бр.17. С. 61-87.
- ³³ ПФ ААН. Ф. 30 (**Кеппен П.И.**). Оп.1. Ед. хр. 137.
- ³⁴ Фиксируя этнический состав населения Славонии, и выделяя хорватов, словаков, сербов, русинов, венгров, Кеппен наивно группирует их по степени

- опрятности, при этом на первое место у него попадают немцы, а на последнее русины. – ПФ ААН. Ф. 30. Оп.1. Ед. хр.137. Л. 40.
- ³⁵ ПФ ААН. Ф. 30. Оп.1. Ед. хр.137. Л.21, 22.
- ³⁶ Там же. Л. 64.
- ³⁷ О встречах Кеппена и Караджича см.: *Добрашиновић Г.* Петар Иванович Кеппен и Вук // *Анали филолошког факултета.* Београд, 1964. Св.4. С. 123-133.
- ³⁸ *Кеппен П.И.* Описание славянских древностей в Сирмии // *Северный архив.* СПб., 1823. Ч. 5. № 1. С.18-29.
- ³⁹ *Ягич И.В.* История славянской филологии. Спб., 1910. Т. 1. С. 225.
- ⁴⁰ *Садиков П.А.* И.П.Липранди в Бессарабии 1820-х годов // *Временник Пушкинской комиссии.* М.-Л., 1941; *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966; его же. «Где и что Липранди?» // *Пути в незнание.* Писатели рассказывают о науке. М., 1972.
- ⁴¹ ОР РГБ. Ф.86 (*Григорович В.И.*). Папка. I. Ед. хр. 15. Записная книжка № 7. Л. 55.
- ⁴² Частично этот труд был опубликован в следующих работах Липранди И.П.: *Восточный вопрос и Болгария.* М., 1877; *Общие сведения о Европейской Турции.* М., 1877; *Краткий очерк христианских областей Турецкой империи.* М., 1877; *Климат Европейской Турции.* М., 1877; *Народное врачевание в Европейской Турции.* М., 1877; *Сербский вопрос* СПб. ведомостей. СПб., 1859 и др.
- ⁴³ РГИА. Ф. 673. Ед. хр. 217. Л. 3.
- ⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 224. Ед. хр. 4. Л. 6 об.
- ⁴⁵ Предисловие к кн.: *Народное врачевание в Европейской Турции.* Из записок И.П.Липранди. М., 1877. С. 3.
- ⁴⁶ Липранди упоминает имена сербских воевод (В.Илич, П.Добраица, С.Главаич, В.Петрович, П.Плакич, К.Маркович) и пишет, что со многими из них был лично знаком. См.: ОР РГБ.Ф.224. Ед. хр. 4. Л.6 об.
- ⁴⁷ РГИА. Ф.673. Ед. хр. 407. Л.3-4.
- ⁴⁸ РГИА. Ф.673. Ед. хр. 140. Л.12-14; Ед. хр. 141. Л.7,26,27. Ед. хр. 143. Л.28,29; Ед. хр. 144. Л.7-13; Ед. хр. 145.Л.6,7; Ед. хр. 146. Л.9, 10; Ед. хр. 147. Л.31-34, 60,61,85-87,90,91,106; Ед. хр. 148. Л.7; Ед. хр. 149. Л. 40,50, 142-143; Ед. хр. 152. Л. 30, 57.
- ⁴⁹ «Сербский словарь» В.Караджича (Српски рјечник истумачен немачкијем и латинским рјечима. У Бечу, 1818. Первое издание 1818 г., второе – 1852 г.) является первым словарем народного языка сербов, но его значение значи-

тельно шире. См.: **Радвановић М.** Вук Караџић этнограф и фолклорист. Београд, 1973. С. 69-80, 101-144.

⁵⁰ **Липранди И.П.** Народное врачевание в Европейской Турции. М., 1877.

⁵¹ РГИА. Ф.673. Ед. хр. 154. Л. 94.

⁵² **Токарев С.А.** Этнография народов СССР. М., 1958. С.17.

⁵³ Подробно см. статью: **Достян И.С.** Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. М., 1966. С.104-116.

⁵⁴ РГВИА. Ф.ВУА. Д.1028. Л.12-13.

⁵⁵ РГВИА. Ф.439. Ед. хр. 4. Л.1-32.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 439. Ед. хр. 6. Л. 57-123.

⁵⁷ **Караџић В.** Географическо-статистическо описаније Србије // Даница. У Бечу, 1827; **Ranke L.** Die serbische Revolution aus serbischen Papieren und Mitteilungen. Leipzig, 1829.

⁵⁸ РГВИА. Ф.439. Ед. хр. 6. Л. 89-92.

⁵⁹ Там же. Л.123.

⁶⁰ **Достян И.С.** Балканская тема в русской публицистике периода наполеоновских войн; ее же. Балканские проблемы в русской публицистике в 1815-1825 гг. // Русская общественная мысль... М., 1980; **Никулина М.В.** Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (на материалах русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С.136-158; **Калоева И.А.** Изучение южных славян в России в конце XVIII-начале XIX в. (библиографический обзор) // Труды библиотеки АН и ФБОН. М., 1963. Т.7. С.194-200 и мн.др.

⁶¹ Жители области Монтенегро или черногорцы // ВЕ. СПб., 1805. № 7. С. 240-249; Статистические известия о черногорской области // ВЕ.СПб., 1807. № 22. С.144-149; О торжественном обряде примирения у черногорцев (перевод с франц.яз. из Виалла де Соммерс) // ВЕ.СПб., 1821. №14. С.130-136. Этот же текст перепечатан в журнале «Сын отечества» СПб., 1821. № 31. С. 209-215. Он представляет собой отрывок из книги: Voyage historique et politique au Montenegro. Par M. le Vialla de Sommieres. Paris, 1820.

⁶² **Броневский В.** Статистические, исторические и военные описания провинции Боко ди Катаро // Благонамеренный. СПб., 1818. № 7-9; **Броневский В.** Отрывки из записок морского офицера // СО. СПб., 1818. № 27-31 и др.

⁶³ См., например, **Достјан И.С.** Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. Бр.26; **Лесчи-**

- ловскаја И.И.** Руска периодика прве трећине XIX в. о српској књижевности // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980.
- ⁶⁴ **Караджич В.** О сербских народних песнях // ВЕ. СПб., 1820. № 14. С. 112-129; Сербские предания и поверья // ВЕ. СПб., 1826. № 4. С.311-313; Описание сербского народа (из альманаха «Даница») // ВЕ. СПб., 1827. № 13-20; Правительства и судилища в Сербии // ВЕ. СПб., 1829. № 7, С. 220-224.
- ⁶⁵ **Кеппен П.И.** Описание славянских древностей в Сирмии ... С.18-29.
- ⁶⁶ Народонаселение Австрийской монархии в 1825 г. // Северный архив. СПб., 1827. № 5.
- ⁶⁷ Славянская статистика // Северный архив. СПб., 1827. Ч.25. № 1. С. 64-69.
- ⁶⁸ О сербах. (Раздел «Этнография») // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 28. № 14-17.
- ⁶⁹ **Спиридов А.М.** Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Турецкой империи // Северный архив. СПб., 1825. № 14. С. 99-193.
- ⁷⁰ Там же. С. 99-103. См.также **Достян И.С.** Русская общественная мысль... С.175-177.
- ⁷¹ **Fortis A.** Viaggio in Dalmazia. Venezia, 1774.
- ⁷² О нравах и обычаях морлаков // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1818. № 10. С.17-56.
- ⁷³ Обычаи морлаков // ВЕ. СПб., 1823. № 23. С.191-208.
- ⁷⁴ О морлаках. Из записок А.Фортиса // СО. СПб., 1830. Ч.135. №13. С.400-422. (Раздел «Этнография»).
- ⁷⁵ О морлаках подробно см. главу II.
- ⁷⁶ Известие о нынешнем состоянии Республики Рагуза, писанное гражданином ея // ВЕ. СПб., 1802. № 17. С. 57-67.
- ⁷⁷ Рагуза // Гений времен. СПб., 1808. № 70. С. 277, 278.
- ⁷⁸ Рагуза // СО. СПб., 1824. Ч.91. № 6,7. С. 316-334.
- ⁷⁹ **Чаплович Я.** Некоторые черты о кроатах и других славянах // ВЕ. СПб. 1819. № 13. С. 46-49.
- ⁸⁰ О жителях провинций иллирийских // ВЕ. СПб., 1811. Ч. 58. С. 312-315.
- ⁸¹ **Пыпин А.Н.** История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. С. 32.
- ⁸² **Дудзинская Е.А.** Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 267.
- ⁸³ **Хомяков А.С.** К сербам. Послание из Москвы. Соч. Т. 1. М., 1911. С. 374-404.
- ⁸⁴ **Чернышевский Н.Г.** ПСС. Т.Х. 1951. С.129; **Гольберг М.Я.** К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам» // Вопросы первоначальной славянофильской полемики // Вопросы первоначальной славянофильской полемики

чального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 197-209.

- ⁸⁵ **Писарев Д.И.** Русский Дон-Кихот. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1955. С. 337.
- ⁸⁶ **Чернышевский Н.Г., Обручев В.А.** Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию // Современник. СПб., 1859. Т.74. № 3. С. 87-104.
- ⁸⁷ **Ишутин В.В.** Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ЧОИДР за 1815-1848 гг. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 20.
- ⁸⁸ **Срезневский И.И.** На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сб.ОРЯС. СПб., 1878. Т. 18. № 6. С. 38.
- ⁸⁹ **Вулетий В.** Срезневски и Вук // Анали филолошког факултета. Београд, 1966. Св.4. С. 84-96.
- ⁹⁰ См. карту маршрута И.И.Срезневского по югославянским землям. С. 45-46. Карта из книги: Путевые письма И.И.Срезневского из славянских земель. 1839-1842. СПб., 1895. С. 376-377.
- ⁹¹ **Ягич И.В.** История славянской филологии. СПб., 1910. Т. I. С.329.
- ⁹² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С.1061 (письма **И.И.Срезневского**).
- ⁹³ Подробнее об эволюции взглядов Срезневского см.: **Досталь М.Ю.** Общественно-политические взгляды И.И. Срезневского // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С.191-214.
- ⁹⁴ **Срезневский И.И.** На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе... С. 8.
- ⁹⁵ **Чернышевский Н.Г.** ПСС. Т. 3. М., 1967. С. 346.
- ⁹⁶ Цит. по кн.: **Ягич И.В.** История славянской филологии... С. 479.
- ⁹⁷ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И. Прейса // ЖС. 1898. Вып. 3, 4. С. 332.
- ⁹⁸ Пф. ААН.Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп. I. Ед. хр. 262-226, 268.
- ⁹⁹ Пф ААН. Ф. 106. Оп. I. Ед. хр. 53, 90, 96.
- ¹⁰⁰ **Ламанский В.И.** Письма П. Прейса // ЖС. СПб., 1890. Вып. II. С.12.
- ¹⁰¹ **Ламанский В.И.** Письма П. Прейса // ЖС. СПб., 1891. Вып. IV. С. 24.
- ¹⁰² Там же. С. 8.
- ¹⁰³ Подробнее о них см.: **Сергеев А.С.** К вопросу об общественно-политических взглядах В.И.Григоровича // Итоги научной конференции Казанского Гос. университета за 1961 год. Казань, 1962. С. 31-33.
- ¹⁰⁴ **Герцен А.И.** ПСС. Т. 3. Пг., 1919. С. 90.
- ¹⁰⁵ См.: ОР РГБ. Ф. 86 (**Григорович В.И.**). Папка 3. Ед. хр. 55. Докладная записка Григоровича о положении славян в Герцеговине (1860).

- ¹⁰⁶ Донесение В.И.Григоровича о его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 19.
- ¹⁰⁷ **Кочубинский А.А.** В.И.Григорович и история славяноведения. Одесса, 1893. С. 33.
- ¹⁰⁸ Славянские древности. Лекции Григоровича. ОР РГБ. Ф.86. Папка 2. Ед. хр. 39.
- ¹⁰⁹ ОР РГБ.Ф.86 (**Григорович В.И.**). Папка 2. Ед. хр. 36.
- ¹¹⁰ **Надеждин Н.И.** Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. 34. № 6. С. 87-106.
- ¹¹¹ Об этом подробнее см.: **Добрашиновић Г.** Вук и Н.И.Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980. С. 79-80.
- ¹¹² **Надеждин Н.И.** Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитянин. М., 1841, № 6. С. 515-525.
- ¹¹³ **Дмитрий Максимович Княжевич** (1788-1844) – видный общественный и государственный деятель. Его отец М.Д.Княжевич, родом из Удбина (Военная Граница), переселился в конце XVIII в. в Россию. Один из его четырех сыновей – А.М.Княжевич был министром финансов России. Д.М.Княжевич – друг Надеждина, был основателем Одесского общества истории и древностей (1839 г.), издавал «Записки» этого общества, журнал «Одесский альманах» (1839, 1840), «Литературные прибавления к журналу «Сын отечества» (1822-23), журнал «Библиотека для чтения» (1822-1823).
- ¹¹⁴ **Ламанский В.И.** Письма П. Прейса // ЖС. СПб., 1891. Вып.3. С. 34; Подробнее о связях П.И.Прейса с В.Караджичем см.: **Органџјева Ц.** Петар Иванович Прајс и Вук Стефанович Караџић // Вуков зборник. Београд, 1966. С. 531.
- ¹¹⁵ **Францев В.А.** Югославянское путешествие Н.И.Надеждина в 1840-1941 гг. // Sbornik filologický. Praha, 1934-1935. Т.Х. S.116.
- ¹¹⁶ Там же. С. 114.
- ¹¹⁷ ОР БАН. Опись личного фонда Н.И.Надеждина. Ед. хр. 70,71,74.
- ¹¹⁸ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей. Одесса, 1842; его же. Сербская словесность // Телескоп. М., 1832. Ч. 9. Кн.12; его же. Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. 34. № 6; его же. Георгий Черный по рассказам очевидцев // РБ. М., 1858. Т. IV. Кн.12.
- ¹¹⁹ **Надеждин Н.И.** Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 40.
- ¹²⁰ **Ягич В.И.** История славянской филологии... С. 297-299.

- ¹²¹ В 1839 г. Ковалевский писал из Вены Петру II Негошу: «Забуду ли я Черную Гору? О, никогда! Она навсегда будет наилучшим воспоминанием моей жизни!» (цит. по книге: **Павичевич В.** Меморандум Јегора Петровића Ковалевског о Црној Гори 1838 године. Титоград, 1967. С. 223).
- ¹²² См.: Анонимная рецензия на книгу Е.П.Ковалевского в журнале «Библиотека для чтения». СПб., 1842. № 1. С. 25.
- ¹²³ **Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки о славянских землях. Собр. соч. Ковалевского Е.П. Т.IV. СПб., 1872.
- ¹²⁴ См.: ОР ГПБ. Ф. 356 (**Ковалевский Е.П.**). Ед. хр. 58-59, 61, 431.
- ¹²⁵ **Караџић В.С.** Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. Впервые книга была опубликована в 1837 г. в Штудгарте под названием «Montenegro und die Montenegriner».
- ¹²⁶ Рецензии на книгу Ковалевского «Четыре месяца в Черногории...» появились во многих крупных журналах, например, в «ЖМНП» (1842, № 5), в «Москвитянине» (1842, № 1) и др. Подробнее об этом см. в кн.: **Вальская Б.А.** Путешествия Егора Петровића Ковалевского. М., 1956.
- ¹²⁷ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. (Письма Срезневского И.И.). С.1000-1010; Срезневский, например, указывал, что в нахии Кучи жило племя Братоножичи, а не Бритопажники, как у Ковалевского. Последний забыл упомянуть и племя Острог в нахии Белопавлческой.
- ¹²⁸ **Vialla de Sommieres.** Voyage au Montenegro. Paris, 1820; **Stieglitz Z.** Montenegro und Montenegriner. Stuttgart, 1841.
- ¹²⁹ **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
- ¹³⁰ **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С.XVIII. См. также отзывы на эту книгу: 03. СПб., 1847. № 5; Современник. СПб., 1847. № 6; ЖМНП. СПб., 1848. Ч. 49. № 1-3.
- ¹³¹ И.С. Аксаков в его письмах. Письма 1851-1880 гг. Т. III. Ч. I. М., 1892. С.127. – Приложения. Дневник И.С.Аксакова во время его путешествия по славянским землям.
- ¹³² Там же. С. 127, 129.
- ¹³³ См. личный архивный фонд Ф.В. Чижова в ОР РГБ. (Ф.332).
- ¹³⁴ **Панов В.А.** Путешествие по землям западных и южных славян. Которский округ в Далмации. М., 1844; Ч. I; его же. Очерк черногорской истории // Библиотека для воспитания. М., 1845. Ч. 3. Отд.2; История хорватов // Там же. М., 1845. Ч. 5. Отд. I; О настоящих жилищах южных и западных славян и их расселении в Европе // Там же. М., 1845. Ч. 4. Отд. I и др.

- ¹³⁵ **Гильфердинг А.Ф.** Босния, Герцеговина и Старая Сербия // ЗРГО. СПб., 1859. Т.13. С.VI. (Предисловие Гильфердинга). В 1872 г. этот труд был переведен на серб. яз. и издан в г.Сараево.
- ¹³⁶ Там же. С.IX.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ **Срезневский И.И.** Разбор соч. г. Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» // Двадцать девятое присуждение учрежденных Демидовым наград. 16 июня 1860/ СПб., 1860. С.136.
- ¹³⁹ **Лаптева Л.П.** Гильфердинг А.Ф. // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С.123.
- ¹⁴⁰ **Гильфердинг А.Ф.** Славянские народности в Австро-Венгрии и Турции. Собр. соч. Т II. СПб., 1868. Отметим, что в 1871 г. Гильфердинг собрал в Олонецкой губернии 318 былин. Это был фундаментальный труд, опубликованный только после его смерти. – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1894-1900. Т. 1-3.
- ¹⁴¹ См.: **Бычков А.Ф.** П.А. Лавровский // ЖМНП. СПб., 1868. № 4. С. 58.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ **Палаузов С.Н.** Румынские господарства Молдавии и Валахии в историко-политическом отношении // ОЗ. СПб., 1858. Т. 120-121. № 9-12; его же. Австрия со времени революции 1848 г. // Русское слово. СПб., 1859. Ч.I. № 11-12; его же. Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии // Русское слово. СПб., 1861. Кн. 4.
- ¹⁴⁴ **Срезневский И.И.** Публичные чтения о славянах // Денница. Варшава, 1843. Ч. 2. № 5. С.130-131.
- ¹⁴⁵ Донесение адъюнкта Срезневского Министру народного просвещения из Загреба 2(15) августа 1841 г. // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. 33. №.1. С.14.
- ¹⁴⁶ **Срезневский И.И.** Энциклопедическое введение в славянскую филологию. Лекции. Глава I. СПб, 1877. С. 2.
- ¹⁴⁷ **Бодянский О.М.** О судьбе народов. Публикация рукописи // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 292.
- ¹⁴⁸ Ему, в частности, принадлежала этнографическая программа 1847 г., написанная по заказу РГО для изучения народов России. Она была разослана в 7 тыс. экземпляров во все края России и послужила в дальнейшем материалом для первых этнографических изданий РГО. В архиве Надеждина хранится также набросок этнографической программы, относящейся, вероятно,

еще к 1843 г. и предназначавшейся для камчатско-американской экспедиции. – ОР ИРЛИ. Ф.199 (**Надеждин Н.И.**). Оп. 2. Ед. хр. 43. Л.1-5.

¹⁴⁹ **Надеждин Н.И.** Об этнографическом изучении народности русской // ЗРГО. СПб., 1847. Кн.II. С. 64.

¹⁵⁰ Там же. С. 77.

¹⁵¹ Программа П.И. Прейса была впервые опубликована в журнале «Живая старина» за 1898 г. (Вып.3,4. С.344-361) В.И. Ламанским в переводе с немецкого языка.

¹⁵² Подробнее об этом см.: **Керимова М.М.** П.И. Прейс и его этнографическая программа изучения народов Югославии // СЭ. 1990. № 4. С.114-115.

¹⁵³ **Мильников А.С.** Разработка вопросов этнографии, фольклора, литературы и искусства // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

¹⁵⁴ ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ ОР РГБ. Ф.49 (**Венелин Ю.И.**). Ед. хр.50. Л. 8.

¹⁵⁷ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. Письма И.И. Срезневского. С.945-1108; **Срезневский И.И.** Жумборские усюки // Денница. Варшава, 1843. Ч.I. С.102-119; его же. Фриульские славяне. СПб., 1878; его же. Хорутанская песня из Зильской долины // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1853-1856. Тетр 2. С.125-128; его же. Юго-западные славяне // ВРГО. СПб., 1856. Ч.18. Кн.5-6; его же. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839-1842. СПб., 1895 и др. О сборе полевого материала Срезневским см.: **Бычков А.Ф.** Измаил Иванович Срезневский // ОРЯС. СПб., 1880. Т.22. Вып.V. № 1. С. 29.

¹⁵⁸ **Токарев С.А.** История русской этнографии. М., 1966. С. 63.

¹⁵⁹ Об этнографической карте Европейской России П.Кеппена. Изд.2-е СПб., 1853. С. 4.

¹⁶⁰ **Šafarik P.J.** Slovanske starožitnosti. W Praze, 1837; Slovanský národopis. W Praze, 1842; К «Славянской этнографии» прилагалась первая этнографическая карта славянского мира.

¹⁶¹ **Срезневский И.И.** Разбор соч. Шафарика П. «Славянское народописание» // ЖМНП. СПб., 1843. Ч. 33. № 4. С.1-30.

¹⁶² О выступлении И.И. Срезневского на общем собрании с сообщением об «Этнографической карте Европы» см.: Географические известия, издаваемые от Императорского РГО. СПб., 1849. Вып.7. С. 252.

¹⁶³ Труды И.И.Срезневского // ЗРГО. СПб., 1851. Т.V. С. 21.

¹⁶⁴ **Срезневский И.И.** Юго-Западные славяне // ВРГО. СПб., 1856. Ч.18. Кн. 5-6. С. 94.

¹⁶⁵ ПФ ААН. Ф.106. Оп.1. Ед. хр. 8. Границы Австрийской и Османской империи обозначены у Прейса красной чертой.

¹⁶⁶ **Мыльников А.С.** О некоторых актуальных аспектах наследия этнографической славистики XIX в. // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР. Краткое содержание докладов. 1983. Л., 1985. С. 80.

¹⁶⁷ Цит. по: **Бестужев-Рюмин К.Н.** Александр Федорович Гильфердинг // Славянское обозрение. СПб., 1892. № 9. С. 8.

¹⁶⁸ Там же. С. 9.

¹⁶⁹ **Палаузов С.Н.** Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии // Русское слово. СПб., 1861. № 4. С.25.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² **Палаузов С.Н.** Австрия со времени революции 1848 г. // Русское слово. СПб., 1859. Ч.I. № 11,12.48

ГЛАВА II

Этническое самосознание югославянских народов и его трактовка в трудах российских ученых и путешественников первой половины XIX в.

Одной из центральных проблем современной этнологии является изучение эволюции этнического самосознания народов мира.

Несомненный интерес для решения данного вопроса представляют сведения, характеризующие этническое самосознание югославянских народов, содержащиеся в отечественных источниках первой половины XIX в. Разумеется, эти источники следует рассматривать в контексте развития этнографической науки того времени, избегая прямого применения к ним современных научных концепций и терминов. Однако это не означает, что при изучении вопроса об этническом самосознании югославян и его трактовки в отечественных публикациях и документах указанного периода не следует исходить из новейших разработок российской наукой теории этноса. Более того, именно овладение новейшими достижениями этнологии позволит из огромной массы материалов, посвященных этнической истории и культуре югославянских народов, выделить проблему формирования и развития этнического самосозна-

ния как наиболее важную и оказавшуюся по существу центральной во многих работах отечественных ученых, общественных деятелей

и путешественников XIX в. Терминологический аппарат у них был гораздо скромнее и проще современного.

Попадая в славянские земли в первой половине XIX в., русские ученые и общественные деятели оказывались очевидцами процесса национального возрождения славянских народов, т.е. по сути дела присутствовали при процессе формирования этносов нового времени. Не случайно поэтому в рассматриваемых нами работах обнаруживается интерес именно к развитию народности, народного самосознания и его своеобразие у каждого народа, к «историческому праву» (как тогда выражались) славян на свою независимость и государственность. В своих работах они употребляли понятие «народность», которое трактовали расширительно как «племя», «народ», реже – «нация». Под народностью понимали и «народное сознание», сознание своей неповторимости или, как писал А.Ф.Гильфердинг, «право каждого племени на свое индивидуальное существование, право быть самим собой, говорить и писать на своем языке, сохранять свои предания и быть управляемым как особое племя»¹.

Непосредственные наблюдения российских ученых над сложными политическими и этнокультурными процессами у разных югославянских народов на определенном отрезке времени (первая половина XIX в.) представляют свод уникальной информации, которая содержит ответ на многие вопросы, связанные с процессами их этнического развития.

Этнические группы югославян

В результате изучения языков и диалектов, особенностей истории и географического положения разных югославянских народов, их религии, быта и нравов, многие отечественные ученые приходили к ценным наблюдениям о существовании разных типов этнических общностей. Для обозначения общностей они употребляли термин «местные», «частные», «специальные» названия. П.-И.Шафарик в своей книге «Славянская этнография» (Slovanský Národopis, 1842)

впервые обратил внимание на необычайное многообразие в югославянских землях «местных и народных названий»². Известно, что он

посылал своим югославянским коллегам запросы с целью получить интересующие его сведения об этнических группах и границах их расселения. Естественно, что молодые русские ученые, ехавшие в югославянские земли через Прагу и консультировавшиеся со словацким ученым, также немалое внимание уделяли и этому вопросу.

В материалах И.И.Срезневского, П.И.Прейса, Е.П.Ковалевского, Н.И.Надеждина, О.М.Бодянского мы встречаем сведения о разных этнических группах хорватов: *влахи-морлаки, буневцы, чичи, личане, безьяки*³, *загорцы*⁴ и др.

Вопрос о составе и происхождении *влахов-морлаков* до сих пор остается дискуссионным. По нему существует огромная современная литература (отечественная и зарубежная). Для решения этой сложной проблемы важны материалы о влахах-морлаках, содержащиеся в русских источниках первой половины XIX в.

Территория расселения влахов – в прошлом восточно-романского населения Балканского полуострова – была обширной⁵. По свидетельству письменных исторических источников, начиная с XIII-XIV в. влахи-морлаки проживали во внутренних районах Северной и Средней Далмации, в Хорватском Приморье, на полуострове Истрия, в области Лика⁶.

Как мы уже указывали выше, многие российские журналы первой трети XIX в. публиковали отрывки из сочинения аббата А.Фортиса «Путешествие в Далмацию», и, прежде всего, материалы, касающиеся происхождения и быта влахов-морлаков. Это было по сути дела первое знакомство российской общественности с ними. По мнению итальянского естествоиспытателя, влахи представляли собой результат сложных контактов и смешений неславянского (романского) населения со славянскими племенами, населявшими Балканский полуостров. Фортис касался и этимологии термина морлак. Он указывал, что одни исследователи ведут его от названия влахов («власи»), пришедших из-за моря («моревлахи»); другие – от новогреческого обозначения морлаков, т.е. «черных влахов» (так называли влахов из-за одежды черного цвета).

Из русских путешественников впервые упоминает морлаков В.Б.Броневский, но он в основном опирается на сведения А.Фортиса⁷.

Интересный материал, посвященный влахам-морлакам, находим у П.И.Прейса. В статье «О волохах Нестора»⁸ он приводит сравнительные данные о происхождении термина влахи (валахи) по древ-

нерусским, византийским и другим источникам и ставит вопрос о том, имели ли «волохи Нестора» общие черты с влахами Балканского полуострова. Прейс примыкает к существовавшей в XIX в. точке зрения о том, что влахи или морлаки (идентичность этих терминов признавалась всеми) представляли собой славянизированное романское население, занимавшееся главным образом скотоводством. Отсюда – и это отмечал не только Прейс – этноним влах-морлак нередко получал презрительный оттенок и обозначал «низший», «рабский», «позорный». Действительно, славянизация влахов, начавшаяся в VI-VII вв., с момента заселения Балкан славянами, особенно интенсивно проходила в XIII-XIV в. Современный этнолог М.Ю.Мартынова пишет, что процесс перенесения понятия влах на славянское православное население, говорившее на штокавском диалекте хорватско-сербского языка⁹, происходило постепенно, хотя уже источники XVI в. свидетельствуют о том, что влахи-морлаки в Далмации назывались славянами. Это, по существу, отмечал уже Прейс в своих записках. Он, в частности, писал, что в Трогире и Шибенике (Далмация) «слышал названия влахов: так называют жители городов далматинских жителей сельских. Сами себя селяне далматинские называют влахами только в горах, а чаще далматинцами...»¹⁰.

Если Прейс говорит о происхождении этнонима влах больше в историческом плане, то Е.П.Ковалевский в большом труде «Черногория и славянские земли. Путевые записки о славянских землях», написанном в 1859 г. на основании его третьего путешествия в югославянские земли, дает подробную характеристику влахов-морлаков. Важно отметить, что Ковалевский, как и другие ученые и общественные деятели, рассматривал этнические группы в комплексе определяющих их признаков (происхождение, религия, диалекты, одежда и т.д.). Подобный комплексный подход к изучению определенной этнической общности был прогрессивным для науки исследуемого периода. Надо сказать, что и для исследований нашего времени такой подход остается актуальным и научно обоснованным.

Ковалевский считает, что морлаки Далмации, составляющие по имеющимся у него данным более трети населения этого региона, представляют весьма интересный для исследования «тип». Ученый правильно подметил, что они, видимо, переселились в Далмацию и Истрию из Боснии и Сербии под напором «тиранства турок». «Ими,

---

– пишет он, – как заклятыми врагами турок пользовались соседние государства... для защиты своих владений...»¹¹. Касаясь этимологии этнонима морлак, Ковалевский ссылается на Вука Караджича, который подтверждая сложность вопроса, в то же время считает, что католики называют православных сербов «влах» или «валах»; отсюда и ведет свое начало слово «моревлах» или «морлак», т.е. влах, живущий у моря¹².

Как видим, многие ученые связывали этноним морлак с переселенцами романского происхождения – отсюда ассоциация этнонима со словами «из-за моря», «у моря». Они, по всей видимости, были правы. Известный югославский ученый-антропогеограф Й.Цвиич в начале XX в. также указывал на латинское звучание этнонима морлак – «moglacco» или «murlacco»¹³.

Интересные сведения о физическом типе морлаков, суровых условиях их быта, религии (православие и католицизм), больших семьях, насчитывающих до 30 человек, мы находим у Ковалевского; касается он и одежды, особо отмечая черную (или коричневую) кабаницу (род плаща с капюшоном из грубого сукна) и т.д.

Из путевых заметок И.И.Срезневского, который в мае 1841 г. путешествовал по полуострову Истрия мы узнаем еще об одной этнической группе хорватов, носящей название *чичи*. И.И.Срезневский заметил, что чичи расселены на территории между Истрией и Крайной и что часть их говорит на смешанном хорвато-словенском наречии. На этом основании ученый делает справедливый вывод о том, что эта группа представляет собой «переход от хорватской народности к словенской»¹⁴. В отчете министру народного просвещения С.С.Уварову о совместном с Прейсом путешествии по Адриатическому Приморью Срезневский подробнее останавливается на разных диалектах населения полуострова Истрия, и, в частности, на диалектах горцев по имени чичи¹⁵.

Прейс в своей лекции по славяноведению в Петербургском университете в 1850 г. тоже отмечал, что в «горах чичских» в северной части Истрии (г.Пиран) проживают чичи¹⁶.

Данные Срезневского и Прейса, относящиеся к этнической группе чичи, подтверждаются и современными исследователями. Так, М.Ю.Мартынова указывает, что все диалекты (чакавский, чакавско-штокавский, чакавско-словенский), на которых говорит эта этническая группа, испытали значительное словенское влияние¹⁷.

О другой этнической группе хорватов, носящих имя *буневцы* и расселенных в различных хорватских землях, а также в Бачке и

Южной Венгрии, писали почти одновременно Н.И.Надеждин и И.И.Срезневский. Они познакомились с группой буневцев, жившей в Лике и на границе Словении (Бела Крайна) и Хорватии.

В книге «Род Княжевичей»¹⁸, представляющей собой результат упоминавшейся нами поездки Н.И.Надеждина и Д.М.Княжевича вместе с В.Караджичем весной-летом 1841 г. по областям Лика и Крбава в Карлштадской Военной Границе¹⁹, Надеждин подробно рассматривает этническую историю этих областей и на ее фоне генеалогию рода Княжевичей. В первой части книги Надеждин описывает небольшие местечки, через которые они проезжали (Удбин, Перушич, Госпич), людей, с которыми беседовали, прибегая к помощи В.Караджича. Во второй части книги Надеждин, на основании фольклорных и письменных источников, излагает особенности географического, конфессионального и политического положения современных ему хорватов, их бурную этническую историю (в первую очередь в областях Лика и Крбава), в которой сложно переплетались элементы господства и влияния Византии, Венгрии, Османской империи. В конце XV-XVI вв., пишет Надеждин, Лика и Крбава были превращены в пустыню в результате османского нашествия. В дальнейшем они были заселены переселенцами из Боснии, Герцеговины и Сербии, бежавшими из-под жестокого османского гнета. В основной своей массе переселенцы придерживались православной веры, в дальнейшем многие перешли в католичество, так как описываемые Надеждиным области входили в состав империи Габсбургов. Ученый замечает, что буневцами «православные сербы называют своих католических однородцев»²⁰. В период, когда Надеждин путешествовал по Лике, т.е. в 1841 г., большую часть ее населения составляли православные, и от них происходила одна ветвь рода Княжевичей²¹.

О группе буневцев, расселенных в Жумбераке, пишет И.И.Срезневский. В 1843 г. он публикует статью «Жумборские ускоки», которая представляет собой исключительно интересный этнографический очерк, посвященный населению горных районов на границе между Словенией (Бела Крайна) и Хорватией (так называемого «Ускоцкого Погорья» или «Жумборщины»). В XV-XVI вв. этот район так же, как и Лика, был заселен ускоками из Боснии, которые сами себя называли «влахами» («волохами»). Срезневский подробно останавливается на вероисповедании ускоков, отмечая, что они делятся на

православных (староверцев) и католиков (католиков, отмечает он, более 1.800, а православных около 5.200), при этом православные называют католиков буневцами, а католики первых – влахами, и никогда не вступают между собою в браки²².

Характеризуя этнические группы югославянских народов, российские ученые исходили из суммы компонентов их духовной и материальной культуры. Так, Надеждин, описывая этнические группы *личан* и *шумадийцев*, подчеркивает, что их своеобразие определялось географическими, историческими и хозяйственно-культурными условиями. В истории русской этнографии XIX в. Надеждина считают одним из основоположников исторической географии наряду с такими учеными XVIII в., как В.Н.Татищев и И.Н.Болтин. Исходя из учения И.Канта, Ф.В.Шеллинга, Ф.Г.Якоби и др., Надеждин рассматривал историю человечества как процесс, который протекает под влиянием условий места и времени. В связи с этим он часто на первое место выдвигал географические факторы (ландшафт, климат и др.), но в то же время понимал, что они не властны совершенно стереть «неделимый характер» каждого народа.

Говоря о *личанах*, Надеждин дает подробный историко-этнографический очерк, в котором отводит большое место историческим и географическим условиям существования этой этнической общности. В хорватско-сербском пограничье, в этноконтрастной зоне проживали чересполосно хорваты-католики и сербы-православные. В данном случае речь идет о православных личанах. Личане были расселены на юго-западе Хорватии и в Военной Границе, где они служили граничарами. По мнению Надеждина, они отличались от остального населения края «резкими чертами, физическими и нравственными». Последнее Надеждин только отчасти объяснял известной замкнутостью этих мест, как бы зажатых высокими горными хребтами – Велебитом и Плешевицей. При этом ученый акцентировал внимание на осознании личанами общности своего происхождения, народных преданий и вероисповедания, отличающих их от других австрийских славян. Так он писал: «Жизнь и нравы их самые патриархальные, напоминающие первобытное младенчество людских обществ... Они беспредельно привязаны к своей родине, к отеческому языку и к прародительской вере. Нигде у австрийских славян не сохраняются святее и целее народные предания, поверья, привычки. При всей тесноте их быта, они неохотно идут на чужбину; лениво учатся они по-немецки, хотя правительство всячески того домогается; и редко, очень редко, отпадают они от прароди-

тельского православия в католическую веру или в унию, несмотря на соблазн выгод. Коротко сказать: это истинные сыны природы, крепкие и неизменные, как окружающие их горы; уединенные и недоступные, как населяемые ими ущелья»²³.

Географический и исторический подход обнаруживаем и в надеждинской характеристике этнической группы *шумадийцев*, которые по существу представляют собой ядро сербского этноса. «Обитатели Шумадии – (область в Центральной Сербии – М.К.), – писал он, – в своей лесной глуши, опоясанной еще вдобавок, почти вокруг, высокими горами, чище, нежели остальные... сохранили свою сербскую народность»²⁴.

Важно и то, что Надеждин останавливается на характеристике Шумадии как центра повстанческого антиосманского движения начала XIX в. (отсюда родом и вождь Первого сербского восстания Карагеоргий). Шумадийцы, подчеркивает Надеждин, будучи людьми мирными, привязанными к своим лесам и горам, возвращались обратно на свои земли последними, «когда некого было бить или ничего не оставалось от непреодолимого неприятеля»²⁵. Нравственный и психический облик шумадийцев Надеждин объяснял и их хозяйственной деятельностью, называя их «полупастушеским, полупастушеским населением». Действительно, тип населения Шумадии (оно в основном складывалось из сербов – переселенцев из земель, захваченных османами) определялся особенностями его хозяйственно-культурной деятельности (основу ее составляли здесь свиноводство и садоводство)²⁶.

Многие российские путешественники и ученые писали о пестром этническом составе населения Боки Которской. Этот регион южно-адриатического побережья в конце XVIII в., как и Истрия и Далмация, был завоеван Австрией. В 1806 г. власть Австрии сменилась властью наполеоновской Франции. Но очень скоро (1808 г.) Бока Которска и Дубровник в качестве особой административной единицы был включен в состав итальянского королевства. В 1815 г. Далмация, Дубровник и Бока Которска были объединены в одно политическое целое и под именем «Далмация» вошли в империю Габсбургов. Все эти смены властей и влияний не могли не отразиться на положении югославян в этих землях и на их этническом самосознании.

В 1806-1807 гг. Боку Которску посетил В.Б.Броневский. Он отмечал существование множества этнических групп, самоназвания

которых соответствовали наименованию тех селений, в которых они проживали. Среди *бокезцев* – основного населения Боки Которской – Броневский выделял *добройцев* из Доброты, *перастчан* из Пераста, *рисанотов (рисанцев)* из Рисаня и др. При этом он подметил различие этих групп в религии, одежде, обычаях. Добройцы, по мнению Броневского, слишком патриархальны и хранят обычай магометанцев держать женщин «взаперти». Перастчане в отличие от них более цивилизованы – их не обошло влияние французов в пору существования Иллирийских провинций. Рисанцы в отличие от первых двух групп, которые исповедуют католичество, придерживаются православной веры²⁷. Многие из того, что как бы мимоходом заметил в начале XIX в. Броневский, в дальнейшем, более подробно, описывали и другие путешественники.

Автор книги «Путешествие по землям западных и южных славян»²⁸ В.А.Панов подчеркивает, что в культуре Боки Которской и Далмации, где причудливо сочетались итальянское, французское и австрийское влияния, проявилась обособленность этих земель от собственно сербских и хорватских территорий. Панов обратил внимание и на различие диалектов, на которых говорило население этих областей. «Из сведений, – пишет Панов, – предварительно собранных мною об этих местах, я знал, что в Которском округе 3/4 населения принадлежат греческой православной церкви. Остальные – римо-католики. Странное явление представляют эти жители Которского канала, принадлежащие к римской церкви. Они все говорят сербским языком, но знаменитый сербский ученый Вук Караджич, долгое время живший в этих местах, заметил, что каждая из общин имеет свой собственный говор. Доброта разделяется только одним каналом от Прчана; она соприкасается с Котором, в нескольких только верстах от Пераста. Жители каждой из этих общин сходятся ежедневно на которском рынке, а между тем их можно тотчас отличить по их говору»²⁹. Караджич объясняет это явление тем, что жители редко покидают свои селения, и что можно найти много старых женщин, которые никогда не выходили за их пределы. Панов же считает, что причина этого явления – в устойчивости локального самосознания. «Все эти сербы, отставшие от своей первоначальной православной церкви, сохранили свою народность только в частном семейном быту. Для них не существует высшего народного сознания; они не знают ничего далее своего места; они отторглись от своего предания и живут жизнью отдельной, ограниченной. Известно, что ни один далматинец, который, хотя и не знает

другого языка, кроме сербского, если он римской веры, не назовет себя сербом. Он или только добротчанин, или перастчанин или прчанин. В Далмации житель Боки Которской назовет себя бокезом, а в дальних странах, где все эти частные названия совершенно уже неизвестны, назовет он себя далматинцем. Более общего сознания он не имеет»...³⁰. Это высказывание, которое мы не случайно привели столь подробно, интересно тем, что Панов как бы реконструирует своеобразные черты самосознания нескольких этнических общностей разного таксономического уровня, указывая на сосуществование таких самоназваний, как добротчанин, перастчанин, прчанин и более общих – бокезец, далматинец.

Как видим, Броневский и Панов обратили внимание на такие этнические признаки, как диалекты, религия, которые отличали одну этническую группу от другой. Другие ученые – К.А.Успенский (побывал в Далмации в 1842 г.)³¹, Е.П.Ковалевский, посетивший эти места в конце 30-х и затем в начале 50-х гг., акцентировали внимание на иной комбинации этнодифференцирующих признаков – народной одежде и религии³². «Одежда рисанцев, – пишет Ковалевский, – самая живописная во всей Боке, отличающаяся оригинальностью, если не всегда красотой одежды своих жителей. Цвет ее зеленый или красный, куртки вышиты золотом или серебром, шаровары также широки, как у других бокезцев, и оканчиваются у колен; но покрой их не так безобразен, или может быть это кажется потому, что он скрашивается богато вышитыми доколеницами, плотно облегающими вокруг ноги; турецкий фес, вместо бокезской шапочки, довершает одежду рисанцев, которые любят пощеголять ею, уверяя, что происхождением они обязаны римлянам. Скорее они позаимствовали ее у испанцев, во время краткого пребывания их в Боке, дополняя ее частью прежней своей, общей всем туземцам... Рисанцы греческого исповедания»³³. В противоположность рисанцам, живущие рядом добротчане отличаются суровостью своих нравов. «Темный цвет одежды их с блестящими серебряными пуговицами, и богатое вооружение, украшенное насечкой и перламутром, очень идет к их лицам, суровым, смуглым, избитым бурями, закаленным в морях... Добротчане все без исключения католики»³⁴.

Как видно из приводимых российских публикаций, Бока Которска действительно представляла собой уникальный регион, где на сравнительно малой территории были сосредоточены различные этно-

---

локальные группы, резко отличавшиеся друг от друга диалектами, религией, народной одеждой.

Интересен материал об этнической группе *перойцев*, впервые введенный в научный оборот И.И.Срезневским. Группа черногорцев, попавшая в иноэтничное и иноконфессиональное окружение (село Перой на полуострове Истрия) – яркий пример «консервации традиционных форм духовной и материальной культуры»³⁵ черногорцев, сохранения их этнического самосознания. В «Известиях Отделения русского языка и словесности» Российской академии наук И.И.Срезневский публикует песни черногорцев перойских³⁶, записанные им со слов местного жителя Нико Браича. В.Караджич в одном из своих писем упрекал Срезневского за то, что тот не дал ему своих записей перойских песен для его переиздававшегося собрания «Сербские народные песни»³⁷. В комментарии к песням перойцев Срезневский пишет: «Входя в Перой, думаешь, что перенесся совершенно в другую сторону..., вдаль от влияния Италии и полуитальянского быта хорватов поморских: постройка домиков, одежда жителей, их говор и вдобавок ко всему православная церковь напоминают живо об окрестностях Печа и Черногории». «Черногорцы, живущие здесь, – продолжает он, – не забыли ни своего языка, ни славы соотчей, ни старинных преданий и эпоей об их подвигах. Они не забыли и того, что их предки выселились сюда за 300 лет лишком..., вместе с Георгием Черноевичем... Предки нынешних перойцев были, как утверждают их потомки, оруженосцами «старого Георгия»³⁸. В этой этнической группе соблюдалась строгая эндогамия*.

Российские ученые и путешественники (Броневский, Прейс, Срезневский) обращали также внимание на существование различных этнических групп словенцев: *горчане* (Штирия), *роковчары* и *зляне* (Каринтия), *голошане* или *холожане* (на границе Крайны и Хорватии), *прекмурцы* (Штирия), *белые краинцы* (восточная часть

Нижней Крайны), *горенцы* (Верхняя Крайна), *доленцы* (Нижняя Крайна).

Больше всего об этнических группах словенцев писал И.И.Срезневский. Находясь в словенских землях в 1841 г., во время обследования сел в окрестностях Птуя (Крайна), ему удалось «собрать этнографические сведения о *голошанах* (*холожанах*), живущих в го-

---

* Об общественном устройстве Черногории см. гл. III

рах по правую сторону Дравы к границам Кроации и в самой Кроации»³⁹. По народному преданию они ушли в горы во время войны между штирийцами и немцами, чтобы там, за неприступными стремнинами, сохранить жизнь и независимость. Подчеркивая глубокую самобытность этой группы, Срезневский указывал, что в обычаях и в образе их жизни осталось много старинного: «старика у них пользуются не только уважением, но и особенного рода властью; есть обычаи о платеже пени за обиду; еще недавно были у них употребляемы луки для стреляния птиц; а туром (tur или tür) теперь еще называют рычаг огромной величины для сбрасывания камней с гор»⁴⁰. Кроме того, Срезневский отмечает, что язык голошан можно причислить к «штирийскому наречию» словенского языка «с той только разницей, что они говорят нараспев, начиная речь доминантой и оканчивая тоникой и еще чаще квинтой»⁴¹.

Интересна и характеристика другой этнической группы словенцев – *зилян*, расселенных в долине реки Зиля в Каринтийских Альпах. По словам Срезневского, зилян не более 7 тыс. душ в десяти приходах. Все зиляне, по его наблюдению, являются свободными хлебопашцами, которые платят подать за землю своим помещикам. Ученый касается и некоторых черт характера зилян: «Зилянин благороден, добродушен, приветлив. Зилянка горда, хитра, но тоже благородна и приветлива, веселость зилян вошла в пословицу, а немцы, которые окружают их со всех сторон, ставят в пример чистоту их нравственности...»⁴². Они, указывает Срезневский, сохранили «дедовский быт» и все еще празднуют старинный общинный праздник Липы⁴³.

Очень бегло касался Срезневский и этнических групп *доленцев* и *белых краинцев*. В донесении из Загреба он, например, писал: «Путь мой в Люблян был через Новое Место и Вышнюю гору. В этих местах живут доленцы или нижние краинцы, восточная часть их до Нового Места называется белыми краинцами, потому, что они носят такую же белую одежду, как и хорваты. Их наречие, впрочем, хотя и включает в себе некоторые хорватизмы, но есть словенское»⁴⁴.

Проехав Крайну, Штирию и Каринтию, Срезневский направился в Венецианскую Словению и довольно подробно описал этнические группы *резьян* и *словинов*. Русский ученый опирался на уже известные ему сведения об этих группах словенцев, почерпнутые у сло-

---

венского священника А.Пешеля, писателя С.Вразы и словацкого ученого П.-Й.Шафарика. Пешком он исходил селения резьян и словинов, сопровождаемый местными приходскими священниками. Один из них (Одорико Бутоло) из села Равенца в Резье поведаль Срезневскому о приходе в Резью русских солдат суворовской армии.

Весьма ценный материал о резьянах и словинах содержится в архивных заметках Срезневского⁴⁵, в его статье «Резьяне и словины»⁴⁶ и в письме к В.Ганке от 2 мая 1841 г.⁴⁷. Особое внимание ученый обращает на сходство и различие резьян и словинов в диалектах, быте, хозяйстве, пище, жилище и одежде⁴⁸. Он, например, пишет о том, что у словинов в отличие от резьян сохранились задруги и остатки кровной мести. Эти сведения Срезневского весьма важны для исследования общественного и семейного быта словенцев, так как задруги у них существовали в период раннего средневековья, но условия социально-экономического развития этого региона привели к их исчезновению в большинстве его областей значительно раньше, чем в других югославянских землях⁴⁹.

Словины, отмечал Срезневский, как и резьяне, отличались большой религиозностью, но в то же время недоверчиво относились к своим священникам; «их отличали обычаи и навыки языческих времен»⁵⁰. «Словины подвержены иноземному влиянию: правительство не обращает на их народность никакого внимания, в школах они учат итальянский язык и латынь и только между собою говорят по-словински»⁵¹. Если резьяне были нраву, большей частью, веселого и доброго, то словины осторожны и недоверчивы.

Интересовали Срезневского и предания резьян о том, что их предки были выходцами из России. Он консультировался по этому вопросу с Е.Копитаром и С.Вразом. Враз считал, что исторически приход резьян из России доказать нельзя, однако указывал на близость их языка к русскому. «Если они пришли из России, – писал он, – то это могло случиться, по крайней мере, в столетии, когда русские еще не приняли крещения»⁵². Копитар же в письме к В.Ганке решительно отвергал это предание⁵³. Шафарик в статье «О резьянах и фурланских словинах» высказывал предположение, что версия о приходе резьян из России связана с переходом русских войск во главе с А.В.Суворовым через Альпы⁵⁴. Вообще, характеристика, данная Шафариком резьянам и словинам, во многом совпадает с мнением Срезневского о том, что, несмотря на существование этих групп словенцев в иноэтничной среде и на интенсивный процесс их романизации, они стойко хранили родной язык и древние обычаи.

Интересно, что статистические данные о численности резьян и словинов у Шафарика и Срезневского совпадают. Срезневский приводит данные численности населения по церковным приходам.

Итак, отечественные источники первой половины XIX в. дают нам представление о множестве этнических групп югославянских народов. Наличие таких групп не случайно привлекало внимание путешественников и ученых этого периода. Их нельзя было не заметить, так как они отличались по целому ряду элементов в диалектах, одежде, нравах и обычаях. Бросалось в глаза и то, что у представителей этих групп (частей этноса) было еще очень сильно сознание принадлежности к родному месту, что выражалось в этнонимах разного таксономического уровня (например, добротчане, бокезцы, далматинцы).

Весьма ценным, на наш взгляд, было стремление ученых и общественных деятелей, путешествовавших по югославянским землям, выявить и описать целый ряд специфических признаков, определявших ту или иную этническую группу. При этом некоторые ученые (Срезневский, Панов, Надеждин) старались рассматривать эти определители комплексно, в единстве, выделяя не только особенности диалектов, но и своеобразие народной одежды, религии, хозяйства. В то же время нужно иметь в виду, что на самом деле (и об этом до сих пор идут споры) не всегда именно совокупность этнических признаков выступает в качестве основного объективного определителя этнической группы и этноса в целом. В одних случаях на передний план выступает один этнический признак (например, диалект или одежда), в других – иные (религия, хозяйственно-культурный тип и др.)⁵⁵. Такой подход был характерен не для всех ученых. Некоторые слависты и общественные деятели фиксировали те из этнических признаков (например, одежду), которые больше всего бросались в глаза.

К вопросу об этнонимах *хорват* и *серб*

В своих работах российские ученые исходили не только из непосредственных наблюдений, касавшихся возникновения этнонимов *хорват* и *серб* и территории их распространения, но так или иначе обращали внимание на специфику исторического развития этих народов, на различие и сходство их языков и диалектов, народных

преданий и традиций. В этом смысле огромный интерес представляет собой программа-вопросник П.И.Прейса, составленная в конце 30-х годов XIX в. и предназначавшаяся для изучения югославянских народов, проживавших в пределах империи Габсбургов. В ней сохранилось множество вопросов, имевших прямое отношение к этнической истории югославян, которые должны были раскрыть «политическое, церковное разделение страны», совпадение или несовпадение первого со вторым, а также деление народное, «отличное от политического и церковного»⁵⁶. Эти вопросы были чрезвычайно важны для исследования всего югославянского региона, где наблюдалось несовпадение этнических, языковых, политических и конфессиональных границ и где этнический состав населения был чрезвычайно пестрым.

Особый интерес представляет конкретизация этих вопросов, связанных главным образом с формированием этнического самосознания хорватов. Прейса интересуют самоназвания этнических групп, соотношение между самосознанием этноса и его самоназванием, судьбы эндо- и экзоэтнонимов, признаки, характеризующие данную этническую общность, а именно, осознание общности происхождения, народные предания об этом, языковые различия, а также территория распространения этнонима *хорват*. В разделе «Народ» ученый, в частности, фиксирует внимание на таких вопросах: «17. Народное имя у 1) туземцев, 2) соседей; 18. Шутливые и бранные названия населения и его соседей; 19. Шутливые рассказы о начале и происхождении соседей; 20. Шутливые взаимные названия лиц разных сословий; 21. Где живут брайцы, майдацы, белые хорваты, или как иные утверждают, белые краинцы, черные краинцы, кирци, чирибирци; 22. Как далеко простирается имя хорватов (хорвати) в Истрии? 23. Язык? Как жители называют свой язык? 24. Диалектные различия: 1) в грамматике: в произношении гласных и согласных; употребление и существование известных форм (склонения и спряжения), 2) различия в отдельных словах. Где можно, желательны небольшие образцы языка»⁵⁷.

В архивных материалах Прейса мы находим и ответы на некоторые из поставленных им в программе вопросов. Так, в заметке «Хорваты», а также в рукописях лекций по славяноведению в Петербургском университете, ученый справедливо подчеркивал, что самоназвание *хорват* (*рват* – *хрват*) охватывает главным образом население трех жупаний – Загребской, Вараждинской и Крижевацкой. Жители Славонии называли себя славонцами, этноним хорват

здесь почти не употреблялся. Заинтересовала Прейса и чересполосица в расселении хорватов и сербов в Хорватии и Славонии⁵⁸.

Понимая, что общность происхождения и наличие собственного государства не может не оказать влияние на развитие этнического самосознания народа, Прейс приводил историческое свидетельство византийского императора Константина Багрянородного, писавшего, что древняя держава хорватов простиралась в области между р.Цетиной в Далмации и рекой Раша в Истрии⁵⁹. Политическое положение хорватских земель в начале XIX в. в составе Австрийской империи, их административная раздробленность, отсутствие единого языка и причудливое пересечение диалектов в разных регионах (хорваты говорили на трех диалектах: кайкавском, чакавском и штокавском)⁶⁰, миграция славян из районов, занятых османами, оказывали, справедливо считал Прейс, негативное влияние на процесс этнической консолидации хорватов.

Бесспорную ценность для этнологии представляют размышления П.И.Прейса и И.И.Срезневского о сложной этнической структуре всего региона, где проживало хорватское население. Ученых интересовало бытование этнонима хорват на большой территории – от Истрии до юга Далмации и его связь с реальным состоянием этнического самосознания.

Срезневский в черновых заметках по поводу программы Прейса писал о границах распространения этнонима хорват следующее: «Название хорватов (Horvati, Argvati, Rvati) распространено по всей восточной староавстрийской Истрии, в приморье Речком (Риека – М.К.), в Военной Границе, по обе стороны Велебита и в Котаре равном (равнинном – М.К.), около Задара к реке Крка, равным образом на островах Кварнера и других на юг, хотя, впрочем, жители островов чаще называются по имени каждого из островов. Не мудрено,

что и далее за Кркой, может быть даже на самой Цетини простирается название Хорватов – и любопытно исследовать это подробно; впрочем, уже в Трогире и Шибенике я слышал название Влахов: так называют жители городов далматинских жителей сельских. Сами себя селяне Далматинские называют Влахами только в горах, а чаще Далматинцами. Южная часть острова Паго (современное название о.Паг – М.К.) населена уже Далматинцами, а не Хорватами; впрочем, на Угляне я слышал еще имя Хорватов. Жители островов

далматинских сами себя называют Далматинцами, а горожане называют их, может, более в насмешку, Бодулями. Жители Боки Которской... сами себя называют и другими называются Бокезцами»⁶¹. Это ценное наблюдение Срезневского позволяет сделать вывод о многообразии в этом регионе этнонимов самого разного таксономического уровня: узколокального (бодулы), областного (далматинцы), общего (хорваты), сосуществование которых свидетельствует о сложности процесса консолидации хорватского этноса. Это понимал ученый, когда комментировал свое высказывание и называл описанную этническую ситуацию «не совершенно определенной, как мне бы хотелось». Но объяснить эту противоречивую ситуацию он не мог, да и не ставил перед собой такую задачу. В своих путевых заметках, насчитывающих не одну сотню страниц⁶², впервые попавший в славянские земли ученый ставил целью, прежде всего, описание островов Адриатики, городов и селений Далмации, Хорватии и Славонии со всеми их диалектными различиями, особенностями в одежде, жилище, хозяйстве жителей, а ценнейшие наблюдения об этнических группах и их названиях делал как бы мимоходом, полагаясь на свою интуицию и знания.

Правильность большинства наблюдений Прейса и Срезневского подтверждается современными учеными (М.Ю.Мартынова, Г.Г.Литаврин, О.А.Акимова и др.)⁶³. Они отмечают разные факторы, так или иначе влиявшие на этническое самосознание хорватов и процесс формирования единого этноса. Одним из факторов была политическая раздробленность хорватских земель, в результате чего Далмация, собственно Хорватия и Славония были изначально разобщены и этнически и административно. Существование в период раннего средневековья хорватской государственности и хорватской этнической общности (несмотря на то, что в начале XII в. Хорватия фактически перестала существовать как независимое государство) имели большое значение для последующего формирования этнического самосознания хорватов и осознания себя единым народом. Эти процессы происходили в эпоху иноземных завоеваний – венгерского господства над хорватскими землями, власти Венеции, Австрийской и Османской империй. Усиленная мадьяризация и германизация хорватского населения оказала большое воздействие на формирование этнического единства, с одной стороны, замедляя его, а с другой, – активизируя этот процесс. Формирование этнического самосознания населения приморских далматинских городов шло иначе. Оно в большей степени испытало на себе влияние ан-

тичной традиции, прочных связей с Италией, процесса славянизации романского населения в этом регионе и т.д. Все это привело к тому, что не только в средние века, но и в XIX в., «хорваты – славяне» нередко воспринимались в далматинских городах-коммунах как чужаки, а сами горожане называли себя «латинами» и чаще – «далматинцами» или присваивали себе названия по городам («задарские», «сплитские», «трогирские»).

В работах российских авторов большое внимание уделялось конфессиональным и языковым различиям югославянских народов. При этом религиозное сознание рассматривалось в качестве основного определителя, характеризующего их этническое самосознание.

В связи с этим нередко католики отождествлялись с хорватами и словенцами, а православные с сербами. Так, Н.И.Надеждин указывал, что католик всюду назовет себя *рватом*, т.е. *кroatом* в противоположность православному, который исключительно зовется *србином*, т.е. *сербом*. Говоря о сербах в хорватской части Военной Границы, он отмечал, что сербами называют себя только православные славяне, католики же именуют последних влахами, райцами или рацами, «придавая этим невинным этнографическим названиям презрительное значение» (последнее ведет свое начало от названия *Racz* – рац, которым немцы и мадьяры называли сербов Рашки – древнего сербского княжества)⁶⁴. Однако не всегда и не везде религия оказывалась основным этнодифференцирующим признаком, различающим хорватов и сербов. Сказывались и другие особенности исторического развития и локальных традиций разных частей этих народов. На это обратил, например, внимание П.А.Лавровский в статье «Трехмесячное путешествие по южной краям Австрии»⁶⁵. Наблюдая зарубежных славян во время этой поездки и заявляя, что основным методом сбора материалов были «расспросы на местах», Лавровский ставил своей задачей изучение «учено-литературного состояния славян и движения у них народности». Интересна запись беседы Лавровского с деятелем хорватского возрождения, писателем И.Кукулевичем-Сакцинским. «...г. Кукулевич советовал мне не забывать спрашивать народ: кто он? уверяя, что он чаще станет отвечать хорват и не скажет серб. Я исполнил в точности поручение, но в результате не оказалось ни сербов, ни хорватов, а лишь специальные названия по месту жительства или по религии (православный – ришчанин, католик – крштанин), с включени-

---

ем иногда более общего, но все-таки не общего далматинец. А из такого результата трудно выводиться хорватизм далматинцев. В Дубровнике же и католики образованные позволили себе улыбнуться, когда я назвал их хорватами, а о православных которцах нечего уже и говорить: те прямо считают себя сербами»⁶⁶. Это высказывание крайне важно для понимания реальной этнокультурной ситуации в хорватских землях в середине XIX в., где основным барьером между сербами и хорватами были религиозные и иные различия.

Рассматриваемые нами источники содержат также материал, свидетельствующий не только о заменяемости этнонимов серб и хорват их конфессиональными определителями православный и католик, но и о соединении в этих этнонимах конфессионального и этнического признаков. М.П.Погодин писал, в частности: «...Православные продолжают называть себя сербами, что всегда означает не только национальность, но и веру»⁶⁷.

Рассматривая вопрос о формировании этнического самосознания сербов, российские ученые подчеркивали своеобразие их исторического развития. Поселившись на Балканах еще в VII в., они, как и хорваты, уже в X в. имели самостоятельное государство. В XI в. произошло окончательное размежевание христиан на Балканах: одни – хорваты и словенцы приняли католическое вероисповедание, другие – сербы приняли православие. Разными путями пошло и политическое развитие хорватов и сербов. К началу XIX в. хорватские земли, утратив остатки политической самостоятельности, всецело находились под властью Австрийской империи. Сербские земли были разъединены границами Османской и Австрийской империй. Глубокими особенностями характеризовалось и этнокультурное развитие этих народов, что, в известной мере, старались запечатлеть российские ученые. В этом плане интересен спор О.М.Бодянского со С. Вразом по поводу этнонима *серб*. Бодянский не соглашался с последним, считавшим, что слово серб якобы известно только простому народу в княжестве Сербия, Среме и его окрестностях; в других же местах его знают только люди грамотные и православные, простонародье же называет себя «часто одними областными именами». Возражая Станко Вразу, Бодянский заверяет его, что «сам слышал, как все сербы православные в Среме, Бачке, Банате, Славонии зовут себя сербами, малый и большой, грамотный и безграмотный»⁶⁸. Более того, Бодянский утверждал, что и далматинцы, черногорцы, босняки, герцеговинцы православного вероисповедания также зовут себя сербами, и при этом ссылался на мнения различных иностранных

путешественников. Этот спор показывает, что к середине 40-х гг. XIX в. этноним *серб* повсеместно сосуществовал с областными этнонимами, однако можно утверждать, что у сербов, в связи с образованием Сербского княжества и интенсивностью связей внутри занимаемой ими территории, размахом процесса национального возрождения как в княжестве, так и в сербских землях Австрийской империи, этническая консолидация шла несколько быстрее, чем у хорватов, что подтверждается и современными исследованиями⁶⁹.

Итак, российские ученые и путешественники первой половины XIX в. явились свидетелями знаменательных процессов в историческом развитии югославянских народов и, в частности, сложного и противоречивого процесса формирования их этнического самосознания. Они стремились зафиксировать самые яркие явления этого процесса, и их наблюдения до сих пор представляют научную ценность. Осознавая разность исторических судеб югославянских народов и присущее каждому из них историческое чувство своего единства и неповторимости и в то же время замечая много общего в их развитии, они зачастую приходили к таким выводам, которые прошли проверку временем и объясняют в известной степени истоки современных конфликтов в бывшей Югославии.

О некоторых факторах развития этнического самосознания югославянских народов

Путешествуя по югославянским землям, отечественные ученые и общественные деятели убеждались в том, что развитие этнического самосознания у югославянских народов тормозилось в известной степени чужеземным гнетом и утратой государственности⁷⁰.

В своих путевых заметках по Истрии и Далмации Ф.В.Чижов большое место отводил вопросам германизации и италянизации православного населения этих мест. В Рагузе (Дубровнике), пишет он, в результате длительного физического истребления православных осталось только 400 человек из 6 тысяч населения⁷¹, что подтверждается данными русского консула в Дубровнике К.Пет-

---

ковича⁷². Чижов отмечает также, что православие, которого часто придерживались жители Истрии до установления здесь власти Венецианской республики, в дальнейшем всячески искоренялось, что вызывало стихийный протест простого народа⁷³. Чижов отмечал, что на южном берегу Истрии, где почти все население составляют славяне-католики, некоторые из них, особенно крестьяне, шли в православную церковь села Перой, где богослужение велось на понятном им славянском языке⁷⁴. Позднее И.С.Аксаков, присутствовавший на церковном празднике в Перое, удивлялся тому, как католики «хором пели» православную молитву⁷⁵. В Хорватии он самолично убедился в том, что «православные церкви наполняются постоянно простым народом католического исповедания, а ...молодое католическое священство готово хоть сейчас перейти в православие»⁷⁶. Это высказывание представляется нам преувеличением, связанным со славянофильской ориентацией ученого.

Чижов снабжал церковной утварью и книгами православные церкви в Истрии, что вызвало недовольство русского правительства – его обвинили в подстрекательстве славян против Австрийской монархии, в связи с чем он был заключен в Петропавловскую крепость⁷⁷. О насильственном обращении православных далматинцев в католицизм католическими священниками писал также М.П.Погодин⁷⁸. Аналогичные наблюдения о притеснении православия в Далмации со стороны Венеции и Австрии, находим и у Е.П.Ковалевского⁷⁹, однако, мы не располагаем данными о том, насколько широко было распространено это явление.

Часто российские ученые и путешественники касались и языковой ситуации в югославянских землях, обращая внимание на последствия политики германизации и итальянизации. При этом они (в частности, Срезневский, Чижов, Лавровский, Сухомлинов) подчеркивали преобладание немецкого языка в городах Хорватии, Славонии, Военной Границы, латыни и итальянского – в городах Истрии и Далмации и плохое знание немецкого и итальянского в сельских местностях этих же областей. Так, Чижов в 1843 г. отмечал, что «в Истрии прибрежные жители, собственно горожане, все говорят по-итальянски... Обитатели средины Истрии понимают итальянский язык, но говорят на нем самым исковерканным образом, а женщины часто и совсем не говорят. Языка правительства, т.е. немецкого не понимают ни народ, ни горожане»⁸⁰. «Коренное народонаселение Истрии славяне, а, следовательно, и коренной язык славянский, по-

этому, – пишет Чижов, – и до сих пор в середине Истрии народ говорит по-славянски»⁸¹.

Срезневский и позднее Лавровский тоже много писали о сложной языковой ситуации в Далмации и Истрии⁸². Срезневский еще в 1841 г. заметил, что в Дубровнике, например, образованные горожане владеют тремя языками: народным (далматинским), итальянским и французским, а простые люди говорят на народном⁸³. Срезневский и Лавровский отмечали, что по-разному складывается языковая ситуация в конкретных городах. Так, в г.Задар преобладал итальянский язык. При этом Лавровский считал, что австрийское правительство не препятствовало распространению итальянского языка в Далмации, так как для него «всякий язык сноснее, чем славянский»⁸⁴. Почти все русские слависты подчеркивали, что в таких городах, как Дубровник, Сень больше распространен народный хорватский язык (вернее его диалекты), чем итальянский и немецкий⁸⁵. Это наблюдение было верным: дубровницко-далматинская литература XV-XVII вв. действительно создавалась на штокавском, кайкавском и чакавском диалектах хорватского языка, и эта традиция, безусловно, оказала влияние на сохранение народного языка в этом регионе.

О германизации в хорватских землях писал, например, Сухомлинов: «Как и всегда и всюду Австрия заставляет хорватов учиться по-немецки, а в судопроизводстве нет и помину о народном языке. Законом поставлено преподавать в школах закон божий на хорватском языке, но епископу дано тайное предписание назначить законоучителями людей, не знающих по-хорватски. Таким образом, религия преподается на немецком языке, а правительство оправдывается в нарушении данного слова тем, что выбор преподавателя принадлежит епископу. Это лицемерие проникает всю австрийскую систему...»⁸⁶.

Если в хорватских и словенских землях – в силу ряда исторических причин – германизация и итальянизация разных сторон культуры, в том числе и языка местного населения шла достаточно интенсивно, особенно в городах, то в сербских землях Османской империи языковая ситуация была иной: турецкий разговорный язык или не привился вовсе или входил в употребление лишь частично. Так, Чижов, Григорович, Сухомлинов отмечали, что в Белграде 40-50-х гг. господствующим языком был сербский, притом он использовался

и в судопроизводстве, и в театре, и в училищах⁸⁷. Большую роль в сохранении народной сербской культуры, в том числе и сербского языка, сыграли монастыри и церкви. В условиях османского гнета они имели огромное значение для сохранения политических и этнических связей между сербами. Они поддерживали в сербах историческую память о традициях государственности и народной культуры. Так, например, Чижов писал в 1845 г. о том, что сербские монастыри были во времена османского владычества убежищем для народа и источником образованности⁸⁸.

Несмотря на все попытки австрийских и османских властей принизить славянскую культуру, происходило укрепление этнического самосознания югославянских народов. Подтверждение этого тезиса мы находим в материалах источников первой половины XIX в. Так, П.А.Лавровский неоднократно подчеркивал мысль о том, что в югославянских землях Габсбургской монархии именно православная вера и славянский язык были силой, препятствовавшей политике ассимиляции сербов. «И действительно, – писал Лавровский, – надобно проехать по австрийским землям славянским, чтобы увидеть во всей полноте громадное превосходство в прочности, незыблемости их народности и чтобы признать православие со славянским богослужением за тот оплот, перед которым рассыпаются в прах все козни обезнародывающей власти. Возьмите, например, одну Далмацию, с ее обитательными городами, и вам откроется самое наглядное, самое поразительное доказательство. У кого в городах Далмации хранится еще туземный язык и кто отделяет себя из далматинцев от среды славянства – почти единственно православные; в каких городах овладел всем народонаселением итальянский язык и где жители забыли о своем славянском происхождении – там, где нет православных; почему в Катарро (Котор – М.К.) так резко выделяются граждане от всех остальных далматинских горожан, господствующим употреблением славянского языка, совершенным незнанием многими итальянского, потому что в Катарро три четверти народонаселения состоит из православных христиан»⁸⁹.

В центре внимания отечественных ученых и путешественников были явления насильственной германизации и итальянизации югославянских земель (позитивное влияние иноземной культуры без всяких на то оснований ими сбрасывалось со счета), так как они, по их мнению, затрудняли этническую консолидацию югославянских народов. Аналогичной роли мадьяризации они уделяли меньшее внимание.

Яркий материал о политике мадьяризации, осуществлявшейся венгерскими властями в сербских областях Воеводины, приводит историк и этнограф Н.А.Ригельман. Путешествуя по Дунаю в 1845 г., он размышлял о том отрицательном воздействии, которое оказало введение венгерского языка в администрацию и судопроизводство, в школы и даже в церкви. В 30-40-х гг. венгры отказались признать права сербского языка в государственных учреждениях и в обучении⁹⁰.

Однако, как справедливо заметили русские ученые и общественные деятели, все усилия чужеземных властей не привели к утрате югославянами веры, языка и самобытной культуры в целом⁹¹.

Во многих высказываниях такого рода присутствуют славянофильские идеи. Это проявляется в непримиримом резком противопоставлении Востока – Западу, православия – католицизму, в утверждении, что православие есть залог самобытного духовного развития всех славянских народов, в том числе и русских. В то же время нельзя не видеть и положительные стороны в вышеприведенных высказываниях. Они, на наш взгляд, заключаются в том, что российские ученые сочувствовали трудному существованию зарубежных славянских народов в условиях чужеземной власти и всячески поддерживали идею их окончательного освобождения.

Этническое самосознание и соотношение конфессий в Боснии и Герцеговине

Как уже отмечалось, Босния и Герцеговина занимали особое место среди европейских владений Османской империи. Политическое и социальное положение этих земель было своеобразным. В 30-50-х гг. XIX в. укрепилась центральная власть султана, что вызвало новую волну освободительного движения в этих землях. Все эти обстоятельства не могли не привлечь к ним внимание российской общественности.

В архивах А.Г.Розелион-Сашальского и И.П.Липранди, относящихся к 30-м годам XIX в., находятся отдельные заметки о Боснии и Герцеговине. «Нечто о Боснии» – так называет Розелион-Сашальский свое добавление к «Краткой статистической записке о Сербии». В записке содержатся краткие сведения о капитаниях – административных округах Боснии и Герцеговины, во главе которых сто-

---

яли крупные феодалы из числа османов или местной знати. Основным наречием населения Боснии является, по его мнению, сербское, в котором есть отдельные выражения, взятые из турецкого языка (на нем местное население не говорит)⁹².

Более подробно пишет о Боснии и Герцеговине Липранди. Его заметки, видимо, представляют собой подготовительный материал к «Краткому очерку этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи»⁹³.

Особую ценность в них, на наш взгляд, представляют данные об исламизации славянского населения Боснии и Герцеговины и о его этноконфессиональном составе. Не задаваясь целью понять, почему ни в одной из южнославянских земель процесс исламизации не шел так интенсивно, как в Боснии и Герцеговине, Липранди приводит интересные факты и цифры, свидетельствующие о своеобразии процесса. Так, он утверждает, что в 1830 году из 1 млн.600 тыс. населения этих земель половина исповедовала ислам⁹⁴. По его мнению, основная цель принятия ислама – получение земельных наделов (тимаров), и здесь Липранди, очевидно, близок к пониманию основной социальной причины исламизации славянского населения Боснии и Герцеговины. «Должно заметить, – пишет он, – что переход из православия в ислаимизм происходит в Боснии не из убеждений религиозных, но единственно из расчетов житейских, ибо ренегатство дает им (мусульманам – М.К.) право на наследственное сохранение тимаров, на приобретение должностей, на более свободную жизнь»⁹⁵. Липранди отмечает также, что принявшие ислам славяне не знают разговорного турецкого языка, сохраняют свои прежние фамилии и прозвища, пьют водку и вино, т.е. соблюдают не все правила магометанской религии, за что османов называют их еретиками. По мнению Липранди, реже переходят в ислам католики; это явление он объясняет тем, что, благодаря поддержке папы римского и францисканского ордена, католическая церковь оказалась более влиятельной и в количественном, и в нравственном отношении, православные же храмы в Боснии и Герцеговине разрушались, а их священнослужители истреблялись. Отмечает ученый и тот факт, что мусульмане и православные живут в большей дружбе между собой, чем с католиками, которых называют *шокцами*. Последних в 1830 году в Боснии и Герцеговине насчитывалось, по мнению Липранди, 150 тысяч⁹⁶.

Материалы о Боснии и Герцеговине, собранные Розелион-Сашальским и Липранди в 40-е годы XIX в. и позднее, не стали достоя-

нием российской общественности, а между тем они во многом предвещали направление разысканий последующих ученых. Анализ отечественной журналистики 40-50-х гг. свидетельствует о том, что публикации этого периода в основном касались истории, географии и современного политического положения Боснии и Герцеговины⁹⁷.

Наибольший вклад в изучение этноконфессионального состава населения этого региона внес А.Ф. Гильфердинг. Должность русского консула в г.Сараево открыла перед ним возможность побывать в разных уголках Боснии, Герцеговины и Старой Сербии и стать, по существу, первым российским исследователем быта и нравов жителей этих провинций Османской империи. Не случайно его работы в 70-е гг. и позднее были переведены на сербский и немецкий языки.

Гильфердинг понимал значение этнографических материалов для изучения прошлого и настоящего народов и писал об этом в предисловии к составленному им сборнику «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». В статьях «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» и «Босния в начале 1858 года» Гильфердинг поставил перед собой сложную задачу, хотя и не выделял ее как особую, – выяснить причины, которые привели со временем к образованию в

этом регионе особой этноконфессиональной общности – *мусульмане*.

Вопрос о ее появлении и развитии до сих пор остается в центре внимания югославских и отечественных ученых⁹⁸. Предметом споров является, например, вопрос о времени возникновения термина *бошняци* и этнообразующем значении в Боснии такого фактора, как религиозная специфика страны – распространение в ней богемильской ереси⁹⁹.

В конце 50-х гг. XIX в. Гильфердинг следующим образом характеризует этническое самосознание и состав населения Боснии: «Жители Боснии составляют, как по собственному своему понятию, так и по официальному признанию, три народа, хотя все принадлежат к одному и тому же сербскому племени¹⁰⁰ и говорят одним языком. Эти три народа суть: турки, т.е. мусульмане, латины (иначе крштяне, презрительно шокцы), т.е. католики, и сербы (иначе риштяне, презрительно влахи, т.е. православные)»¹⁰¹. Очевидно, ученый почувствовал недостаточность подобного утверждения, поэтому в дальнейшем неоднократно возвращается к пояснениям. Из них

мы, например, узнаем, что турки означают мусульман-югославян, которые в свою очередь правоверных турок называют османли, а всех югославян христианского вероисповедания – влахами¹⁰². В другой статье Гильфердинг пишет, что славян-мусульман в Боснии называют бошняками, в отличие от вlahов или сербов, т.е. православных, и шокцев или латинов, т.е. католиков¹⁰³. Иными словами, если исходить из наблюдений русского ученого, в конце 50-х гг. XIX в. этноним *бошняк* (серб. *босанац-бошњаџи*) употреблялся для выражения этнического отличия боснийско-герцеговинских мусульман от османов-завоевателей и мусульман, переселившихся из Албании, Малой Азии, Кавказа.

Многие современные ученые склонны думать, что процесс складывания мусульман славянского происхождения в особую этническую общность был очень длительным и сложным. Бесспорно одно – и это подтверждают работы Гильфердинга, Раевского, Старчевского и других российских ученых и общественных деятелей, – в середине XIX в. славяне-мусульмане уже ощущают себя особой этноконфессиональной общностью, отличной от прочих мусульман. Об этом свидетельствует не только этноним *бошняк*, но и осознание славянами, принявшими ислам, общего исторического прошлого с христианским населением Боснии и Герцеговины. Гильфердинг, например,

указывал, что многие из принявших ислам считают себя «ренегатами», хотя вероотступничество их произошло несколько сот лет тому назад, «они живо помнят, что их предки были христианами»¹⁰⁴. Говорят даже, добавляет он, что некоторые мусульмане хранят у себя передаваемые из рода в род грамоты царей боснийских и сербских¹⁰⁵.

Гильфердинг и другие исследователи подчеркивали также отказ славян-мусульман от многих обычаев, привнесенных восточной культурой. Они, в отличие от турок, ели свинину, пили вино, молодые девушки появлялись на улице без покрывал, редкостью были случаи многоженства¹⁰⁶. Русский ученый касается и конкретных случаев перехода христиан в ислам. Например, сирота из славян, попавший в мусульманский дом, неизбежно будет обращен в ислам. Или деревенская девушка, похищенная турком, предпочтет стать мусульманкой, чем с позором предстать перед родителями¹⁰⁷.

В «Кратком очерке Герцеговины», опубликованном в 1850 г., священник посольской церкви в Вене Михаил Федорович Раевский (1811-1884) тоже отмечал, что славянские приверженцы ислама со-

хранили у себя некоторые «христианские обычаи», праздновали праздник семейной Славы, столь распространенный у сербов, гордились тем, что в древности их родина составляла «удел» св.Саввы, просветителя сербского царства¹⁰⁸. Все писавшие о Боснии и Герцеговине подчеркивали и чистоту сербского языка, на котором говорят принявшие ислам югославыне¹⁰⁹. «В их устах сербская речь звучит необыкновенно чисто и изящно, они употребляют древние формы, которые у христиан уже почти не слышны в разговоре», – замечает Гильфердинг и приводит ряд примеров¹¹⁰.

Иными словами, по мнению Гильфердинга и Раевского, не только исторические предания, память о давнем прошлом, не только стойкое соблюдение некоторых славянских народных обычаев, но и язык сербский, сохранивший старые формы, утраченные к середине XIX в., свидетельствовали о том, что мусульмане славянского происхождения в Боснии и Герцеговине во многом отличались от турок-османов, составляющих к тому же господствующий класс завоевателей югославянских народов.

Заслугой Гильфердинга, на наш взгляд, следует считать и то, что он пытался выяснить причины исламизации славянского населения Боснии и Герцеговины. При этом он исходит не только из исто-

рического фактора, каковым было многовековое османское иго, но стремится выявить социально-экономические, религиозные, культурные факторы, которые способствовали тому, что именно в этом регионе процесс исламизации охватил разные слои христианского населения города и деревни.

Гильфердинг подчеркивает, что «мирские выгоды» толкали местную славянскую аристократию, прежде всего, знатных землевладельцев, в объятия чуждой им религии. Приняв ислам, они получали право самостоятельно взимать десятину с крестьян, освобождались от подушной подати (как и вообще все мусульмане), могли служить в гвардии султана – янычарском корпусе (янычары были освобождены от военной подати), приобретать звания бегов и агав. Создавалась, таким образом, по мнению русского ученого, «аристократическая феодальная система», которая потерпела крах только после 1848 года, когда боснийско-герцеговинская мусульманская знать была уравнена в правах с турками Османской империи и упразднена система спахиев¹¹¹. Усиление власти феодалов, а также

участившийся захват янычарами новых земель ухудшали и без того бедственное положение крестьянства. Бесправные крестьяне все чаще стали переходить в ислам, чтобы как-то облегчить свою участь. То же самое можно сказать и про городскую бедноту. «Мусульманский город и деревня» составляли в Боснии и Герцеговине, по мнению Гильфердинга, «одно целое»¹¹².

Справедливо считая, что исламизация в Боснии и Герцеговине привела к еще большему политическому и культурному размежеванию славянского населения, Гильфердинг пытается разобраться и в других социальных и религиозных причинах этого процесса. Он, например, справедливо считает, что большую роль в исламизации славян в Боснии сыграло богомилство.

Богомилская ересь¹¹³ была широко распространена в Боснии и Герцеговине уже в XII столетии, хотя благодаря влиянию Венгрии и францисканских монахов католицизм уже в XIV в. одержал верх при дворе боснийских государей, и множество богомилов добровольно или по принуждению приняло католическую веру. После окончательного завоевания турками Боснии (1463 г.) и большей части Герцеговины (1465 г.) богомилство исчезло, поскольку большинство правоверных еретиков так же легко переходило в ислам, как легко другая часть их собратьев превращалась в католиков. Основой такого быстрого «перекрашивания» Гильфердинг справедливо считал стремление богомилов (особенно знатного происхождения) упорчить свое материальное положение и приобрести дополнительные привилегии, которые давал ислам. Другую причину ученый видел в сходстве дуалистических принципов ислама и дуализма богомилской ереси, что, естественно, облегчало восприятие еретиками мусульманского вероучения¹¹⁴. Если в этих посылах с Гильфердингом можно согласиться, то его вывод о том, что «мусульманство» получило к середине XIX в. преимущественное утверждение в тех областях Боснии и Герцеговины, где преобладал католицизм, и «несравненно слабее там, где христианское население принадлежит к православной вере»¹¹⁵, не подтверждается конкретными фактами.

Думается, что Гильфердинг, придерживавшийся славянофильских воззрений, слишком преувеличивал значение православия как фактора, препятствовавшего распространению ислама. Очевидно, нельзя безоговорочно принять и наблюдения Липранди 30-х годов XIX в. о том, что католики реже принимали ислам, потому что в Боснии и Герцеговине католическая церковь была очень сильной и

влиятельной и пользовалась поддержкой Рима, соседних Венгрии и Австрии: в условиях насильственной деэтнизации, проводимой турецкими властями в Боснии и Герцеговине, в ислам переходили и богомилы, и католики, и православные, хотя вопрос о количестве жителей, принадлежавших к разным конфессиям и принявших ислам до сих пор остается открытым¹¹⁶.

Для середины XIX в. была, безусловно, прогрессивной попытка рассматривать процесс исламизации славянского населения и образования мусульманского этноса не только с точки зрения конфессиональной ситуации в стране, но и с позиции учета социальных и этнических характеристик. При этом, правда, мало внимания уделялось проблеме миграций, которая значительно влияла на изменение этноконфессионального состава населения. Статистические данные об этих изменениях среди населения Боснии и Герцеговины, приводившиеся Гильфердингом и др. учеными, ими самими подвергались сомнению, так как перепись 1851-1852 гг., проведенная в Османской империи, учитывала только жителей мужского пола, а ежегодные издания францисканского ордена¹¹⁷ – только католиков. Гильфердинг, правда, пытался определить соотношение католиков и православных по разным санджакам Боснии и Герцеговины, составленное им по церковноприходским книгам, но и оно было несовершенно, хотя имело значение для дальнейшего выявления точных статистических данных¹¹⁸.

В заключение следует подчеркнуть, что всех российских ученых, писавших о Боснии и Герцеговине, привлекал феномен их политической и этнокультурной эволюции, а также постепенного формирования особого мусульманского этноса. Естественно, вопросы, касающиеся начала этого процесса, а также его этапов, требовали специальных углубленных исследований, что нельзя было требовать от российских ученых, которые были по сути дела первопроходцами и первооткрывателями до тех пор малоизученных регионов Балканского полуострова. Тем не менее, собранные ими материалы не устарели до нашего времени. К сожалению, они недостаточно используются современными историками и этнологами, изучающими своеобразие этнических и иных процессов, протекавших в этом регионе.

К вопросу об этническом самосознании словенцев

Словенские, так же, как и другие югославянские земли, имели свою специфику формирования этнического самосознания населяющего их народа – словенцев.

У словенцев к середине XIX в. были довольно устойчивы локальные этнонимы – *зилянне, голошане, прекмурцы* и др., существовало областное самосознание, закрепленное в этнонимах *краинцы, штирийцы, каринтийцы* (по названию провинций Австрийской империи), и, наконец, формировалось общесловенское самосознание, так как в тот период под влиянием целого комплекса исторических факторов словенцы разных областей и краев все сильнее ощущали себя единым народом. Эту особенность хорошо подметил П.И.Прейс. В лекции по славяноведению он обратил внимание на тот факт, что хорутане «язык свой называют словенским, себя же в отношении к немцам и итальянцам – словенами, словенцами» (немцы именуют их виндами); у них имеется «много частных, местных названий, как и множество говоров, причудливо перемежающихся в Крайне, Каринтии, Штирии»¹¹⁹.

В разделе лекции, названном «Хорутане», Прейс останавливался на тех историко-этнографических сведениях, которые показывали своеобразие этнической ситуации у словенцев. Их этническая консолидация замедлялась ранней утратой собственной государственности, огромной территориальной и языковой разобщенностью¹²⁰. В VIII в. княжество Карантания (Хорутания) было завоевано франками, а затем баварцами. Сложившееся было название *карантанцы* или *хорутане* в условиях чужеземного господства вскоре утратило свое этническое значение, а жители словенских земель стали называть себя славянами.

Лишенные в глубокой древности политической самостоятельности, раздробленные по разным провинциям Австрийской империи, словенцы с трудом противостояли насильственной ассимиляции.

В 1823 г. историк и библиограф А.Д.Чертков (1789-1858), посетивший словенские земли, писал: «Славяне Каринтии и Штирии перемешались уже совершенно с немцами, приняли их нравы, обычаи, их тяжесть, неповоротливость, их флегму, даже редко уже слышно их наречие славянское, чиновники, помещики все немцы... Да-

же те, кто знает словенский язык, говорить на нем стыдятся, а правительство делает все, чтобы уничтожить все не германское»¹²¹.

Проезжая в 1841 г. через словенские земли, И.И.Срезневский также с горечью замечал, что «немецкое влияние отражается всюду в народе, на его нравах и обычаях и образованности...»¹²². Влияние это, по мнению ученого, с одной стороны, означает подчиненность словенцев «высшему классу иного племени», чуждому по понятиям, чувствам и убеждениям, а с другой – восприятие «промышленного духа», «силы расчета», погони за прибылью. Господство немецкого и итальянского языков более всего проявляется в городах, в сельской же местности чаще всего можно услышать словенский язык. Несмотря на влияние немецкой культуры, яркая самобытность народа проявляется, считает Срезневский, во многих обычаях и особенно в языке словенцев, напоминающем «о веках невооруженно минувшей древности»¹²³.

Тот факт, что носителями этнических традиций являлись низы общества, в то время как знать утрачивала даже славянские имена, подтверждается современными исследователями¹²⁴. Крестьяне и рядовые горожане сохраняли местное славянское наречие, фольклор, специфические черты быта, что противостояло полной ассимиляции словенского населения и способствовало формированию словенской нации¹²⁵.

Многие русские, впервые посетившие словенские земли, не переставали удивляться тому, что в тяжелых условиях чужеземного гнета словенцы сохраняли свою самобытность. Поражало их и сходство словенцев с русскими. Так, Надеждин, побывав весной 1841 г. в Любляне, писал: «С раннею весною пустился я снова в путь. Из Вены отправился в Триест через Штирию и Крайну – страны, где, особенно в последней, славянская жизнь не только звучит в народном слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта. Особенно вокруг Лайбаха, по-славянски – Любляна, можно позабыться и подумать, что находишься на нашей родной Руси: так поразительно сходство Краинской ветви великого славянского семейства с русскою»¹²⁶.

Касаясь соотношения самобытного словенского элемента с немецким в языке и других областях культуры, все отечественные ученые первой половины XIX в. справедливо отмечали, что менее всего была

онемечена Крайна, так как в силу географического и исторического положения большинство ее населения составляют словенцы¹²⁷.

Эту специфику Крайны подметил в самом начале XIX в. В.Б.Броневский. В книге «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г.» он писал следующее: «Народ сей чрезмерно привязан к обычаям своим и вере; в характере его после стольких веков чужеземного ига не видно чувствительной перемены. Неприметно, чтобы австрийское правительство пеклось об их просвещении; неуважение к их обычаям и вере всегда питало взаимную недоверчивость и недоброежелательство, которые, впрочем, редко могут существовать между победителем и побежденным»¹²⁸. Другая картина представляла перед Броневским в Штирии, где «нравы и обычаи от смешения с немцами много изменились», а «язык так испорчен, что с трудом понимать их можно»¹²⁹.

И позднее русские ученые подчеркивали, что в Крайне германизация захватывала больше всего горожан, главным образом высшие сословия, крестьяне же в большинстве своем сохраняли родной язык и обычаи¹³⁰. Существование словенского языка поддерживалось и частью католического духовенства, которое вело проповеди по-словенски¹³¹, – отмечал и И.С.Аксаков, побывавший в Крайне в 1849 г.

С.Н.Палаузов, П.А.Лавровский, И.С.Аксаков, писавшие о словенцах в 50-х годах XIX в., отмечали разницу в их положении до и после революции 1848-1849 г. Они обращали внимание на двоякий процесс: с одной стороны, усиливалась насильственная германизация словенских земель, с другой, – ширился протест словенцев против инационального угнетения.

Палаузов, например, писал, что Австрийская империя выдает Штирию, Каринтию за онемечившиеся провинции, преподавание здесь ведется на немецком языке, но протест славянских народностей против насильственной германизации заставил правительство уважать язык каждого народа¹³². В статье «Трехмесячное путешествие по южным краям Австрии» в конце 50-х годов Лавровский пишет о германизации словенцев, их языка, что, по его мнению, представляет собой результат баховского абсолютизма (по имени министра внутренних дел А.Баха) или «народомертвящей политики австрийской администрации». «Особенно жесткому гонению на своих учителей (в школах и гимназиях – М.К.) подвергались несчастные словенцы, жители Крайны, Штирии, Каринтии; онемечивание в этих странах проникло уже глубоко, и правительство упорно устремляло все свои силы на то, чтобы стереть поскорее все славянское в на-

роде»¹³³. Если раньше, т.е. до 1848 г., отмечал Лавровский, среди словенцев существовало «неудовольствие в связи с отсутствием словенского языка в общественных учреждениях, то теперь власти сделали все, чтобы устранить из них остатки словенского, напоминающего о народности»¹³⁴.

И.С.Аксаков в 1849 г. и в 1860 г. проехал через все словенские провинции и познакомился со словенскими культурными деятелями – В.Клуном, Д.Трстеняком, О.Цафом, Я.Блейвейсом и др.

Как славянофил, Аксаков был убежден, что «начало римское... противоречит славянству, его демократическому духу, духу равенства и свободы»¹³⁵. В связи с этим он выражал свою неподдельную радость, когда убеждался, что в Крайне «народонаселение сплошное словенское, без примеси», а язык и обычаи «крепко славянские», в отличие от Штирии и Каринтии, где «господствует немецкий элемент». Если словенская народность умрет, то «она сама будет виновата», убеждал И.С.Аксаков. Он считал, что в эпоху пробудившегося национального самосознания должны найтись деятели культуры, которые выйдут к народу с четкой программой национального возрождения. В этом плане интересны беседы с Я.Блейвейсом. В своем дневнике Аксаков, в частности, подчеркивал, что словенские национальные деятели из числа светской интеллигенции желают вести словенский народ «к высшему народному самосознанию, и опасаются влияния Des Pfarrenthums (духовенства – М.К.) на народ... Они хорошо понимают, что католицизм – враг народности и вносит в народ начало латинское... Я особенно старался развивать эту мысль. Не только Блейвейс, но и Трстеняк и Раич со мною согласились вполне»¹³⁶. Однако мысль Аксакова о необходимости словенцам отказаться от католицизма и перейти в православие не могла иметь успеха, так как многие национальные деятели сами являлись католическими священниками, а главное – католицизм был издавна укоренившейся религией словенцев¹³⁷.

Аксаков цитировал и слова из своей беседы с Д.Трстеняком. Последний, в частности, обращал внимание русского ученого на парадоксальное явление – утверждение словенского национального самосознания, несмотря на усилившуюся германизацию: «Ведь мы уже более 800 лет под немецким управлением, и так утеснены, раздроблены в последнее время. Чудо, необъяснимое чудо, что в народе сохра-

---

нился язык, сохранились обычаи (праздники, свадьбы), что в народе есть сознание народности: он знает, что он словенец»¹³⁸.

Правильно подметил И.С.Аксаков и такое явление, как «словенизация образования»: после 1848 г. словенский язык больше проникает в народные школы, городские и сельские, хотя у словенцев нет средств для открытия культурных обществ, своих печатных органов. Аксаков открыто выражает свою мечту о создании словенской Матицы, театра. Из разговора со словенским церковным деятелем Эйншпиллером Аксаков понял, «что высшее словенское развитие ускользает из рук духовенства». В противовес ему и другим представителям клира Аксаков был уверен в том, что «разработка народного самосознания непременно подействует и на самый народ»¹³⁹. Тут мысли Аксакова были близки идеям передовых словенцев.

Итак, рано утраченная государственность, вековой инациональный гнет, политическая, культурная раздробленность привели к замедлению процесса консолидации словенцев. Важно, что российские ученые и общественные деятели, наблюдавшие один из этапов этого процесса, сумели вычленить главное, а именно – постоянную борьбу словенцев за свою независимость, государственность и самобытную культуру, вопреки всему тому, что ей мешало.

Некоторые аспекты национального возрождения югославянских народов

Не будет преувеличением сказать, что в первой половине XIX в. не было ни одной российской публикации, в которой не шла бы речь о процессе национального возрождения славянских народов. Именно в это время русские ученые и общественные деятели посещали славянские земли Австрийской и Османской империй и становились очевидцами новых бурных проявлений пробуждения их национального самосознания во всех сферах жизни – политике, культуре, литературе. Успехи зарубежных славян в области просвещения и образования, утверждение их национальных литературных языков становятся достоянием общественности других стран, вселяют уверенность в необратимость происходящих прогрессивных процессов. И.И.Срезневский не случайно писал в 1846 г., что «...вопрос о славянстве стал вопросом европейским; не вопросом моды на не-

сколько месяцев или лет, а предметом... глубокого размышления и изучения»¹⁴⁰.

Наблюдая процесс национального возрождения югославянских народов, отечественные ученые сумели выделить его основные направления, показать оформление культурных и политических программ и концепций, а также познакомить русскую общественность с деятельностью выдающихся югославянских «будителей».

Большое внимание в отечественных публикациях и архивных материалах уделяется первым росткам сербской словесности и деятельности И.Раича, Д.Обрадовича, В.Караджича и других деятелей культуры XVIII – начала XIX в.

В 1827 г. Н.Н.Полевой в журнале «Московский телеграф», обозревая новейшие произведения сербской литературы, отмечал, что «самобытность сербов с начала XIX в. должна была пробудить дух народа и образовать у них литературу гражданскую, если не народную»¹⁴¹.

П.И.Прейс подробно рассказывал в своей первой лекции, прочитанной в 1843 г. в Петербургском университете, об известных сербских просветителях. Они, указывал ученый, способствовали «пробуждению любви к знаниям, любви к народности»¹⁴². Д.Обрадович, по справедливому заключению Прейса, «произвел литературно-нравственный переворот в сербском народе», благодаря ему «народный

язык стал приобретать права гражданства», утверждаясь в литературе, школе, образовании. Заключительный этап деятельности Д.Обрадовича Прейс связывает с его пребыванием в повстанческой Сербии, где он реализует свою мечту о народных школах и народном университете.

В архиве И.В.Помяловского содержится интересный материал, озаглавленный, как «Программа чтений по кафедре истории и литературы славянских наречий. В случае нужды для Прейса». В нем содержится, в частности, оценка реформы Д.Обрадовича, сделавшего первые шаги по возведению народного языка в литературный; говорится и о противостоянии архимандрита Стратимировича «успехам народного развития», о преемственности деятельности Д.Обрадовича и В.Караджича¹⁴³.

В большинстве российских публикаций все сербское национально-литературное возрождение рассматривается сквозь призму деятельности Вука Караджича.

В 1832 г. в журнале «Телескоп» Н.И.Надеждин напечатал статью «Сербская словесность», в которой «пробуждение литературное» связывал с «пробуждением политическим», то есть с борьбой сербов против австрийского и османского господства. Он справедливо отмечал, что сербское княжество, возникшее из вековых развалин и возродившее традиции средневековой сербской государственности, превратилось в «опору политической самобытности сербов». В политическом возрождении Сербии Надеждин видел заслугу князя Милоша Обреновича, в литературном – В.Караджича. «Литературная народность, – писал он, – воссоздается под предводительством знаменитого Вука Караджича»¹⁴⁴, ее основные черты отражены в собраниях устных народных преданий, в изданиях народной поэзии. Его заслуга в этом возрождении неоценима, так как, считал Надеждин, новая сербская литература есть «живое зеркало национальности»¹⁴⁵.

Огромный резонанс в России получили все аспекты деятельности Караджича как первого сербского фольклориста, этнографа, лингвиста. И.И.Срезневский во многих своих работах высоко отзывался об этнографическом значении трудов В.Караджича. «Заслуги Вука в отношении этнографии сербской останутся навсегда незабвенны», – писал русский ученый¹⁴⁶. В частности, в рецензии на «Сербский словарь» В. Караджича Срезневский подчеркивал, что он не являлся чисто лингвистическим трудом, но ценен и своими этнографическими описаниями. «Это не только словарь языка, но до некоторой степени энциклопедический словарь» о быте, обычаях, понятиях и нравах, преданиях и суевериях сербов и частично хорватов¹⁴⁷.

В России развернулась полемика по поводу языковой реформы Караджича. Впервые с критикой лингвистической деятельности сербского «будителя» выступил Н.И.Греч. Еще в 1824 г. он опубликовал заметку в журнале «Сын отечества»¹⁴⁸, в которой осудил Вука Караджича за то, что он якобы портит древнюю славянскую азбуку введением новых букв и новой орфографии. Греч считал, что эти нововведения чужды славянам, более того, они расторгают союз сербского и русского языков, возникший в древнейшие времена благодаря принятию кириллицы.

А.Ф.Гильфердинг осуждал Караджича за то, что тот шел за Е.Копитаром, который, по мнению русского ученого, являлся агентом Ав-

стрии в славянском мире. Гильфердингу представлялось также, что Караджич своей языковой реформой оказал негативное влияние на развитие сербской письменной литературы¹⁴⁹. (В дальнейшем эта глубоко ошибочная точка зрения была развита А.С.Будиловичем, П.А.Кулаковским и др. славистами). В то же время Гильфердинг отдавал должное Караджичу. Наряду с такими деятелями, как Добровский, Коллар, Шафарик, Штур, Блейвейс, Враз, Обрадович, Караджич, писал он, является «хранителем славянской народности»¹⁵⁰.

В противоположность Гречу и Гильфердингу большинство российских ученых и писателей считали борьбу Караджича за утверждение сербского литературного языка на основе народного языка¹⁵¹ одной из форм борьбы сербского народа за свое освобождение от османской и австрийской зависимости и свою национальную культуру. Н.П.Полевой, например, в 1827 г. опубликовал в своем журнале «Московский телеграф» важные места из ответов В.Караджича Н.И.Гречу и приветствовал отказ Вука от исторически жившего себя славяносербского языка в пользу народного¹⁵².

Срезневский, много и плодотворно сотрудничавший с В.Караджичем, написал его лучшую прижизненную биографию, поместив ее в 1846 г. в «Московском литературном и ученом сборнике». В биографии он характеризует все стороны деятельности Караджича, особо останавливаясь на языковой реформе. Срезневский убежден в том, что только литературный язык, обращенный «к чистому на

родному языку» может стать важным фактором возрождения сербской литературы. В отличие от славянофильских утверждений о нарушении Вуком сербско-русских культурных традиций Срезневский считал, что народный язык сербов, введенный Караджичем в литературу, «давно уже достиг высокой степени развития»¹⁵³.

Н.Г.Чернышевский, еще будучи студентом И.И.Срезневского в Петербургском университете, интересовался историей и культурой сербского народа. В 1853 г. в журнале «Современник» Н.Г.Чернышевский выступил со статьей «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию». В ней он подчеркивал большое значение образования Сербского княжества и правления Милоша Обреновича для оживления «надежд на составление одного национального государства». В отличие от славянофилов он уповал на то, что стремление

сербов «к соединению в свободном государстве на развалинах Турецкой державы в Европе» может стать «событием, до некоторой степени приближающим эти племена к давнишней цели их пламенных желаний»¹⁵⁴. Мечтал Чернышевский и о федерации балканских народов как условия «приобретения и сохранения их свободы».

В 1857 г., в связи с появлением в русском переводе книги Леопольда Ранке «Сербская революция», Н.Г.Чернышевский писал о высоком значении Первого сербского восстания для национального и социального освобождения сербского народа от османского ига. В своей рецензии на перевод Чернышевский отмечает, что книга Л.Ранке отличается точностью и достоверностью, так как «она составлена преимущественно по рассказам знаменитого собирателя сербских песен Вука Стефановича Караджича, который сам был одним из действительнейших участников в деле освобождения Сербии от турецкого ига...»¹⁵⁵.

Многие российские ученые отмечали, что в основе национально-го возрождения югославян лежат антиавстрийские и антимадьярские настроения. Они относили его к «числу главных событий нашей эпохи»¹⁵⁶. Не случайно М.П.Погодин в 1841 г. восторженно писал о «пламенном патриотизме», охватившем югославянские земли Австрии и о Л.Гае как о душе этого направления мысли. Погодин называл Л.Гая «иллирийским Новиковым», а знаменитейшим его подвигом считал призыв к объединению всех южных славян под знаменем иллиров. Надо сказать, что, несмотря на эту оценку в статье выразилась общая реакционно-монархическая направленность взглядов Погодина, а именно, мнение о том, что австрийское правительство заслуживает полной благодарности славян¹⁵⁷.

Близкие Погодину мысли об иллиризме высказывал С.П.Шевырев. В обзоре одного из номеров журнала «Денница» за 1842 г. он пишет о деятельности Л.Гая, С.Враза, И.Мажуранича и др. писателей хорватского возрождения. Шевырев, как и Погодин, считал сильной стороной иллиризма тот факт, что высшее сословие хорватов «не слишком отделилось от своего народа». Идея народности, – продолжал Шевырев, – не испорчена у них новым космополитизмом, как у иных славян, находящихся ближе к главной точке всеобщей образованности...»¹⁵⁸.

И.Драшкович и целая плеяда хорватских общественных деятелей 30-40-х годов использовали название *иллиры*, указывал Шевырев, мечтая таким способом преодолеть локальные традиции и

сплотить не только население Триединого королевства, но и всех южных славян в культурном и государственно-политическом отношении. Об уничтожении «провинциального духа» и «областных имен», об объединении славян писал в 1839 г. и Погодин¹⁵⁹.

П.И.Прейс высоко ценил деятельность Людевита Гая, который «воспользовавшись благоприятными местными обстоятельствами в короткое время успел произвести между своими соотечественниками, хорватами, сильное движение»¹⁶⁰. «Литературно-политический переворот Л.Гая между славянскими племенами, – добавлял ученый, – литературно-религиозный отпор словаков на севере под руководством Я.Коллара, поставили в большое затруднение партию мадяров»¹⁶¹. Именно Л.Гай в 1835 году, оказавшись под влиянием идей чешских и словацких «будителей» (он учился в Вене, в Праге познакомился с Я.Колларом), решился «соединить одним языком, одною литературою племена, разделенные донныне разными вероисповеданиями, диалектами с мелкими различиями», и его идея сделалась «целью целого поколения». Будучи подкреплена изданиями журналов, открытием национального театра и народных читален в Загребе¹⁶², идея Гая упрочилась в проведенной им и его единомышленниками языковой реформе, которая выразилась в формировании общего хорватско-сербского языка, основанного на штокавском диалекте. Тем самым была осуществлена одна из центральных идей иллиризма – идея литературно-языкового единения сербов и хорватов. Завершением этого процесса явилось подписание В.Караджичем, Дж.Даничичем, И.Кукулевичем-Сакцинским, Ф.Мик-лошичем и др. в 1850 г. в Вене «Литературного соглашения».

А.И.Кошелев, который в 1857 г. провел шесть недель в славянских землях Австрии и написал об этой поездке статью, был одним из немногих, кто отмечал как одну из черт национального возрождения славянских народов сближение программных заявлений ученых и литераторов с чаяниями крестьянства, по мнению русского публициста, лучше прочих сословий, сохранявших «дух и обычаи славянские». «Этнографические поиски и описания убедили их (славянских «будителей» – М.К.), что в крестьянстве, его поверьях и нравах содержатся разгадки многого, доселе оставшегося неизъяснимым и темным в истории, и что в этом сословии еще таятся живые источники славянского единства...»¹⁶³.

В отличие от Кошелева, идеализировавшего связь славянских «будителей» и их программ с надеждами крестьянства, Ф.В.Чижов справедливо отмечал недостаточное участие народа в национальном движении иллиризма. Так, еще 25 мая 1845 г., будучи в Загребе, он записал в дневнике: «...Главное дело в том, что народ здесь, как и у нас, ровно ничего не участвует»¹⁶⁴. Однако нельзя утверждать, что Чижов дал исторически верную картину движения иллиризма. В дневнике и в письмах 40-х годов он останавливается на политической расстановке сил в Хорватии, пишет о борьбе двух партий – «иллирийской, защищающей славянский язык и требующей народности» и мадьярской, т.е. антиславянской. Однако он недостаточно ориентируется в сложной исторической ситуации в хорватских землях, и потому со славянофильских позиций критикует Л.Гая, И.Мажуранича и других то за предательство православия, то за скрытое пристрастие ко всему немецкому¹⁶⁵. Несправедливо упрекает Чижов Л.Гая за то, что он якобы исключал из своей программы всех южных славян. Деятели иллиризма и Л.Гай, напротив, выступали за национальное и культурное сближение всех южных славян, за создание Великой Иллирии – государственного объединения южнославянских народов. Но в словах Чижова о том, что Л.Гай «приписывает себе средоточие славянского света»¹⁶⁶ можно, вероятно, видеть осуждение великохорватского шовинизма, который действительно существовал в политических мечтах о Великой Иллирии.

В связи с трактовкой иллиризма в среде российских ученых возникли разные мнения о термине *иллир*. Им была хорошо известна связь южных славян с древней Иллирией и закономерность появления этнонима иллиры¹⁶⁷. Создание в эпоху Наполеона Иллирийских провинций на Адриатическом побережье вновь ввело в научный обиход этот этноним. Однако, несмотря на традиционность этого названия, Срезневский, нисколько не сомневаясь, объявил термин иллир искусственным и нежизнеспособным изобретением высших сословий¹⁶⁸; он, по мнению ученого, ни в коем случае не должен заменять этнонимы *серб* и *хорват*¹⁶⁹.

Вопрос об этнонимах *серб*, *хорват*, *иллир*, *югославянин* чрезвычайно интересовал А.Ф.Гильфердинга. В письме к одному из видных деятелей иллиризма И.Кукулевичу-Сакцинскому он сообщал о своем горячем желании написать специальную статью о «хорватско-сербском этнографическом и литературном вопросе»¹⁷⁰ и познакомить русских читателей с дискуссиями вокруг него. В связи с этим он просит хорватского коллегу ответить на следующие четыре

вопроса: «1. Какая теперешняя граница хорватов и сербов. 2. Где и когда в Боснии и Герцеговине народ называл себя хорватами... 3. Какие заглавия (tituli) книг XVI или XVII столетия, где сказано Hrvatski jezik ... 4. Когда начался спор, кто предложил имя Illiri или Jugosloveni и какие последние явления этого спора»¹⁷¹.

Мы не знаем, ответил ли Кукулевич-Сакцинский Гильфердингу, но позиция первого по многим вопросам хорошо известна. Она совпадала со взглядами других представителей иллиризма.

Идеологи хорватского национального возрождения опирались на иллирийскую теорию происхождения всех южных славян, считали их потомками древних иллирийцев. Иллиризм и югославизм был для них выражением теории единства южных славян. Объединение южных славян в едином государстве сулило хорватскому дворянству и буржуазии укрепление их политических и экономических позиций. Призывая к принятию общего этнонима *югославяне*, к сближению хорватов, сербов и словенцев, деятели хорватского национального возрождения в конечном итоге приходили к национализму, хотя и не всегда это осознавали. Панхорватизм, выросший из иллиризма и югославизма, мешал сближению югославянских народов. Поэтому многие сторонники иллиризма отказались от него¹⁷². Не нашел он поддержки и у большинства идеологов сербского и словенского национального возрождения. Словенцы ратовали за идею объединенной Словении, ибо только единое государство могло содействовать окончательной консолидации словенского народа.

Надо сказать, что российские ученые не могли разобраться во всех тонкостях и нюансах политических программ, существовавших в югославянских землях. Теория югославизма представлялась им позитивной, так как провозглашала единство югославянских народов, родственных по культуре и историческим судьбам, но разобщенных административно. П.А.Лавровский, например, будучи в Загребе в 1859 г., призывал И.Кукулевича-Сакцинского «не препираться об именах» (т.е. об этнонимах хорват, иллир и т.д.), а поддерживать идею югославизма, выраженную последним в труде «Arhiv za povijesnicu Jugoslovensku», так как в этой идее и в идее создания общего литературного языка всех хорватов и языкового сближения их с сербами, заключает Лавровский, состоит спасение славянства от раздробленности¹⁷³.

Приветствуя иллиризм как движение национального возрождения хорватов и видя в нем противодействие германизации и мадьяризации, Гильфердинг, в отличие от Лавровского, считал этнонимом *югославыне* «сугубо научным термином, не имеющим такого живого и осязательного значения»¹⁷⁴, как этноним *хорват*, который опирается на древние исторические и государственные традиции.

Большое внимание в работах российских ученых уделялось роли революции 1848-1849 гг. в процессе возрождения славян. Гильфердинг, например, писал, что в результате революции и наступления абсолютизма Баха славяне расстались со своими мечтами о равноправии и свободе. Хорватия, иронично замечает Гильфердинг, «получила в награду уничтожение восьмивековых привилегий и введение немецкого языка в администрацию, судопроизводство и школу», сербы же – Воеводину, зависимую от немецких чиновников. Гимназии и университеты стали опять чисто немецкими, немецкий язык был введен даже там, где не существовал до 1848 г.¹⁷⁵

В истории югославянских народов конец XVIII – первая половина XIX в. характеризуется как период национального возрождения и обновления. Внутри набирающего силу антифеодального освободительного движения в югославянских землях идет процесс складывания этносов нового времени. Различие социально-политических и этнических условий определяет специфику этого процесса у сербов, хорватов, словенцев, мусульман.

Несмотря на различие общественно-политических взглядов, большинство российских ученых и общественных деятелей видели в набирающем силу отпоре югославян чужеземным властям выражение их «исторического права» на свою государственность. Образование Сербского княжества они рассматривали как важный консолидирующий фактор в объединении сербов, разобщенных границами чужеземных государств. Российские ученые отмечали необратимость успехов славян в деле культурного обновления и возрождения, справедливо видели в факте формирования литературных языков, активизации деятельности в области науки, просвещения, журналистики, в издании записей фольклора ярко выраженную тенденцию к консолидации народов и утверждение их национального самосознания. Их интересовали и общие тенденции национального возрождения югославянских народов, и, главным образом, специфика процесса формирования этнического самосознания. Задачу постижения этой специфики они формулировали задолго до своих поездок в югославянские земли.

Анализ выявленных нами архивных материалов и научных трудов позволяет утверждать, что, несмотря на известную эмпиричность содержащегося в них фактического материала, они дают представление об этнокультурной ситуации в югославянских землях первой половины XIX в. Наблюдения российских ученых ни в коей мере не устарели – они открывают дальнейшую перспективу исследования сложнейших этнических процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Анализируемые в настоящей книге публикации и архивные материалы свидетельствуют, что отечественные ученые и общественные деятели рассматривали судьбу разных югославянских народов и составляющих их частей (этнических групп) не изолированно, а с учетом определенных исторических, географических, политических и иных условий. В их работах нередко присутствовали экскурсы в прошлое того или иного народа, в сущность глубинных политических и этнических процессов в югославянских землях. Уже это доказывает, что они в целом понимали длительность и сложность развития этнического самосознания населявших их народов.

Ранняя утрата югославянскими народами своей государственности, их жизнь в условиях иноземного господства, политики насильственной деэтнизации, проводимой администрацией Австрии, Венгрии и Османской империи, давность политических и языковых связей Далмации и Истрии с Италией, политическая и культурная раздробленность хорватских, словенских и сербских земель, сложная языковая ситуация, – все эти факторы, по мнению российских уче

ных, играли двоякую роль, с одной стороны, сдерживали этническую консолидацию, а с другой – ускоряли и активизировали эти процессы, способствуя национальному обновлению и возрождению.

Бесспорную ценность для современной этнологии представляют выводы российских ученых о сложной этнической структуре всего региона, где проживало хорватское население. Этническое ядро хорватов было сосредоточено на территории исторического королевства Хорватии с центром в г. Загреб; этноним *хорват* в Славонии почти не употреблялся – ее жители называли себя *славонцами*. Важным фактором было и подмеченное учеными чересполосное проживание сербов и хорватов.

Этническая территория сербов в течение весьма длительного времени входила в состав разных государств, но благодаря образо-

---

ванию Сербского княжества (1830-е годы XIX в.) и довольно прочным связям с сербскими землями Австрийской империи, этническая консолидация сербов шла несколько быстрее, чем хорватов и словенцев.

До сих пор по достоинству не оценены работы А.Ф.Гильфердинга, ставшего первым в России серьезным исследователем культуры, быта и нравов населения Боснии и Герцеговины. Именно ему принадлежит попытка выяснения этноконфессионального состава славянского населения Боснии и Герцеговины, причин его исламизации и постепенного формирования на этой территории этноконфессиональной общности – *мусульман*.

Материалы, представленные в трудах российских ученых и их архивных фондах положили начало изучению в России многих важных вопросов, связанных с этнографическим изучением целого региона на Балканском полуострове. Естественно, что многие вопросы остались вне поля их зрения: развитие этнографической науки как таковой только еще начиналось. Такие проблемы, как происхождение и время возникновения отдельных югославянских народов и других видов этнических общностей, их историческая трансформация, влияние миграционных процессов и связей с соседними народами на специфику этнического развития в различных регионах, роль отдельных диалектов в создании национальных литературных языков и др. были только затронуты. Однако то позитивное, что сделали российские ученые и общественные деятели в изучении этнических процессов в югославянских землях, неизмеримо превосходит пробелы в их научной и популяризаторской деятельности.

¹ *Гильфердинг А.Ф.* Развитие народности у западных славян // Соч. Т.2. СПб., 1868. С. 84.

² Славянская этнография П.Шафарика. Перевод О.М.Бодянского. М., 1843. С. 50.

³ О *безьяках* см.: РГАЛИ. Ф.436 (*Срезневский И.И.*). Оп.1. Ед. хр.510. Л.2; Донесение адъюнкта Срезневского Министру народного просвещения из Загреба от 2(15) августа 1841 г. // ЖМНП. СПб., 1842. Ч.33. № 1. С. 15.

⁴ О *загорцах* см.: РГАЛИ. Ф.436. Оп.1. Ед. хр.1043. Л.62; *Козьменко И.В.* Дневник Ф.В.Чижова «Путешествие по славянским землям в 1845 г.» // Славянский архив. М., 1958. С. 161.

⁵ Интересно, что П.И. Кеппен в 1822 г. отмечал этническую группу влахов – карашайцев (или карашцев, ведущих название от р.Караша), живущих в Воеводине и говорящих на «смешанном славяно-волошском языке». – ПФ ААН. Ф.30 (*Кеппен П.И.*). Оп.1.Ед. хр.137. Л.71.

- ⁶ **Мартынова М.Ю.** Некоторые особенности этнической истории хорватов. (О контактах с римской культурой) // Романия и Барбария. М., 1989. С.96-115.
- ⁷ **Броневский В.Б.** Письма морского офицера... М., 1826. Ч.II. С. 208.
- ⁸ **Прейс П.И.** О волохах Нестора // ЖМНП. СПб., 1837. № 5. С. 213-235. Ср.: **Майков А.А.** История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. М., 1857. С.161.
- ⁹ **Мартынова М.Ю.** Некоторые особенности этнической истории хорватов... С.108.
- ¹⁰ Пф ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.1. Ед. хр.97. Л.4. Ед. хр.264/6. Л.130. По мнению Прейса, *влахи* на островах Адриатики назывались *бодулами* или *морлаками*. – Пф ААН. Ф.106. Оп.1. Ед. хр.97. Л.1. То же самое в XX в. отмечал известный югославский историк, этнограф, археолог Йован Цвиич (1865-1927). См.: **Цвијић Ј.** Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1987. С. 394.
- ¹¹ **Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки о славянских землях. Собр. соч. Т.4. СПб., 1872. С. 279.
- ¹² Там же. С.280; Аналогичное объяснение находим у **Елагина В.А.** – ОР РГБ. Ф.99. Карт. 1. Ед. хр. 4/1. Л.18; **Елагин В.А.** (1818-1879) – славист, ученик Бодянского, был в югославянских землях в 1843 г.
- ¹³ **Цвијић Ј.** Балканско полуострво... С.172
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф.436 (**Срезневский И.И.**). Оп.I. Ед. хр.21. Л.1. Ед. хр.41.Л.41. Ед. хр. 69. Л.1, 1 об.
- ¹⁵ Там же. Ед. хр.69. Л.1 об.
- ¹⁶ Пф ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.I. Ед. хр.7. Л.41. Ед. хр.262. Л.I, 30.
- ¹⁷ См.: **Мартынова М.Ю.** Хорваты. Этническая история XVIII-XIX вв. М., 1988. С. 44-46.
- ¹⁸ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей. Одесса, 1842. Перевод отрывков из этой книги на серб. язык с комментарием был сделан С. Новаковичем // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1907. Књ. XXVI. № 1. О значении этой книги для русской общественности см.: **Срезневский И.И.** Рец. на книгу «Род Княжевичей» // Денница. Варшава, 1843. Ч.1-3.
- ¹⁹ К книге приложена карта части Военной Границы – первая в России подробная политико-административная карта этого региона.
- ²⁰ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С. 86. Ср. о *буневцах*: Письмо О.М.Бодянского к Станко Вразу в Загреб (1844) // ЖС. СПб., 1895. Вып. I. Год. 5. С. 54.

-
- ²¹ Надеждин пишет: «От рода Княжевичей происходят большей частью и нынешние жители селения Буничи. Между тем буничане до сих пор почти все православные. Во всей роте Буничской на 3.449 православных считается только 191 католик». – **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С. 86.
- ²² **Срезневский И.И.** Жумборские ускоки // Денница. Варшава, 1843. Ч. I-3. С.102-119. В этом очерке содержится характеристика физического склада, хозяйства, общественного и семейного устройства, религии, одежды ускоков.
- ²³ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С. 97-98.
- ²⁴ **Надеждин Н.И.** Георгий Черный по рассказам очевидцев (1847) // РБ. М., 1858. Т.IV. Кн.12. С. 24.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Ср.: **Цвијић Ј.** Балканско полуострво... С.57-58.
- ²⁷ **Броневский В.** Записки морского офицера... СПб., 1818-1819. Ч.I. С.221-223.
- ²⁸ **Панов В.А.** Путешествие по землям западных и южных славян. Ч.I. Которский округ в Далмации. М., 1844. В рец. на этот труд (ж. Современник. СПб., 1844. Т.36. С.225) указывается, что «читатели достойно оценят его труд, представляющий сочинение любопытное по множеству и верности фактов». Вторая часть книги Панова – «Путешествие по Герцеговине» по неизвестным нам обстоятельствам опубликована не была. Архив Панова не сохранился.
- ²⁹ **Панов В.А.** Путешествие по землям... С.16. Ср.: **Караџић В.** Црна Гора и Бока Которска. (Впервые напечатана в 1837 г.). Београд, 1922. С. 8,9.
- ³⁰ **Панов В.А.** Путешествие по землям... С.16.
- ³¹ **Успенский Константин Александрович** (в монашестве Порфирий) (1804-1888) – археограф, палеограф, историк православной церкви, церковный деятель, был в 1841-42 гг. настоятелем русской посольской церкви в Вене. Занимаясь исследованием славянских древностей, совершил в 1842 г. поездку по Далмации. Свои впечатления изложил в ч.I книги «Книга бытия моего». СПб., 1894.
- ³² **Порфирий (Успенский К.А.).** Книга бытия моего. СПб., 1894. Т. I. С. 87-88. Пф ААН. Ф.118. (**Успенский К.А.**). Оп. I. Ед. хр.79. Л. 48-51. **Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки... С. 303-308.
- ³³ **Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки... С. 300, 303.
- ³⁴ **Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки... С.304, 305. Ср.: **Мармье К.** Из Парижа в Черногорье // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т.125. № 5,6. С.102. – «Страннее всего, – пишет Мармье, – противоположность этих древних костюмов на пространстве в несколько миль».

- ³⁵ См. об этом: **Чистов К.В.** Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3. С. 79.
- ³⁶ **Срезневский И.И.** Песня черногорцев перойских // Изв. ОРЯС. СПб., 1853. Т. II. С. 243.
- ³⁷ См. об этом: РГАЛИ. Ф. 436. Оп. I. Ед. хр. 1049. Л. 1-13 (Письма Срезневского к Караджичу от июля-августа 1842 г.).
- ³⁸ **Срезневский И.И.** Песня черногорцев перойских... С. 243. Ср.: о перойцах РГАЛИ. Ф. 436 (**Срезневский И.И.**). Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 2 об; Письма к В. Ганке... С. 980; **Чижов Ф.В.** Письмо к Н.М. Языкову // Современник. СПб., 1846. Т. 43. С. 260.
- ³⁹ **Срезневский И.И.** Донесение адъюнкта Срезневского из Загреба... С. 14.
- ⁴⁰ Там же. С. 16.
- ⁴¹ Письма к В. Ганке... (письма И.И. Срезневского). С. 961.
- ⁴² **Срезневский И.И.** Хорутанская песня из Зильской долины // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1852-1865. Тетр. 2. С. 125-128.
- ⁴³ Об этом см. в III главе книги.
- ⁴⁴ **Срезневский И.И.** Донесение адъюнкта Срезневского из Загреба... С. 16. Ср.: **Клун В.** Словенцы // РБ. М., 1857. Т. 3. С. 86. ПФ ААН. Ф. 106 (**Преис П.И.**). Оп. I. Ед. хр. 264/6. Л. 43; Ед. хр. 262. Л. 18.
- ⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 436 (**И.И. Срезневский**). Оп. I. Ед. хр. 20, 689.
- ⁴⁶ **Срезневский И.И.** Резьяне и словины // Москвитянин. М., 1844. Ч. 5, № 9. Впоследствии все заметки о венецианских словенцах Срезневский переиздал в книге «Фриульские славяне». СПб., 1878. Историк Чертков А.Д., побывавший во Фриуле в 1823 г. приводил данные численности резьян и словинов: «всего их не более 20.000, в том числе в долине Резии около 3.000.» – ОПИ ГИМ. Ф. 445 (**Чертков А.Д.**). Ед. хр. 314. Л. 25.
- ⁴⁷ Письма к В. Ганке... (письма **Срезневского И.И.**). С. 971-976.
- ⁴⁸ В фонде Срезневского (РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1932. Л. 8-10) хранятся акварельные зарисовки народного костюма резьян и словинов.
- ⁴⁹ **Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.** Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 86. Подробнее о задруге у словинов см. главу III.
- ⁵⁰ **Срезневский И.И.** Фриульские славяне. СПб., 1881. С. 18-20, 23-25.
- ⁵¹ РГАЛИ. Ф. 436 (**Срезневский И.И.**). Оп. I. Ед. хр. 689. Л. I.
- ⁵² Там же. Ед. хр. 692.
- ⁵³ **Ягич И.В.** Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897. С. XX.

-
- ⁵⁴ **Шафарик П.-Й.** О резьянах и фурланских словинах // Денница. Варшава, 1842. № 9 (май). С. 109-113.
- ⁵⁵ Этнос и субэтнос. Дискуссия по статье М.В.Крюкова // Расы и народы. М., 1988. Т.18. С. 22-64.
- ⁵⁶ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса // ЖС. СПб., 1898. Вып.3-4. Год.8. С. 345.
- ⁵⁷ Там же. С. 346-347.
- ⁵⁸ ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.1. Ед. хр.7. Л.40.
- ⁵⁹ Там же. Л.41. См.также: **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С.50-51.
- ⁶⁰ См., например: РГАЛИ. Ф.436. Оп.1. Ед. хр. 21. Л. 1; Ед. хр. 44. Л. 6; Ед. хр.69. Л.2, 2 об; Ед. хр. 70. Л.2..
- ⁶¹ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса. Найденные в бумагах П.И.Прейса черновые заметки И.И.Срезневского относительно вопросов, частью вошедших в написанную П.И.Прейсом программу изучения сербохорватских земель в Австро-Венгрии // ЖС. СПб., 1898. Вып.3-4. С. 364.
- ⁶² РГАЛИ.Ф.436 . Оп.1. Ед. хр.18-22, 26-31, 36-42, 48-51, 474 б, 495, 506 а, 510, 688, 689, 694, 777 и др.
- ⁶³ **Мартынова М.Ю.** Хорваты... М., 1979; **Акимова О.А.** Развитие этнического самосознания хорватов в XII-XIV вв.; **Литаверин Г.Г., Иванов В.В.** Некоторые общие наблюдения // Этническое самосознание славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1986.
- ⁶⁴ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С. 52-53. Ср.: **Кеппен П.И.** Дневник пути по Славонии. – ПФ ААН. Ф.30 (**Кеппен П.И.**). Оп.1. Ед. хр.137. Л. 72.
- ⁶⁵ **Лаверовский П.А.** Трехмесячное путешествие по южным краям Австрии // Русское слово. СПб., 1861. № 1.
- ⁶⁶ **Лаверовский П.А.** Трехмесячное путешествие... С.12. О тождестве серб – православный см. также в этой же статье: **Лаверовский П.А.** Трехмесячное путешествие... // Русское слово. СПб., 1860. № 5. С. 97.
- ⁶⁷ ОР ГПБ. Ф.588 (**Погодин М.П.**). Ед. хр.50. Л.16. Ср.: **Новаковић Ст.** Из српске историје. Нови Сад – Београд, 1966. С.61, 91, 94. Подробно об истоках хорватского вопроса в истории разделения сербов и хорватов см. рец. Гильфердинга А.Ф. на книгу «Историческое право хорватского народа» неизвестного хорватского автора, вышедшую в Париже в 1859 г. с предисловием Л.Дюка // РБ. М., 1860. Т.1. Кн.19. С. 8-14.
- ⁶⁸ Письма О.М. Бодянского Станко Вразу из Москвы. 13 июля 1844 г. // ЖС. СПб., 1895. Вып.1. Год.V. С. 53.
- ⁶⁹ См., нп., **Фрейдзон В.И.** Об особенностях формирования наций в хорватских землях // ССл. 1969. № 4. С. 60.
- ⁷⁰ Ср. : **Бромлей Ю.В.** Очерки теории этноса. М., 1983. С.191.
- ⁷¹ ОР РГБ. Ф.332 (**Чижов Ф.В.**). П.2. № 1. Л.52.

- ⁷² **Петкович К.** Исторический очерк сербской православной церкви в Рагузе // РБ. М., 1859. Т.3. Кн.15. С.12.
- ⁷³ **Чижов Ф.В.** Заметки путешественника по славянским странам (1843-1844) // РБ. М., 1857. Ч.2. Кн.6. С.18-19.
- ⁷⁴ Там же. С.19.
- ⁷⁵ **Иван Сергеевич Аксаков** в его письмах... М., 1892. Т.3. Ч.1. С.438 (Письмо от 26.V.1860). С. 454.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ОР РГБ. Ф.332 (**Чижов Ф.В.**). П.85. № 5. Л.36 об. (Письма к матери Чижовой Ульяне Дмитриевне и сестрам Ольге и Елене Чижовым. 1841-1847). См. также: Письмо А.Е. Сученкова к М.Ф. Раевскому от 1858 г. // Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 419-420.
- ⁷⁸ **Погодин М.П.** Собр.соч. Т.IV. М., 1874. С. 51.
- ⁷⁹ **Ковалевский Е.П.** Соч. Т.4. СПб., 1872. С. 274.
- ⁸⁰ **Чижов Ф.В.** Заметки путешественника по славянским землям // РБ. М., 1857. Ч.1. Кн.5. С. 33.
- ⁸¹ Там же. С. 35. О языке в Истрии см. также: РГАЛИ. Ф.436. Оп.1. Ед. хр.69. Л.2.об.
- ⁸² **Срезневский И.И.** Письма к В. Ганке... С.979, 991, 1012; **Лавровский П.А.** Трехмесячное путешествие... // Русское слово. СПб., 1861. № 1. С. 20, 21.
- ⁸³ **Срезневский И.И.** Письма к В.Ганке... С. 991.
- ⁸⁴ Там же. С. 989; **Лавровский П.А.** Трехмесячное путешествие... С. 20, 21.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ **Сухомлинов М.** Заметки о современном настроении сербов, хорватов и русинов // Русский вестник. М., 1859. Т.23. № 9-10. С. 242
- ⁸⁷ **Сухомлинов М.** Заметки о современном... С. 240.
- ⁸⁸ **Козьменко И.В.** Дневник Чижова Ф.В. «Путешествие по славянским землям. 1845 г...» С. 239-240.
- ⁸⁹ **Лавровский П.А.** Трехмесячное путешествие... // Русское слово. СПб., 1860. Ч.II. № 6. С.120.
- ⁹⁰ **Ригельман Н.** Письма Н.Ригельмана из Вены // Московский литературный и ученый сборник. М., 1847. С.220. См. также **Раевский А.Ф.** Дневник за I-XII 1849 г. – ОПИ ГИМ. Ф.347. Щ-634. Ед. хр.1. Л.10.
- ⁹¹ Славянские земли Турции и Австрии в 1859 г. // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т.158. № 3. С. 10.
- ⁹² РГВИА. Ф.439. Ед. хр.4. Л.31-32.
- ⁹³ РГИА. Ф.673. Ед. хр.248; ОР РГБ. Ф.224. Ед. хр. 5.

-
- ⁹⁴ РГИА. Ф.673. Ед. хр.248. Л.1. Правда, в других заметках Липранди пишет, что население Боснии составляет 850 тыс. душ мужского пола (очевидно, он приводит здесь данные турецкой переписи). См. РГИА. Ф.673. Ед. хр.172. Л.91. Если учесть статистические данные на 70-е гг. XIX в., когда среди населения Боснийского вилайета мусульмане составляли 48,9%, то можно предположить, что Липранди был прав, приводя такие данные. См.: **Пејановић Ђ.** Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1965. С. 74.
- ⁹⁵ РГИА.Ф.673. Ед. хр. 248. Л.3.
- ⁹⁶ Там же. Ед. хр.172. Л.91.
- ⁹⁷ **Старчевский А.** Исторические и географические замечания о Боснии // ЖМНП. СПб., 1844. Ч.44. № 10-12; **Раевский М.Ф.** Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП. СПб., 1850. Ч.67. № 7; его же. Земли Турции и Австрии // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т.158; **Ушинский К.Д.** Сведения о современном состоянии Европейской Турции // Современник. СПб., 1854. Ч.44. № 4.
- ⁹⁸ **Solovjev A.** Nestanak bogumilstva i islamizacija u Bosni // Godišnjak istorijskog društva Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1949; **Hadžijanić M.** Od tradicije do identiteta. Sarajevo, 1974; Savetovanje o istoriografiji Bosne i Hercegovine (1945-1982). Sarajevo, 1983.
- ⁹⁹ О различных точках зрения на время возникновения этнонима *бошняк* и этнообразующем значении в Боснии такого фактора, как религиозная специфика страны – богомилство и патаренство см. статьи: **Наумов Е.П.** Процессы развития этнического самосознания в Сербии в XII-XIV вв.; **Толстой Н.И.** Этническое и культурное самосознание в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII-XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- ¹⁰⁰ Многие российские ученые XIX в. считали сербов и хорватов частями одного целого, одного племени. Исходя из этого, а также из единого для сербов и хорватов литературного языка, они нередко писали о «сербском племени», объединявшем якобы сербов и хорватов, о «сербохорватской» культуре и литературе. Хотя в то же время в своих трудах писали о самобытности сербского и хорватского народов, отмечали их глубокие различия.
- ¹⁰¹ **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1858 года // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. ЗРГО. СПб., 1859. Т. 13. С. 416.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ **Гильфердинг А.Ф.** Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859. С. 291. Поясняя, почему вместо термина *хорваты* он употребляет термин *католики*, Гильфердинг в дальнейшем писал о том, что в Боснии и Герцеговине славяне-католики,

«окруженные большинством православных сербов и почти утратившие сами чувство народности, забыли это имя (хорваты – М.К.) и стали именоваться исключительно... латинами». См.: **Гильфердинг А.Ф.** Историческое право хорватского народа. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868. С.163.

¹⁰⁴ **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1858 года... С. 413.

¹⁰⁵ Там же. С. 430.

¹⁰⁶ Там же. С.419. См. также: **Ушинский К.Д.** Сведения о современном состоянии Европейской Турции // Современник. СПб., 1854. Ч. 44. № 4. С.174-176.

¹⁰⁷ **Гильфердинг А.Ф.** Православие у южных славян. Собр. соч. Т.2. СПб., 1868. С.189.

¹⁰⁸ **Раевский М.Ф.** Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП. СПб., 1850. Ч.67. № 7. С.107. См. также его статью: Земли Турции и Австрии // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т.158. С.15.

¹⁰⁹ **Старчевский А.** Исторические и географические замечания о Боснии... С.119-120; **Раевский М.Ф.** Краткий очерк Герцеговины... С.103; **Ушинский К.Д.** Сведения о современном состоянии Европейской Турции... С.174-176.

¹¹⁰ **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1858 года... С.430.

¹¹¹ Спахии – члены конного корпуса регулярной турецкой армии. В Боснии и Герцеговине спахиями назывались феодалы – военные ленники. Система спахий полностью была ликвидирована лишь в 1851 г.

¹¹² **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1858 года... С. 417.

¹¹³ Ср.: **Solovijev A.** Nestanak bogumilstva...; Богомилството на Балканот во светлината на најновите истражувања. Скопје, 1982; Богомилское движение на Балканах, носившее противочерковный и антифеодальный характер привлекало внимание российских ученых. Так, П.И.Прейс в 40-х гг. написал диссертацию о богомилстве в Болгарии и Боснии, но не успел ее защитить. К сожалению, эта работа бесследно пропала из архива Прейса.

¹¹⁴ **Гильфердинг А.Ф.** Православие у южных славян. Собр. соч. Т.2. СПб., 1868. С.193.

¹¹⁵ Там же. С.193, 194. Историк и филолог А.А.Майков (1826-1902), опубликовавший в 1857 г. фундаментальный труд «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа», также останавливается на некоторых факторах, которые способствовали принятию ислама в Боснии и Герцеговине. Он обращает внимание на тот факт, что постоянная вражда в этих землях православных, богомилов, католиков «роз-

---

нила нравственные силы народа, ослабляла духовенство – мешало основанию монастырей» (С.288). Это, считает Майков, способствовало «отуречиванию» и принятию ислама. Как и Гильфердинг, Майков справедливо считает, что в Герцеговине этот процесс шел медленнее – здесь больше поддерживалось православие – сказывалась близость православной Черногории.

¹¹⁶ См.: **Fine John V.A.** Zaključci mojih poslednjih istraživanja o pitanju bosanske crkve // Богомилството на Балканот во светлината на најновите истражувања... С. 127-133.

¹¹⁷ См. Schematismus almae missinariae proviciae Bosnae. Argentinae ordinis Fratrum Minorum S.P.Francisci (1855).

¹¹⁸ **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1858 года... С. 403-408.

¹¹⁹ ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.1. Ед. хр.7. Л.43. Прейс отмечал, что «...страны, где господствует наречие хорутанское, должны особенно обратить на себя внимание путешественного... Труды Копитара и других сделали это наречие чрезвычайно важным в отношении историческом и филологическом». – Одобренный Востоковым план путешествия по заграничным славянским землям // ЖС. СПб., 1890. Вып.2. С.125.

¹²⁰ ПФ ААН. Ф.106 .Оп.1. Ед. хр.7. Л.43.

¹²¹ ОПИ ГИМ. Ф.445 (**Чертков А.Д.**). Ед. хр. 303. Л. 245. Журнал заграничных путешествий. Ч.2. 1823-1825.

¹²² Письма к В. Ганке... (письма **Срезневского И.И.**). С.97.

¹²³ Там же. С.99. Срезневский много писал о языковой раздробленности словенцев, заметив, что «местные простонародные особенности наречий не могут

вредить, а, напротив, должны быть полезны для образования общего литературного языка». – Письма к В. Ганке... С.959.

¹²⁴ **Kolarič R.** Periodizacija razvoja slovenskega jezika // Slavistična Revija. Ljubljana, 1958; **Kos M.** Kolonizacija in populacija // Gospodarska in druž zgodovina. Ljubljana, 1970.

¹²⁵ **Иванов В.В., Литаврин Г.Г.** Некоторые общие замечания // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С.332.

¹²⁶ **Надеждин Н.И.** Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. СПб. 1842. Ч.34. № 6. С.91. Это же Надеждин подчеркивал и в своем отчете, в котором указывал на близость многих элементов в строительстве изб у украинцев и словенцев. – Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т.1. С.546.

¹²⁷ См., нп., **Палаузов С.Н.** Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии // Русское слово. СПб., 1861. № 4. С. 39.

- ¹²⁸ **Броневский В.** Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году. М., 1828. Ч.1. С. 30.
- ¹²⁹ Там же. С. 53-54.
- ¹³⁰ **Срезневский И.И.** Юго-западные славяне // ВРГО. СПб., 1856. Ч.18. Кн.5-6.
- ¹³¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Письма 1851-1860 гг. М., 1892.. Т.III. Ч.1. С.116.
- ¹³² **Палаузов С.Н.** Австрия со времени революции 1848 г. // Русское слово. СПб. 1859. Ч.1. № 11-12.
- ¹³³ **Лауровский П.А.** Трехмесячное путешествие... // Русское слово. СПб., 1860. № 6. С.109.
- ¹³⁴ Там же // Русское слово. СПб., 1861. № 1. С. 26.
- ¹³⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах... С. 113, 116.
- ¹³⁶ Там же. С.115.
- ¹³⁷ **Чуркина И.И.** Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 150.
- ¹³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах... С. 108-109.
- ¹³⁹ Там же. С.118.
- ¹⁴⁰ **Срезневский И.И.** Литературное оживление западных славян // Современник. СПб., 1846. № 6. С. 313-314.
- ¹⁴¹ **Полевой Н.П.** Рец. на «Даницу» – альманах на 1826 г., издаваемый В.Караджичем в Вене // Московский телеграф. М., 1827. Ч.13. № 2. С.137.
- ¹⁴² **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса // ЖС. СПб., 1898. Год 8. Вып.3, 4. С. 370.
- ¹⁴³ ОР ГПБ. Ф.608 (**Помяловский И.В.**). Оп.1. Ед. хр. 3370. Л.2.
- ¹⁴⁴ **Надеждин Н.И.** Сербская словесность // Телескоп. М.,1832. Ч.9. Кн.12. С. 505.
- ¹⁴⁵ Там же. Ср.: **Прейс П.И.** О эпической народной поэзии сербов // ЖМНП. СПб., 1845. Кн.3. С.83-100. Подробно о связях Н.И.Надеждина с В.Караджичем см.: **Добрашинович Г.** Вук и Николај Иванович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX в. Нови Сад, 1980.
- ¹⁴⁶ **Срезневский И.И.** Вук Стефанович Караджич. Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С.350. Впервые эта работа была напечатана в Московском ученом и литературном сборнике. М., 1846. С. 339-369.

-
- ¹⁴⁷ **Срезневский И.И.** Рец. на «Сербский словарь» В.Караджича // Известия Императорской АН. СПб., 1852. Т.1. С.132.
- ¹⁴⁸ **Греч Н.И.** Известие о новой книге. Рец. на книгу «Народные сербские песни» в 3-х т. // СО. СПб., 1824. № 26. С. 241-249.
- ¹⁴⁹ **Гильфердинг А.Ф.** Развитие народности у западных славян. Собр. соч. Т.2. СПб., 1868. С. 80, 81.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 62.
- ¹⁵¹ **Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.** Из истории русско-югославянских литературных связей. Л., 1975. С.133-136.
- ¹⁵² **Полевой Н.П.** Рец. на «Даницу» – альманах на 1826 г., издаваемый В.Караджичем в Вене на серб. яз... С.137-150.
- ¹⁵³ **Срезневский И.И.** Вук Стефанович Караджич. Очерк биографический и библиографический // Московский ученый и литературный сборник. М., 1846. С. 339.
- ¹⁵⁴ **Чернышевский Н.Г., Обручев В.А.** Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию // Современник. СПб., 1859. Т.74. № 3. С.104; **Гольберг М.Я.** Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в. // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1964.
- ¹⁵⁵ **Чернышевский Н.Г.** Рец. на книгу: Ранке Л. История Сербии по сербским источникам. ПСС в 10 томах. Т.3. СПб., 1906. С.104.
- ¹⁵⁶ **Шевырев С.П.** Обзор журнала «Денница». Варшава, 1842 // Москвитянин. М., 1842. Ч.5. № 9.
- ¹⁵⁷ **Погодин М.П.** Предисловие к переводу статьи г.Пельта «Славянские племена» // Москвитянин. М., 1841. Ч.1. № 2.
- ¹⁵⁸ **Шевырев С.П.** Обзор журнала «Денница»... С. 173-174.
- ¹⁵⁹ **Погодин М.П.** Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М.П.Погодина. М., 1844. Ч.1. С. 174-176.
- ¹⁶⁰ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса. Первая лекция П.И.Прейса (24 сентября. 1842 г.) // ЖС. СПб., 1898. Вып. III, IV. Год. 8. С. 379.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² **Срезневский И.И.** Письма к В.Ганке... С.968-969. Будучи в Загребе, Срезневский и Прейс с неодобрением наблюдали спор Л.Гая со С.Вразом в связи с намерением последнего начать новое литературное издание. Прейс приложил немало усилий для того, чтобы убедить Гая в целесообразности издания журнала «Коло». – См.: **Лещиловская И.И.** Иллиризм. М., 1968. С. 304.
- ¹⁶³ **Кошелев А.И.** Шесть недель в австрийских славянских землях // РБ. М., 1857. Т.IV. Кн.8. С.17.
- ¹⁶⁴ **Козьменко И.В.** Дневник Ф.В.Чижова «Путешествие по славянским землям»... С.142.

¹⁶⁵ ОР РГБ.Ф.111 (**Ивановы**) Карт.7. Ед. хр.41. Л.16 (письмо Ф.В.Чижова к А.А.Иванову от мая 1845 г.)

¹⁶⁶ **Козьменко И.В.** Дневник Ф.В.Чижова «Путешествие по славянским землям»... С.145.

¹⁶⁷ **Погодин М.П.** Год в чужих краях... Ч.1. С.173; **Венелин Ю.И.** Древние и нынешние болгары. Историко-критические изыскания. Словене. М., 1841. Т.2. С. 43.

¹⁶⁸ **Срезневский И.И.** Письма к В.Ганке... С.966. – Срезневский отмечал, что *иллиркой* называла себя дочь помещицы из хорватского Загорья.

¹⁶⁹ Письма к В. Ганке... С. 1012, 1013.

¹⁷⁰ Письма А.Ф. Гильфердинга к И. Кукулевичу-Сакцинскому // ЖС. СПб., 1894. Год.4. Вып.2. С.182.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² **Лещиловская И.И.** Иллиризм... С. 112-113, 122.

¹⁷³ **Лавровский П.А.** Письмо к редактору (Срезневскому) о южных славянах // Сб. ОРЯС. СПб., 1859-1860. Т.8. С.404-407.

¹⁷⁴ **Гильфердинг А.Ф.** Славянские народности в Австро-Венгрии и Турции. Собр. соч. Т.2. СПб., 1868. С. 82.

¹⁷⁵ Там же. С. 93, 94.

Российские источники первой половины XIX в. об общественном и семейном быте югославян

Особенности общественных и семейных отношений у югославянских народов

Как мы уже указывали выше, вопросам брачно-семейной и общественной жизни югославян отводилось значительное место в работах отечественных исследователей первой половины XIX в.

Особенно большой интерес вызывала Черногория. Она привлекала внимание общественности России как фактически единственный непокоренный уголок на Балканах, оплот свободы и независимости югославянских народов. Начиная с XVIII в., Черногория играла значительную роль в балканской политике России, ей оказывалась дипломатическая поддержка и материальная помощь, укреплялись политические и культурные русско-черногорские связи¹.

Отечественных ученых и путешественников, попадавших в эту страну, поражало не только вольнолюбие и мужество ее жителей, но и своеобразие общественного и семейного быта черногорцев, присутствие и в XIX в. пережитков родоплеменных отношений. Сведения об этих самобытных чертах жизни, содержащиеся в донесениях, заметках, дневниках и книгах

российских первооткрывателей Черногории, представляют огромный интерес и для современной этнологии. Естественно, что до конца понять и раскрыть суть таких общественных институтов, как племя, род, братство, сложная² и простая семья, многие российские путешественники и ученые еще не могли. Сказывался не только уровень этнографических знаний, но и скудость знаний о малодоступной стране, находившейся в состоянии постоянной войны против османских завоевателей. Кроме того, многие из них попадали в Черногорию ненадолго и без соответствующей подготовки. Поэтому мы находим в записках и дневниках, относящихся к началу XIX в. больше сведений о свободолюбии и храбрости черногорцев, суровой красоте их страны, чем о сложной структуре родоплеменных отношений (такой же акцент делается и в статьях, помещенных в российских журналах начала XIX в.)³. Исключение представляло донесение русского дипломата Степана Андреевича Санковского А.А.Чарторыскому. В 1805 г. Санковский был направлен в Черногорию в качестве специального представителя Александра I. В цель его поездки входило укрепление дружеских контактов с митрополитом Петром I Негошем, а также подготовка из местного населения отрядов черногорского войска для отпора наполеоновской армии в случае ее высадки на побережье Адриатики. Показательно, что в своем донесении, среди прочих сведений об управлении Черногории, численности округов (нахий) и др. Санковский сообщал следующее: «Вся Черногория разделена на нахии или провинции, а каждая нахия на пять, восемь и более племен или княжин, а сии на многие братства, или однофамильцев, которые заключают в себе почти такое же число селений»⁴. Сведения Санковского, относящиеся к общественному устройству Черногории начала XIX в., представляли ценность, но они, к сожалению, были опубликованы только в наше время.

Тем большую значимость для своего времени имела книга Е.П.Ковалевского «Четыре месяца в Черногории», изданная в 1841 г. В предисловии к книге автор выражает свое удовлетворение тем, что ему удалось проникнуть в самые отдаленные уголки этой страны, которая «и теперь на географических картах носит чуждое ей имя Турецкой Албании»⁵. Действительно, вслед за Броневским, Ковалевский был одним из российских первооткрывателей малоизвестной на Западе и в России Черногории и ее

народа. Его книга возникла на основе личных впечатлений от путешествия в 1838 г. по этой стране.

С первых ее страниц перед читателем возникает образ государства с уникальным строем жизни и управления. Возглавляет Черногорию митрополит, он же военачальник и судья, «связанный этим тройственным союзом со своим народом»⁶. Личность владыки неприкосновенна и высокочтима. Не было случая, подчеркивает Ковалевский, чтобы черногорец нанес ему оскорбление, не говоря уже о посягательстве на жизнь⁷. Сохраняются нормы обычного права – власть митрополита ограничена «только общим мнением и обычаями предков, которые чтутся как закон и исполняются точнее и неперменнее закона письменного»⁸. Звание сердаря нахии – начальника округа – продолжает оставаться наследственным, и очень редко неспособный сердарь заменяется другим из его же рода. Сердарь разрешает жалобы, примиряет ссоры и предупреждает кровомщение своих сограждан. Черногорец волен, замечает Ковалевский, обратиться за справедливостью не только к сердарю, но и к любому старейшине или воеводе; при этом приговор исполняется так же, как если бы его вынес сам сердарь⁹.

Глубокой патриархальностью отличались семейные отношения черногорцев. Во главе простой (инокосной) семьи, доминировавшей в то время в Черногории, стоит мужчина. Авторитет его как главы семьи непререкаем, но и женская честь, достоинство, неприкосновенность, по мнению Ковалевского, священны. Во время битвы двух племен черногорские женщины охраняются древним обычаем: «никогда рука грабителя, никогда слово соблазна не коснется их»¹⁰.

Правомерно делая вывод о прочности патриархальных отношений в общественной и семейной жизни Черногории, Ковалевский в то же время отмечает и новые черты, присущие устройству страны. В эпоху правления Петра II Негоша в ней создается постоянное войско, подчиненное владыке; возникает сенат или большой суд, состоящий из сердарей и нескольких сенаторов – старейшин знатных фамилий, имеющий право выносить приговор за измену отечеству, убийство и т.д.¹¹.

Книга историка Александра Николаевича Попова «Путешествие в Черногорию» (1847), основанная на более широком историческом материале, представляет собой попытку показать борьбу за установление новых государственных и правовых структур, направленных против пережитков родоплеменных отношений. Впервые в отечественной науке он ставит вопрос о

вторичном характере черногорских племен, о связи родоплеменных отношений с характером семьи и т.д.

Попов не ограничивается только личными впечатлениями – он опирается на известные к тому времени труды В.Караджича и другие печатные издания, в том числе на черногорский альманах «Грлица», изучает архив в Цетине. Он подробно останавливается на истории антиосманской борьбы черногорцев, знакомит читателей с фольклором и письменностью Черногории, касается главных этапов исторического развития страны. Наибольшую ценность в книге Попова, на наш взгляд, представляет глава под названием «Юридический быт Черногории, очерк государственного, уголовного и семейного права». В ней содержится попытка раскрыть специфику социального и политического развития Черногории с конца XVIII и до 40-х гг. XIX в. Касается Попов и происхождения черногорцев. Вопрос этот до сих пор остается дискуссионным¹². Одни югославские ученые считают, что черногорцы по своему происхождению являются сербами¹³, другие справедливо полагают, что сербы и черногорцы происходят из одной родственной этнической массы¹⁴, третьи отстаивают генетически-этническую автохтонность черногорцев¹⁵.

В публикациях первой половины XIX в. господствовало мнение о единстве происхождения сербов и черногорцев. Разумеется, эта точка зрения могла опираться и, видимо, опиралась на мнение авторитетного в России Вука Караджича, который писал о том, что «все черногорцы есть славяне сербской ветви»¹⁶. Во всяком случае, А.Н.Попов придерживался такой же точки зрения. Обосновывая ее, он пишет: «Турки оторвали черногорцев от единства с Сербией, разрушили и покорили Сербское царство. Черногорец до сих пор считает себя сербом. Мысль отомстить туркам за Косово поле составляет постоянную народную мысль Черногории...»¹⁷.

Ученый считал нужным показать историческую общность черногорцев с сербами и вместе с тем подчеркнуть особенности общественного устройства Черногории, обусловленные ее географическим положением и, главным образом, упорной освободительной борьбой против османских завоевателей, которую она вела с XV в.

Касаясь характера родоплеменных отношений в Черногории начала XIX в., Попов пишет о вторичном характере черногорских племен, в которые входили группы людей, далеко не всегда связанные узлами

родства. Мысль эта, глубоко правильная в своей основе, подтверждалась последующими исследованиями. Вслед за Поповым аналогичного взгляда на черногорские племена придерживался Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860), один из идеологов раннего славянофильства, публицист и ученый. В программной статье «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» он утверждал, что черногорские племена «есть явление не древнее, а позднейшее». Вторичность черногорских племен он, как и другие идеологи славянофильства, связывал с тем, что у всех славянских народов родовой строй как таковой в древности вообще отсутствовал. В заключении статьи Аксаков делает вывод о том, что «родовой быт у черногорцев есть собственно черногорское явление, возникшее в Черногории по ее особенным причинам, заставившим отступить черногорцев от древнего славянского быта»¹⁸. Вывод И.С.Аксакова отражал уровень науки того времени. Существование скупщины – совета старейшин в племенах и верховную власть митрополита, Аксаков, подобно Попову, считал началом, разрушающим основу родоплеменных отношений. Мнение российских ученых первой половины XIX в. позднее разделил П.А.Ровинский, живший в Черногории с перерывами с 1879 по 1906 г. Он отмечал, что большинство черногорских племен нового времени возникло из разнородных элементов и вело свое происхождение не от фактического, а от легендарного предка¹⁹.

Правильность суждений отечественных ученых первой половины XIX в. о вторичности черногорских племен, специфики их этнического состава, подтверждается более поздними исследованиями югославских этнографов. Так, Й.Цвиич, также занимавшийся проблемой черногорских племен, указывал, например, что «больше агломерацией, чем родством» созданы такие племена, как Белопавличи и Пиперы в Брде, которая только в конце XVIII в. была присоединена к собственно Черногории²⁰. В них часто вливались переселенцы из соседних областей Метохии, Косова, Герцеговины и даже Сербии. Югославский этнограф П.Шобаич тоже считает, что «племя Белопавличей не является гомогенным по своему составу», его «население – смешанное по происхождению и по времени переселения»²¹.

Не все российские ученые сходились во мнении, что в Черногории существует определенная и самобытная система общественных отношений. Этнографу и фольклористу Ивану Петровичу

Боричевскому-Тарнаве (1810-1887), например, казалось, что существование в Черногории племен и братств ведет к «отсутствию центрального общественного управления в собственном значении этого слова»²². Его мнение опровергалось выводами Е.П.Ковалевского, А.Н.Попова, позднее П.А.Лавровского о характере общественных и семейных отношений в Черногории. Эти ученые убедительно доказали, что в первой половине XIX в. в ней идет двоякий процесс: с одной стороны, укрепляется центральная государственная власть (скупщина – собрание племенных старейшин всей Черногории выбирает губернатора, существует сенат – высший судебный орган, действует свод законов и т.д.), которая пытается искоренить остатки родоплеменных отношений (прежде всего, обычай кровной мести), а с другой, – они все еще остаются достаточно прочными²³. Особого внимания заслуживают рассуждения Попова именно о второй стороне процесса. В «родовом устройстве», считает ученый, исчезает мысль о личности, ибо каждое лицо, являясь деятелем в общественной жизни, действует не от себя, а как представитель рода. Только с того времени, как рядом с родом возникла скупщина или народное собрание, представилась возможность проявиться гражданской личности. Род начал распадаться на семьи, семья постепенно занимала место рода в общественном быте. С этого времени ведет свое начало семейное и гражданское право. Подробно пишет Попов об имущественных отношениях в черногорской семье. Как следует из его текста, он имеет в виду простую семью, которая в середине XIX в. действительно становилась доминирующей. Попов, как и позднее Ровинский, подчеркивает неприкосновенность в Черногории права собственности, передаваемой по наследству. Семья обычно владела пахотной землей и скотом на правах частной собственности. Общинная собственность племени и братства сохранялась в виде угодий, неразделенных в посемейную собственность – это могли быть пастбища, леса, водоемы, дороги и пр. Право преимущественной покупки (пређе куповине) недвижимого имущества, принадлежавшего той или иной семье, членам родственного коллектива, соседской общине было закреплено в 1798 г. в государственном кодексе Черногории («Законик общи Црногорски и Брдски»), который дополнялся и в 30-40-х годах, во время правления митрополита Петра II Негоша²⁴.

Точку зрения Попова подтверждает и П.А.Лавровский в статье «Черногория и черногорцы», написанной сразу же после его поездки в эту страну в 1859 г.²⁵. Ученый дополняет мысли Попова, рассказывая о весьма стройной системе общественного самоуправления в стране. Он подробно останавливается на таком институте как братство. «Только дома ближайших родственников теснятся друг к другу, потому что живут они общим хозяйством и составляют братство. Таких селений, согласно количеству братств, в Черногории считается до 250... Особого собственного названия черногорские селения не имеют, а удерживают имя племени, которое населяет его. Отсюда почти все, живущие в одной деревне, сохраняют еще воспоминания о первоначальном своем родстве...»²⁶. Лавровский пытается конкретно восстановить стройную систему самоуправления черногорского общества, по существу, состоявшую из племен, братств, сложных и простых семей. Во главе племени стоит *главар* – старейшина и наиболее уважаемый в нем человек. Несколько племен, связанных или родством или иными интересами, избирают сообща из наиболее выдающегося семейства *кнеза*, который является высшей инстанцией во внутренних делах такого союза. Военными делами заправляют соответственно выбранные военачальники: воевода (*војвода*), начальник области (*сердар*) и знаменосец (*барјактар*). Отец каждого семейства, указывает Лавровский, распоряжается всеми домашними делами; роль судьи исполняет старейшина – ему подчиняются все семейства.

Для решения важных дел собираются скупщины из числа вышеназванных лиц. Все это, по справедливому выводу Лавровского, ведет к «самоуправлению народному», к «сознанию необходимости подчинения единой воли решению целого общества», т.е. к упрочению того коллективистского общественного начала, которое отличает быт и нравы черногорцев. На эти устои, поражавшие своей патриархальностью и восходящие своими корнями к родовому устройству, обращали внимание все российские ученые, посещавшие Черногорию. Особенно удивляла их живучесть обычая кровной мести. Приведя в своей книге статьи из Законника, говорящие о пресечении кровной мести²⁷, А.Н.Попов добавлял, что чаще всего эти законы черногорцами не соблюдались. В качестве примера он приводил взбунтовавшуюся Речскую нахию, которая не пожелала принять закон, запрещающий кровную месть, и даже не послушалась увещаний пользова-

шегося большим авторитетом и уважением митрополита Петра II Негоша.

Е.П.Ковалевский посвятил обычаю кровной мести целую главу («Поединки и кровомщения») в своей книге. Кровная месть, писал он, могла возникнуть даже из-за кражи коровы или козы, но чаще всего из-за оскорбления, нанесенного кем-либо члену семьи, жене или дочери. При этом по черногорским обычаям, что отмечал также и Попов, никогда рука мстителя не поднимется на женщину, и женщина тоже не должна мстить²⁸. «О мире с черногорцем, – пишет Ковалевский, – нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье; это значит толковать голодному о воздержанности, когда перед ним стоит сытный обед»²⁹. В кровную месть зачастую втягивались целые селения, племена, нахии; сотнями убитых и раненых оканчивалась самая незначительная ссора или жалоба на оскорбление или плохое обращение³⁰.

Об обычае кровной мести в черногорском племени Болевичей из Црмничской нахии пишет Н.И.Надеждин в малоизвестной зарисовке «Черногорцы. Из воспоминаний путешественника». Побывавшего в 1841 г. в Черногории Надеждина, поразило, что племя Болевичей являло собой «уединенное гнездо кровников», а приведенный автором живописный рассказ сердаря Марко и священника Вуколе о давнишней вражде между этими племенами и племенем Сотоничей, обнаруживал интересный факт – в семьях часто не знали о конкретной причине кровной мести, и только память столетнего старца воскрешала горькие страницы, передаваемые из рода в род семействами и целыми племенами³¹.

П.А.Лавровский, посетивший Черногорию в 1859 г., связывал обычай кровной мести с сознанием необходимости подчинения единичной воли решению целого общества. Ученый имел в виду то «полнейшее единение между членами семейства и рода, при котором невозможно оскорбление одного без того, чтобы тотчас же все остальные не выступили на защиту»³². Это, указывает Лавровский, «был своего рода долг, который должен был взят или головою, или деньгами, хотя бы прошло сто лет со времени совершения убийства»³³. Поэтому родственники бережно хранили окровавленную одежду убитого, чтобы «иметь возможность воспламенить к отмщению»³⁴. Ученый приводит множество вариантов мести и примирения враждующих. Нередко месть обрушивалась не на виновника оскорб

лений, а на более знатного человека в семье, роде и племени. Если более сильное племя нападало на слабое, то на защиту последнего поднимались соседние племена. Если член небольшого семейства убивал члена большей по численности семьи, то, бывало, родные убийцы отказывались от него (он спасался бегством) и платил пострадавшим деньги³⁵. Нередко перемирия заключались на время срочных сельскохозяйственных работ или военных действий. Продолжительная кровная месть, отмечал Лавровский, приводила к ухудшению материального положения враждующих: нередко обе стороны избирали из своего числа судей, которые высчитывали число убийств с каждой стороны, переводили их в денежное выражение, а менее пострадавшая сторона выплачивала другой стороне сумму, установленную судьями³⁶.

Лавровский утверждал, что и в конце 50-х годов XIX в. обычай кровной мести не был окончательно изжит³⁷. П.А.Ровинский отмечал существование института кровной мести даже в конце XIX в. – начале XX в. и подробно описывал церемонию примирения кровников³⁸.

Во многих отечественных публикациях мы находим и материал об институте искусственного родства, в частности, об обычае побратимства³⁹, характерном не только для Черногории, но и для Сербии. Побратимство упоминалось еще в старинных требниках или «србулях».

Ковалевский и другие путешественники по Черногории отмечали, что обряд побратимства обычно совершался в церкви, сопровождался молитвами и особым торжеством⁴⁰. К 40-ым годам XIX в. обычай упростился, побратимы обменивались только крестами, тем не менее, этот союз был «свят и нерушим». Семьи побратимов также считались родственными. Братьями становились и люди, ранее бывшие кровниками, но только в том случае, если вина одного была «искуплена условленной ценою в пользу другого»⁴¹. Тогда, добавляет Ковалевский, бывший виновный становился на колени и в присутствии народа испрашивал себе прощение. «Можно себе вообразить, как тяжел этот обряд для черногорца, от природы в высшей степени гордого!»⁴², – писал ученый.

О побратимстве у сербов писал Надеждин, сравнивая этот обычай с описанным Лукианом обычаем дружества у древних скифов. Он кажется ему похожим и на русское «крестное братство», записанное в требниках. По мнению Надеждина, обычай побратимства смягчал суровость сербских воинов

венных нравов и сообщал особенный характер народным песням, его воспевающим ⁴³.

Славист Петр Алексеевич Бессонов (1828-1898) ⁴⁴ в середине 50-х годов XIX в. подробно описал обычай побратимства у сербов, который, по его мнению, восходил ко времени османского ига и был особенно распространен у гайдуков. Бессонов, очевидно, был знаком с описанием этого обычая В.Караджичем, и потому указывал на разные способы стать побратимами. Как и Караджич, он считал, что женщины и девушки совершали этот обряд в церкви. Заболевшая женщина или девушка выбирала себе парня и шла с ним в церковь, если после молитвы она выздоравливала, то парня считала своим братом ⁴⁵. Обряд побратимства у сербов обычно совершался во второй понедельник после пасхи. Этот день – день поминовения усопших – назывался *дружичало*, *ружичало*, *побушени понедеЛьак*. В этот день шли на кладбище, обкладывали дерном могилы, целовались сквозь венки, обменивались крашеными яйцами, поминали покойных. Широкое распространение у сербов этот обычай имеет и сейчас. Если дни рождения у побратимов совпадали, то они назывались одномесечниками. В этом случае они не должны были жить в одном доме, и обычно один из них переезжал в другое село; если побратим (или посестрима) справлял свадьбу, то во время свадебного пира одномесечникам не разрешалось пробовать свадебную еду. Когда один из братьев умирал, то ногу покойного и ногу побратима соединяли одной петлей, и тот, кто вызволял ногу живого, становился ему побратимом вместо умершего ⁴⁶.

Итак, рассмотренные нами публикации и архивные материалы свидетельствуют о наличии в быту черногорцев и сербов в середине XIX в. множества архаических черт. Во многих источниках о Черногории содержится справедливая мысль о том, что в первой половине века новые институты государственной власти вступали в противоречие с остатками родоплеменных отношений. Если до XVIII в. отношения между черногорскими племенами не определялись юридическими нормами, и наказание за убийство выражалось в древнем обычае кровной мести, то в конце XVIII – начале XIX в. новые юридические нормы и законы, закрепленные в Законнике, сталкивались с традиционными нормами обычного права. Последние настолько укоренились в общественном и семейном быту черногорцев, что кровная месть часто охватывала целые племена, братства, села, нахии.

Во многих статьях Законника черногорцы видели ущемление своей свободы и независимости.

Важный вывод, который напрашивается при рассмотрении трудов российских ученых, заключается в том, что в первой половине XIX в. племена и братства в Черногории надолго закрепили коллективистское начало в общественной жизни. Это, прежде всего, и объясняло особую живучесть таких архаических общественных институтов, как кровная месть и побратимство.

Российские источники первой половины XIX в. содержат большой материал, посвященный брачно-семейным отношениям югославянских народов. Среди них центральное место занимают сведения, относящиеся к комплексу свадебных обрядов и обычаев. Но прежде, чем перейти к свадьбе необходимо остановиться на том, как трактовали российские источники институт семьи у народов Югославии, что видели в нем своеобразного.

Наиболее распространенным типом семьи, бытовавшем у югославянских народов в первой половине XIX в. была сложная семья многолинейного подтипа – *задруга*⁴⁷, хотя наряду с ней существовала и простая семья (*инокоштина*).

Материалы о задруге у югославянских народов в трудах российских ученых весьма лаконичны и фрагментарны. Они практически не дают возможность восстановить все многообразие типов задруг и их различие по регионам.

Описывая словинов – этническую группу словенцев, проживавших среди иноэтничного итальянского населения, Срезневский, как мы уже указывали, писал о том, что у них сохранились еще задруги и остатки кровной мести. Большие семейства, указывал Срезневский, часто живут не делясь, с отцом или матерью, по несколько женатых сыновей или замужних дочерей. Несмотря на бедность, в большую семью принимали и далеких родственников и встречали их как близких родных. Это замечание Срезневского свидетельствует о том, что принцип прямого родства по мужской линии, который существовал в классической задруге, здесь нарушался. Живучесть архаичных черт семейного и общественного быта, на наш взгляд, можно объяснить замкнутостью этой этнической группы словенцев среди чуждого им по языку и обычаям населения. Это наблюдение тем более ценно, что у словенцев в XIX в. задруга встречалась крайне редко и только в пограничных областях их расселения.

О своеобразии задруги в Военной Границе писали А.С.Кайсаров и Н.И.Надеждин. В одном из писем за 1804 г. Кайсаров отмечал, что в Военной Границе существовали большие семейства, объединявшие под одной крышей до 70 человек⁴⁸. При этом австрийская администрация запрещала раздел семей граничар. Причину запрета Кайсаров справедливо объяснял тем, что дележ движимого и недвижимого имущества затруднялся большой арендной платой, которую граничары вынуждены были платить за используемую землю.

Надеждин, посетивший Военную Границу в 1841 г., описал задругу, объединявшую семьи двух братьев Княжевичей – Максима и Дана, у каждого из которых было по четыре сына. «Оба эти поколения объединены законом в одно нераздельное семейство, у которого все общее: домашний быт и служебная повинность, земля и хозяйство, труды и прибыли»⁴⁹. Рассказывая о другой задруге у граничар, Надеждин отмечает, что она состоит «из нескольких семейств одного поколения или даже чужих друг другу, смотря по нужде и удобству»⁵⁰. Наблюдения Надеждина ценны в том плане, что по сути дела фиксируют существование задруг разного типа – отцовских, братских и неродственных. И действительно, на территории Военной Границы такое соединение неродственных семей разрешалось законом по экономическим причинам⁵¹. Возникновение неродственных задруг в Военной Границе могло быть обусловлено, на наш взгляд, также и миграционными процессами, особенно активными в этом регионе еще со времени османского завоевания.

Каждая такая семейная община подчинена была старейшему в ней по возрасту, который назывался *господарем*; женщины равным образом подчинялись старейшей между ними, которая в свою очередь именуется *господарицей*. Господарь и господарица «обязаны наблюдать не только за хозяйством, но и за всем внутренним бытом, за благочестием, нравственностью, добрым порядком и согласием своих домочадцев, которые со своей стороны должны оказывать им всякое уважение и беспрекословную покорность»⁵². В примечании Надеждин разъясняет, что вообще подобный порядок исстари наблюдается и в собственно Хорватии и Славонии, где «под одним кровом живет от 20 до 30 женатых пар», поэтому встречаются деревни в 2-3- дома, не более.

Касается Надеждин и имущественных отношений внутри семейной общины. Все движимое и недвижимое имущество принадлежит всем ее членам, надзор за общей собственностью осуществляется господарем и гос-

подарицей; часть движимого имущества находится в личной собственности, переходящей по наследству. Однако Надеждин не разъясняет всю сложную структуру отношений в задружной собственности, да и не может этого сделать, так как свои выводы он делает на основе личных наблюдений, не используя данных других исследователей этой проблемы.

О задруге у сербов русские узнали из статьи В.Караджича «Описание сербского народа», опубликованной в журнале «Вестник Европы» за 1827 г.⁵³ Задругу в Сербии в 1830-31 гг. описывал и Розелион-Сашальский, который имел возможность объехать земли Белградского пашалыка, находившиеся под властью османов. Он отмечал, что в большой части Сербии встречал во главе со старейшиной-отцом «многочисленные семейства», в которых сыновья со своими домочадцами не выделялись в отдельные семьи и «имущество оставалось неразделенным». «Всякая супружеская пара, – добавлял Сашальский, – имеет особливую избу как клеть, а все дети под присмотром матери или жены старейшины, которая заведует также и всем женским хозяйством. Собrania (членов задруги – М.К.) бывают в одном месте»⁵⁴. Вероятно, Сашальский наблюдал в данном случае классический тип задруги – коллектива, связанного узами кровного родства по мужской линии, с вирилокальным поселением и т.п.

На имущественное положение женщин в сербской задруге обращает внимание Ф.В.Чижов. Он пишет, что «законы наследства», о которых он расспрашивал в Сербии, ему не нравятся, ибо ущемляют права незамужних дочерей (сестер). Они «исключаются из наследия», и все их движимое имущество (приданое) «зависит только от доброты братьев, которые после смерти отца делят все поровну между собой»⁵⁵. А.Ф.Гильфердинг, касаясь имущественных отношений в боснийской задруге, писал и о ее распаде в середине XIX в.⁵⁶

Появившаяся в журнале «Русская беседа» за 1858 год обширная статья сербского этнографа и писателя Милана Миличевича «Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги»⁵⁷ давала, естественно, более подробное описание этого семейного института, чем это могли сделать русские путешественники. Перепечатка статьи М.Миличевича, как указывала «Русская беседа», была связана с большим интересом в русском обществе к славянской общине вообще и к русской, в частности. Славянофильская печать 50-х годов XIX в. помещает на своих страницах серию статей о семейной общине у русских и ее связях со сла-

вянской общиной. Так, «Русская беседа» публикует обширную рецензию на труд М.Утешеновича о семейных общинах или задругах у сербов и хорватов (книга опубликована в Вене на немецком языке в 1859 г.)⁵⁸. В рецензии содержится восторженная оценка этого труда, который свидетельствует о глубокой древности и самобытности общественного и семейного быта южных славян.

Картина семейного и общественного быта югославянских народов по русским источникам была бы неполной, если бы мы не сказали, что в связи с интересом к проблемам рода в древнейшей истории славян российские ученые начинают изучать системы родства и свойства у славян вообще и у югославян, в частности. Уже в 1840 г. П.И.Прейс в свою этнографическую программу ввел отдельные пункты не только о понятиях *род, племя, родбина, колена, челяд, дружина*, но и о степенях родства (пункты 33 и 35). Однако, в некоторых работах российских ученых, где отдельные абзацы были посвящены терминологии родства у югославянских народов, выводы чаще делались скорее лингвистические (о богатстве и точности сербско-хорватского и словенского языков), чем этнографические⁵⁹.

П.А.Лавровский, в 1859-60 гг. побывавший в зарубежных славянских землях и непосредственно ознакомившийся с терминологией родства у славян, выступает в Отделении русского языка и словесности с лекцией «Коренное значение в названиях родства у славян»⁶⁰. Ценность этой работы Лавровского, состоит в том, что он впервые в России, опираясь на труды Я.Гримма, Ф.Боппа, А.Ф.Потта, а также В.Карджича, Ф.Миклошича, В.Водника и др. ученых пытается проследить историческую эволюцию терминологии родства у славян. Используя данные лингвистики и истории, он рассматривает изменение терминов родства у славян от древних родоплеменных отношений до современной семьи.

Изучение систем родства и свойства давало возможность ученым проследить реальную структуру общества, рассмотреть уровень его социальной организации, понять и реконструировать типы семьи.

Лавровский пытался объяснить особенности систем родства у славян «совместной жизнью целого рода». Как справедливо заметил этнолог М.В.Крюков, его ход мысли был верен, и в этом отношении Лавровский пошел дальше Л.Моргана, предвосхитив дальнейшие исследования этой проблемы⁶¹.

Разделяя родство у славян на два вида – кровное и свойственное, – Лавровский последовательно анализировал термины родства у различных славянских народов, сравнивая их с терминами родства у других индоевропейских народов.

Существование шкалы терминов родства и свойства у южных славян Лавровский объясняет сохранением у них в большей степени остатков патриархальности. Большое внимание в работе уделяется терминам *стрый* и *уй* (древнерусск. яз.) и соответственно *стриц* и *ујак* (серб. яз.) для обозначения дяди по отцу и по матери, а также *стрина* и *ујна* для обозначения тетки – жены брата отца и жены брата матери. Словенское (хорутанское) наречие с поразительной целостностью, указывает Лавровский, сберегает, например, термин *стрина*, употребляя его для обозначения тетки по отцу; сохранились и термины *престриц* или *препрестриц* для обозначения старого или очень старого дяди. У хорватов встречались термины *стричић* и *ујчић* (*вујчић*), обозначающие двоюродного брата по отцу и по матери. На основании древнерусских письменных источников Лавровский прослеживает, как термины *стрый* и *уй* постепенно исчезали из русского языка, заменяясь термином *дядя*⁶². В отличие от русского языка, язык словенцев, хорватов и сербов сохранял различия в их значениях, весьма важных для реконструкции типов семьи у югославянских народов, иерархии родства по отцовской и материнской линии и значимости этих различий в реальной жизни.

Очень интересна гипотеза ученого о термине *племянник*. В русских учебниках и грамотах XV в. это слово имело широкий смысл, а именно, обозначало лиц, принадлежащих одному племени. В этом значении оно в XIX в. сохранилось у черногорцев *племеник* (человек из племени). Лавровский ссылается здесь на «Сербский словарь» В. Караджича. Ученый делает справедливый вывод о том, что в современном термине *племянник* (*племянница*) сохранился след господствовавшего некогда родового строя⁶³. В сербском же языке существуют другие термины, причем разные (*синовац*, *сестрич*) для обозначения племянника со стороны брата и со стороны сестры (ср.: *братанич*, *синовац*, *сестрич* в древнерусском языке).

Итак, Лавровский широко привлекает в своей работе югославянские термины родства и свойства, употреблявшиеся в живой речи этих народов и в XIX в. Это дает ему возможность реконструировать историческую диахронную цепочку типов родства у разных славянских народов, показать,

как у одних они с течением времени исчезали (например, у русских), а у других сохранялись. Сохранность богатой шкалы терминов родства и свойства у югославян, по мнению Лавровского, свидетельствовала о существовании и в XIX в. пережитков родоплеменных отношений, закрепленных в нормах обычного права и регулирующих их семейные отношения.

Важно отметить, что некоторые русские ученые-слависты XIX в., например, В.И.Григоревич, использовали материалы Лавровского в своих лекциях⁶⁴, хотя теоретическое значение работы Лавровского не было по достоинству оценено его современниками.

Практически все российские ученые и общественные деятели, побывавшие в Сербии, Боснии, Герцеговине и Черногории обратили внимание на существование в семейном и общественном быту этих народов праздника семейной и сельской Славы. Особенно распространенной и устойчивой была семейная Слава (Крсно име).

Для югославянских народов семейная и общинная Слава, существовавшая на протяжении многих веков, являлась символом сохранения традиционных обычаев, обрядов и поверий, сплотивавших эти народы и помогавших им отстаивать свою самобытную культуру в условиях иноземного ига.

Известный по письменным источникам средневековья уже с XI в. праздник семейной Славы был связан с существованием в социальной структуре югославянских народов таких общественных единиц, как сложная (задруга) и простая (инокоштина) семья. Нужно отметить связь праздника с такими архаическими институтами, как кровная месть, экзогамия. В его обрядах сохранились отголоски древних верований – аграрных культов, культа предков и т.п. Несмотря на то, что церковь вела борьбу с языческими верованиями и обрядами, она в конечном итоге вынуждена была признать Славу и привнесла в нее некоторые черты церковного ритуала.

Семейная Слава – праздник покровителя семьи, и шире племени, братства, то есть всех тех, кто связан общим происхождением (общим предком), или преданием об этом, а также тех, кто влился в эти общности и принял их Славу. Ю.И.Венелин⁶⁵, например, замечал, что сербы не празднуют именин (дня своего ангела), зато «всякий дом празднует день семейственного покровителя»⁶⁶. Среди них первое место занимает Николай Чудотворец – св. Никола⁶⁷.

К сожалению, анализируемые нами источники не рассматривали весь сложный комплекс и многообразии ритуала семейной Славы, хотя в них указывалось, что праздник этот был полон веселья, песен, танцев, игр, здравиц; для него было характерно освещение в церкви обрядового хлеба (*колача*); он отличался богатым пиршеством. во время которого обязательно «преломлялся *кóлач*», подавалось ритуальное блюдо – *кольиво* (каша)⁶⁸.

Интересно, что В.И.Григорович, составляя свои лекции по славянским древностям, вслед за изложением степеней родства у славян останавливался на обычае *Крсно име* (семейная Слава). Он справедливо указывал, что до XII в. редко кто помнил в день какого святого он крещен. Сербские памятники, по его мнению, свидетельствуют о том, что славяне вместо календарных имен, предпочитали древние славянские имена, такие как Татомир, Славомир и др. При этом каждая семейная община имела своего святого, покровителя (патрона) семьи и праздновала день этого покровителя (Крестное имя). При разнообразии личных имен древнего происхождения, сербы «сохраняли единство в крестном имени»⁶⁹. Единство в крестном имени для сербов, по существу, было символом их принадлежности к сербской этнической общности и являлось консолидирующим фактором.

И.И.Срезневский в работе «Исследования о языческом богослужении древних славян»⁷⁰, останавливаясь на обрядах жертвоприношения, отмечал, что во время праздника Славы звучали здравицы, и песни, и молитвы, в которых испрашивался хороший урожай и благополучие семьи⁷¹. В обрядовом ритуале праздника Славы проявился его аграрный характер, связанный с дохристианскими верованиями.

А.Ф.Гильфердинг писал о празднике Слава у православных сербов Боснии как «о самом священном и любимом», на который каждый готов был истратить все свои сбережения и даже задолжать. Он отмечал, что францисканцы постепенно искоренили этот праздник у боснийцев-католиков, но у югославян-мусульман Боснии праздник продолжал бытовать⁷².

«Журнал министерства народного просвещения» публикует на своих страницах две статьи, материалы которых отчасти также касаются этого праздника. В одной из них фиксируется его продолжительность у сербов в три дня, в другой отмечается, что в семье крестное имя передавалось от отца к сыну⁷³. Некоторые путешественники обращали внимание и на то,

что обычай кровной мести находил отражение даже в Славяне: случалось, что жертвой кровной мести становились не только родственники убийцы, но и те люди, которые славили с ним одно крестное имя.

Проблемы как семейной, так и сельской общины в русской науке первой половины XIX в. были связаны с исследованием пережитков родового строя у славян. Уже в 20-х годах XIX в. представители так называемой историко-юридической школы отождествляли род с семьей. Из родового строя выводили семейную и сельскую (территориальную) общину и первые университетские слависты. Общине у славян большое внимание уделял В.И.Григорович, хотя основные его работы по этому вопросу относятся к пореформенному периоду. В отличие от славянофилов, которые по существу отрицали существование родового строя у славян и соседской общины у германцев, Григорович выводил общину из родового устройства, видел связь семейной и соседской общины, но многие черты семейной общины переносил на соседскую. Думается, что преувеличение роли семейной общины у славян вообще, и у югославянских народов, в частности, повлияло на то, что в рассматриваемый нами период работ о сельской общине у югославян было значительно меньше, чем о задруге.

В.А.Панов в 1842 г. пишет о сельской общине в Далмации. По сути дела, это было одно из самых ранних упоминаний в отечественных источниках о сельской общине у югославян. «Это есть форма общественного устройства, – сообщает Панов, – которая с наибольшей чистотой сохранилась у славян южных»⁷⁴. Его материалы указывают на то, что обычно одно или несколько сел объединялись в общину. Главарь далматинской общины назывался капитаном или синдиком, у него было несколько судей и помощников. От капитана общины зависели старейшины – кнезы селений. Все избирались на три года, но этот срок не всегда соблюдался. Иногда звание кнеза передавалось по наследству⁷⁵.

В анонимной статье «Общественный и домашний быт сербов»⁷⁶ (русский автор) содержится характеристика хозяйственных отношений в сельской общине: земля находилась в собственности общины и обрабатывалась всеми ее членами, иногда община выделяла бедному крестьянину в пожизненное пользование участок земли. В общине существовал обычай

взаимопомощи (*моба*) во время проведения сельскохозяйственных и иных работ⁷⁷.

«Русская беседа» в 1858 г. публикует работу Милана Миличевича «Сербская община», специально заказанную журналом. Основное внимание в ней уделяется описанию сельской общины в княжестве Сербия, кроме того, приводятся сведения об этническом составе и численности населения княжества, его управлении. Сербская община, как он показывает, пережив османское иго, оказалась очень «устойчивой и крепкой». Она, по мнению Миличевича, была значительным фактором, который помог сербам княжества объединиться в борьбе за свободу и независимость. Благодаря этой работе Миличевича русская общественность получила более четкое представление о типах сельских общин, об управлении ими, институте собственности, хозяйстве, общинных обычаях и праздниках⁷⁸.

О празднике общинной Славы российские ученые писали больше, чем о самой общине, так как в нем ярко отражались главные черты общественного быта югославян. В отличие от семейной Славы, которая проходила в основном в кругу членов семьи, число лиц, принимавших участие в общинной Славе, было гораздо шире. Это был коллективный праздник всей сельской общины, которая нередко охватывала несколько селений. Праздник сельской Славы носил аграрный характер, был связан с культом плодородия. При этом обрядовые действия сельской Славы имели целью обеспечение благополучия всех семей общины.

Интересно, что пережитки общинной (сельской) Славы сохранились у словенцев в первой половине XIX в., хотя само общинное устройство у них в этот период было представлено слабо. И.И.Срезневский описал праздник Липы в Зильской долине (Каринтия). Ему бросились в глаза архаические черты праздника – «дедовский быт». В каждой сельской общине у югославян существовало священное дерево (*залис*), чаще всего это был дуб или липа, у которого происходили и общинные собрания, и общинные праздники, и ритуальные заклания животных. У зилиан липа составляла необходимое украшение всякого селения, она всеми чтилась и охранялась. В общинный праздник под липой в центре сельской площади собирались крестьяне и гости из других приходо́в, все вместе обедали под деревом. Католическое духовенство запрещало, пишет Срезневский, этот обряд. Однако в середине XIX в. в Зильской долине он еще существовал. Обязательным элементом

его было разбивание бочки палицами, которые держали в руках молодые всадники. Бочку, подвешенную к дереву, разбивали; юноша, снявший обруч с бочки, получал право танцевать весь вечер с девушкой – царицей праздника. А народ, сгрудившийся вокруг липы, распевал песни, специально предназначенные для этого случая. Древность обычая, указывал Срезневский, подтверждается также тем, что новгородские летописи отмечали существование на Руси «бесовского» обычая битья бочек, в дальнейшем запрещенного⁷⁹.

В архивных материалах М.П.Погодина, датированных 1846 г., находим описание сельской Славы в окрестностях Сремских Карловцев (Воеводина). Ездил на праздник он вместе с митрополитом Й. Раячицем. Погодина поразил обильный стол, украшенный ветками винограда, общее веселье, благие пожелания – здравицы, песни гусяра, нескончаемый танец (коло), увлекший и старых и молодых⁸⁰. Сербская общинная Слава с ее церковными и архаическими атрибутами включала процессию *крстонош* по полям с хоругвями, иконами и крестами, обход записи, подновление на нем крестов, молебствие с благословением урожая. Праздник завершался общинным обедом, на который каждый приносил самое лучшее угощение. Во время обеда старейшина общины произносил здравицы за благоденствие семейств и всего народа сербского. После этого начинались коло, игры, борьба⁸¹.

Как мы писали выше, в российских источниках первой половины XIX в. содержится богатый материал, посвященный циклу обычаев и обрядов, связанных со вступлением в брак.

Важно отметить, что в своей этнографической программе 1840 г. П.И.Прейс посвятил свадебной обрядности у югославянских народов целый комплекс вопросов. Его, например, интересовало различие обрядов до и после венчания, возраст вступающих в брак, причины и последствия слишком ранних браков, роль родителей в выборе невесты. Он считал, что весьма важны и такие проблемы, как сохранность обычая умыкать невесту (*отмица*) и его отражение в народных песнях, обряды при помолвке, изменение наряда молодухи, продолжительность свадебных празднеств. Выделение или невыделение хозяйства молодоженов из семейного, разделение обязанностей между мужем и женой, а также время заключения браков⁸².

Ответы на большинство из этих вопросов мы находим не только у П.И.Прейса и И.И.Срезневского, работавшего по этой же программе вме-

сте с Прейсом во время их совместного путешествия по югославянским землям, но и у Ю.И.Венелина и других ученых и общественных деятелей.

В архивных фондах Прейса и Срезневского имеются сведения о некоторых элементах свадебного обряда у православных перойцев – группы черногорцев, переселившихся в Истрию (село Перой близ Пулы) и оказавшихся вследствие этого в иноконфессиональной (католической) и иноэтничной среде⁸³. Их свадебные обычаи ярко демонстрируют сохранение исконно черногорских патриархальных традиций. Из литературы нам известно, что аналогичные свадебные обычаи широко бытовали в Черногории в первой половине XIX в. «В Перое, – пишет Срезневский, – во время свадьбы молодцы – јунаки из женихова рода приходят за невестою с ружьями, навстречу им выходят молодцы с невестинной стороны, тоже вооруженные и говорят, что не отдадут невесту до тех пор, пока пришедшие не собьют яблоко ружейным выстрелом»⁸⁴. «Невесту в день свадьбы дарит (одаривает – М.К.) каждая знакомая женщина чем-нибудь из одежды женской. *Првијенец* (первенец – М.К.) несет венцы венчальные. Кум перемениет венцы жениху и невесте. Невеста дарит колач – *лѳвртач* и пояс красный, а теперь платок (*мáраму*) каждому свату. На следующий день после обеда невеста подает сватам кувшин с водой и каждый сват, умывши руки, дарит ей один флорин... и т.п.»⁸⁵. «На голове у невесты – *вјенац* из серебра с болтающимися серебряными штучками..., так что она покрыта пока воротится домой из церкви. Тут ей дают дитя, и бросают на нее миндаль, ячмень и пшеницу за ее потомство и за счастье дома»⁸⁶.

Сведения о свадебной обрядности находим в записных книжках Прейса. «В Сербии, – пишет он, – рубашку новобрачной кладут в решето и венец туда же; когда есть крест на рубашке, то все радуются, стреляют из ружья; *отмицы* (похищения невесты – М.К.) существуют. Невеста, *младожења* – новобрачная носит *капицу* (шапочку – М.К.) наподобие чулка и прикалывает ее иглой за теменем. Замужняя или незамужняя носит косу, заплетенную на плечах»⁸⁷. В Далмации, Прейс, например, заметил, что незамужние девушки носят на голове *парту* (*parta*) род головного убора с открытым верхом, украшенный цветами из фольги, от нее идет по щеке *kitica* зеленая веточка с цветами или плодами⁸⁸. В Хорватии «свадьбы обыкновенно правят вечером о *Mesopastu* и еще за *Miholjun* (день св. Михаила – М.К.), по народному вы-

ражению, и о Катарине»⁸⁹. На свадьбах делают венок из цветов: рavenка, которая всегда зелена, и кладут его на голову невесте в день венчания только, если она девственница⁹⁰.

Об архаических элементах, сохранившихся в свадебном обряде этнической группы жумборских ускоков, живших на границе Белой Крайны и Хорватии, Срезневский пишет следующее: «Перед венчанием жених (младоженья) с почетным кумом (дебели кум), двумя деверями (девери) и многими сватами (сватове), все с ружьями, едут верхом за невестой, ведя с собою коня и для нее. Окутав лицо ее платками и усадив на коня верхом, две ее дружки (дружице) и, кроме того, одна или две почетные женщины идут за нею пешком в церковь. Из церкви процессия опять отправляется к невесте; невеста должна скрыться, а девери ее ищут; они пьют, едят, однако без песен и пляски. Наконец подается кислая капуста (кисели купус): все встают, родители благословляют невесту, часто со слезами и рыданиями, и провожают за ворота. Рыдания заглушаются громом выстрелов. По приезде в дом жениха снова стрельба, и тут же начинается музыка, песни, пляски. Позже приходит и мать невесты или женщина, заступающая ее место; она тоже должна веселиться. Распорядителем праздника обыкновенно бывает почетный кум – дебели кум (на эту роль выбирают... обычно старейшину общины (кнеза), которого все должны слушаться, особенно жених. Стрельба и песни продолжают всю ночь»⁹¹. К числу важных обрядов этой ночи Срезневский относит ауканье: «невеста, дружки и другие девушки выбегают на поляну, подальше от двора, и аукают, призывая виллу: хохот ее из лесу или со скалы означает дурное для невесты предзнаменование, до того дурное, что если бы хохот повторился в другой раз, то мать уводит невесту домой, как невенчаную, и тогда праздник веселья превращался в печальное действие: на невесту накидывают длинное белое покрывало, а потом с рыданиями уводят; шесть недель она не смеет показаться никому, кроме домашних. Дело, впрочем, может еще кончиться счастливо: девери приходят к матери невесты и дают ей кровную клятву (крвну заклетву), что они будут «по богу братья ее дочери, станут защищать ее и не допустят ни до какого несчастья... С деверями могут давать такую клятву и все холостые сваты. Свадьба всего чаще бывает в октябре»⁹².

Анализ очень подробно описанного Срезневским свадебного ритуала зильян (Словения) свидетельствует о том, что многие его элементы близки к приведенным нами выше обычаям этого цикла у ускоков. Ученый, вероятно, сам присутствовал на свадьбе в Зильской долине – часть текста написана им на словенском языке.

В день свадьбы, – пишет Срезневский, – юноши на лошадях и с саблями в руках, гости на возах с криками и песнями въезжают в деревню, где живет невеста. А знаменосец (*bandirar*), несущий украшенное лентами красное знамя, едет впереди всех. Хозяйка дома выходит к нему и подает *рогле* (*rogle*) – ветку дерева с насаженными на нее яблоками, а он взамен отдает свою шляпу. Затем знаменосец начинает галопировать, его догоняют, но он быстрее всех подъезжает к жениху и передает ему *рогле*, жених откусывает кусок яблока и, наткнув его опять на *рогле*, передает знаменосцу, который должен перегнать всех и первым приехать к дому невесты. Подъехав к дому, он стучится в дверь саблей, ему отвечают, что невесты нет дома, и тогда двое мужчин и сват с вилами и кочергами пытаются ворваться в дом. Невесту стараются как можно дольше не выдавать свату, задают ему разные загадки, затем показывают вместо невесты старую бабу с соломенным венком, ей дают в виде откупа монету цванцигер, затем показывают еще одну бабу, и наконец, выходит настоящая невеста... невеста встает посреди комнаты на колени и просит родительского благословения. Ее передают жениху, и они, обойдя под руку три раза вокруг комнаты, идут в церковь... Из церкви до дома за невестой бежит ребенок. А затем, новобрачные приходят домой, родственники выпускают курицу, и пока ее ловят, молодые должны хранить молчание. На пиру жених и невеста обязаны есть из одной тарелки одним ножом и вилок. Невесту и жениха, – пишет далее Срезневский, – сразу можно было отличить по праздничному наряду: невеста одета в белый с вышивкой фартук, фиолетовую кофточку, расшитую лентами, волосы распущены по плечам и собраны на затылке венком с множеством разноцветных лент. На голове шляпа поверх венка. У жениха на шляпе зеленый шелковый шнурок⁹³.

Срезневский отмечал, что у хорутан (словенцев) на второй день свадьбы на воротах дома жениха вывешивали медный крест, обрамленный звездой – символ солнца, называемый *sončes* или *sonček*. Этот обряд носил название посвящения (*posvečilo*) и был связан с языческим культом

солнца, широко распространенным у славян⁹⁴.

Интересный материал о некоторых элементах ритуала черногорской свадьбы находим у Е.П.Ковалевского, И.П.Боричевского, В.А.Панова, почти одновременно (с 1838 по 1842 г.) побывавших в Черногории.

Ковалевский лично присутствовал на свадьбе в племени Сотоници в Црмничской нахии в 1838 г. Он отмечал, что жених и невеста «вовсе не знают друг друга и видятся впервые под венцом»⁹⁵. В брак черногорцы вступали не ранее 14 лет (для мужчин) и 12 лет (для женщин)⁹⁶.

В Черногории браки, как правило, заключались родителями жениха и невесты, без согласия последних. Семья жениха обычно платила выкуп (*откупнина*) за невесту, но в то же время невеста не обязательно должна была приносить в дом будущего мужа свое приданое. Прежде, пишет Ковалевский, плата за жену существовала во всей Сербии и Черногории и была настолько значительной, что бедные часто не могли вступить в брак. Но Карагеоргий установил, чтобы за жену не платили более червонца. В Черногории также соблюдалась очередность вступления в брак сестер и братьев: «родители никогда не согласятся выдать замуж меньшую дочь ранее старшей, которую подобное предпочтение заклеямило бы вечным позором»⁹⁷. Этот обычай имел широкое распространение в Черногории. Часто, пишет Ковалевский, браки заключались еще с колыбели (сватовство в колыбели)⁹⁸, и родители, несмотря на все препятствия, свято держали свое слово, отступление от него неизбежно влекло за собой кровомщение.

«В первые годы после брака, супруги всячески должны дичиться, убежать друг от друга, не смеют говорить между собой, не смеют изъявлять малейшей привязанности, не только нежности, один другому: все это показало бы их взаимную любовь – чувство слабое, свойственное женщине, и следовательно постыдное для мужчины, для черногорца. В Брде не существует брачного ложа для супругов; как тать, в ночную пору прокрадывается муж к своей жене, и стыд и горе обоим, если кто из семейства увидит их вместе. Даже в разговорах с другими супруг никогда не назовет по имени свою жену, если необходимость заставит говорить о ней, он заменяет имя местоимением «она», как бы стыдясь своей связи с женщиной. Детей сво-

их должен он чуждаться, как плод этой связи, всегда для него унижительной»⁹⁹.

Ковалевский не анализировал этот древний обычай. Между тем, в Черногории в XIX в. существовали пережитки древнейших запретов во взаимоотношениях между родственниками. Обычаи избегания содействовали поддержанию авторитета и главенствующего положения мужчины в семье, устранению конфликтов и т.п.

В.А.Панов, описывая свое путешествие по Черногорскому Приморью, отмечал, что свадебное празднество нередко длилось неделю, в нем участвовало все село. Главные участники назывались сватами (гости со стороны жениха), они сопровождали жениха и невесту. «В Ластве (племя Паштровичей в Черногорском Приморье) по словам моего хозяина, – пишет Панов, – бывало до 100 сватов; но теперь запрещено иметь более 25»¹⁰⁰.

Обязательными действующими лицами свадебного ритуала были старший сват и деверь (*дружка*)¹⁰¹. Старший сват провозглашал за столом здравицы – 7 тостов¹⁰². «На свадьбе в Черногории, – пишет Ковалевский, – все пируют, кроме бедной невесты, которая обречена на самую страдальческую роль со времени выхода из-под отчего крова до заключения брака. В течение этого времени двое дружек мужского пола не покидают ее ни на минуту: они мучители и благодетели ее; для нее припрятают они тайком за обедом несколько лакомых кусков, потому что здесь почитается величайшим бесчестием для невесты, если кто увидит, что она изволит кушать; бедная не смеет сесть, и усталая и голодная, мучимая другими потребностями, она не имеет покоя даже ночью; неотлучные ее дружки разделяют с нею девичье ложе! Этот странный обряд ведет иногда, хотя очень редко, к преступлению. Правда, дружки большею частью избираются из родственников, но с тем вместе из молодых и неженатых; правда и то, что они почитаются родными братьями жениха во все время своей службы при ней, и преступление совершенное ими, наказывается как бы оно было сделано родными братьями...»¹⁰³.

Мы не случайно привели столь подробное описание. Оно дает возможность показать, что в роли дружек нередко выступали девери (братья жениха). Их вступление в половые сношения с невестой трактовалось как нарушение норм обычного права и потому часто наказывалось. Это было проявлением института снохачества, по существу являвшегося пережитком группового брака¹⁰⁴. Вообще же институт снохачества довольно широ-

ко бытовал в Черногории, Герцеговине и Сербии в XIX в. и даже начале XX в.

Итак, в семейном быту югославянских народов, как свидетельствуют российские источники первой половины XIX в., сохранялись многочисленные институты и нормы, возводящие в ранг закона (по обычному праву) неполноправие женщины: избегание, снохачество, умыкание.

Тургенев, Липранди, Венелин, Боричевский, Попов и другие ученые обращали внимание на широкое бытование одной из форм заключения брака – обычая умыкания невесты (*отмица*) у сербов и черногорцев. Говоря об архаичности обычая умыкания невесты, Тургенев считает, что «...обыкновение посылать двух передовых, которые возвещают в доме жениха, что невеста уже едет» осталось с тех времен, когда славяне были в полудиком состоянии и похищали своих жен¹⁰⁵. В действительности же обычай умыкания невест распространен не только у славян, но и многих других народов мира. Умыкание было одной из форм заключения брака и существовало наряду с браками по сговору¹⁰⁶. В случае несогласия родственников невесты или невозможности заключения брака вследствие экономического положения семьи, жених прибегал к ее похищению. Причиной умыкания часто была бедность крестьянина, который не мог уплатить *откупнину* (выкуп) и дать *мираз* (приданое). Поэтому Карагеоргий запретил похищение невест, а «священника, венчавшего украденную невесту, приказывал расстричь, а кума, деверя и старого свата сечь розгами, а прочим отмиচারам отлепить по 50 палок»¹⁰⁷. По свидетельству Боричевского и Венелина, умыкание могло осуществляться силой или по уговору с невестой. Как отмечает Попов, со временем введения Законником Петра I Негоша (1798 г.) строгих наказаний за умыкание невесты, особенно распространенных у черногорцев Брды, резко сократилось число умыканий¹⁰⁸.

Несмотря на все законодательные акты, запрещавшие умыкание невест, молодежь все же охотно совершала их. Венелин указывает, что на похищение шли, как на войну. Часто оно приводило к кровопролитию, целое селение бралось за оружие и спешило на помощь родственникам невесты. Если похитителям удавалось увезти невесту, все село считалось опозоренным, но еще более пристыженными оказывались *отмиচারы* (похитители – М.К.) в том случае, если они возвращались без невесты¹⁰⁹. Венчание совершалось тайком, в хижине пастуха, или под тенью бука.

Священника приводили насильно. После венчания похитители делали все, чтобы получить прощение родителей. Если это им не удавалось, то дело переносилось в суд. Первый вопрос, задаваемый судьей был: волей или неволей девушка покинула родительский дом? Если она отвечала, что неволей и что не хочет жить с этим человеком, то похититель попадал в тюрьму, и должен был уплатить большой штраф родителям девушки. Но если новобрачная, как случалось большей частью, отвечала: «ја ћу за ним и у гору и у воду» (пойду за ним и в лес и в реку – М.К.), то тогда отмицары дарили подарок судье и примирялись с родными невесты¹¹⁰.

Объем книги не позволяет останавливаться на всех деталях ритуала сербской свадьбы, наиболее подробно описанного Ю.И.Венелиным, с локальными различиями в Сербском княжестве, Бачке, Среме, Боснии. В его архиве и статье «Сербская свадьба» содержится подробнейший материал о комплексе традиционных свадебных действий: засылании сватов, приглашении гостей на свадьбу, об участниках «свадебного поезда», выдаче невесты жениху, встрече ее в доме жениха, свадебном застолье, одаривании жениха и невесты и одаривании ими родственников жениха и сватов. Изложение Венелина сопровождается образцами обрядового фольклора. Ученый не случайно выбрал объектом изучения именно сербскую свадьбу, так как считал, что в семейной жизни сербов в наименее «искаженном виде» выражались народные понятия славян о браке и о положении женщины. Кроме того, сербские свадебные песни «несут на себе печать глубокой древности», они «выразительны, живописны и драматичны»¹¹¹, – писал он.

Итак, российские публикации и архивные материалы первой половины XIX в. содержали интересный материал, связанный с традиционными свадебными обычаями у югославянских народов. Естественно, что они не могли представить все многообразие обычаев и обрядов, связанных со вступлением в брак. Упомянув насильственное (*права отмица*) и договорное (*договорна отмица*) умыкание невесты, российские источники, например, не фиксировали существование третьего вида умыкания – *привидна отмица* (кажущаяся, обманчивая), практически ничего не писалось о регламентации круга лиц, которые могли заключать между собой браки, о ритуалах подготовки жениха и невесты к свадьбе, обычаях, сопровождавших перевоз имущества невесты в дом жениха и др.

Обрядность, связанная с рождением ребенка, также привлекала внимание российских ученых первой половины XIX в.

Выше мы уже отмечали универсальность этнографической программы П.И.Прейса, составленной им для изучения югославянских народов. Его не случайно интересовали и обряды, окружавшие рождение ребенка, ибо они давали возможность установить близость югославянской обрядности этого цикла с русской, отделить традиционные народные черты от позднейших наслоений, привнесенных, в частности, церковью, выявить роль поверий и т.д. В самом деле, интересны были поставленные им вопросы о выборе имени ребенку, а также поверий о его будущем (родился «в сорочке» (*кошульице*), ясновидении (*видовит*), об обряде первой стрижки волос (*шишање*, *шишано кумство*), о крестинах как празднике, об обычае кумовства (*кумство*, *ботриње*). Прейс задавал и вопросы о том, насколько был распространен обряд посещения родильницы соседями (*бабиње*), благословения ребенка, насколько сохранились народные песни, сопровождающие эти обряды и т.д.¹¹².

В записных книжках Прейса сохранилась запись на сербско-хорватском языке, касающаяся обряда крещения ребенка, полученная, вероятно, от информатора в окрестностях г.Сень (нередко в своих записных книжках Прейс указывал конкретные имена информаторов и место, где он эти сведения получил). «Когда рождается ребенок, тогда ищут кума или куму, ребенка несут в церковь, поп его крестит, и с ребенком возвращаются домой. После этого едят любое, что есть в доме. А в следующую неделю држе се ботриње¹¹³, т.е., если ребенок крещен, то все присутствующие на торжестве приходят на ботриње. Каждый мужчина приносит по фляге вина; замужние женщины приносят хлеб, сыр и масло, а девушки – печенье. На вторые ботриње приходит кум с кумой и близкие родственники. Приносят то же самое, только печенье не приносят. Кума приносит полную корзину хлеба, яиц и масла, в руке несет бутылку вина»¹¹⁴.

Традиционные нормы обычного права югославян предписывали обязательное посещение роженицы и ребенка родственниками и соседями, что как бы символизировало принятие новорожденного в родственной и соседский коллектив. Корни этого обычая (*бабиње*) связаны, очевидно, с семейно-родовыми пережитками и общинным устройством¹¹⁵.

Посещения роженицы, как указывает Липранди, в Сербии длились семь дней после рождения ребенка. Приходящие к ней родственники и соседи приносили еду и подарки новорожденному, веселились, пели и т.п. Часто они собирались вечером и сидели целую ночь (особенно третью и седьмую ночь). Это называлось *чувати бабиње*, т.е. беречь младенца, так как в простонародье бытовало мнение, что тот, кто плохо сбережен на бабиње, будет глупым. Никто из гостей во время этой ночи не смел заснуть, а если это случалось, то его мазали углем, пришивали к платью лоскутья и пр.¹¹⁶

В заметках Прейса находим сведения (правда они носят отрывочный характер), относящиеся к разным этапам цикла обычаев, связанным с рождением ребенка – это и поверья и обряды первой стрижки и многое другое. Так, он отмечает, что «...когда дитя родится на божий (рождество – М.К.), то это несчастное дитя – не приносит урожай (нема беричета)». В Хорватии Прейс слышал, например, что «рожденный в сорочке (*gubačica*) не поразим пулей»¹¹⁷. «Стригут ребенка в 8 или 9 лет, его стрижет кум, крестивший его, дома кум должен дать подарок (дукат), кума – рубаху и т.д. Попа не бывает»¹¹⁸. По всей вероятности, этот обычай Прейс наблюдал в сербских землях. Обычай первой стрижки ребенка описывал В. Караджич в своем «Сербском словаре». Он писал, что кумовство по постригу – это когда кум уже подростку ребенку стрижет волосы. Разъясняя этот обычай, Караджич предполагает, что кумовьями могли стать и люди разных религий. При наличии искусственного родства – кумовства, которым могли быть связаны две семьи, между членами этих семей запрещались браки, как между фактическими родственниками¹¹⁹.

Связь обычая первой стрижки (инициации) с кумовством, которому югославянские народы придавали большое значение, приравнивая его к кровному родству, свидетельствует о том, что ему отводилась важная роль в комплексе магических действий, направленных на обеспечение здоровья и благополучия ребенка.

Ответы на вопросы, поставленные Прейсом в связи с циклом родильных обычаев и обрядов, находим и у Венелина. Он отмечал, например, что в Среме сербы обычно крестили ребенка только на втором или третьем году жизни. Родители часто не спешили с крещением потому, что им требовалось время для приготовления крестинных пиршеств. Нередко случалось, что в ожидании лучших обстоятельств семья увеличивалась – рождался еще один или даже два ребенка, и тогда родители устраивали крестины и

пир сразу для всех детей. «Родители, – отмечал Венелин, – дают детям своим названия славянские, в выборе коих руководствует их родительское сердце. Такие, например, как Драгойло, Милош... и проч. Девочкам: Милица, Ягода или Цветка – Цвета, Ружица и проч. Реже дают они детям календарные имена, однако переделывая их: Аксентий, Васа, Митар... и проч.»¹²⁰. Как и у всех славян добавляет Венелин, одним и тем же именем могут быть названы и мужчины и женщины: Милан – Милана, Драган – Драгана.

Для реконструирования некоторых элементов родильной обрядности интересна работа И.И.Срезневского «Роженицы у славян и других языческих народов»¹²¹. В ней, опираясь на древние памятники письменности и народные предания, он указывает, что среди дохристианских поверий у славян, и, в частности, у югославянских народов, одно из важных мест занимает верование в предсказательниц судьбы – рожениц (*ројенице*, *рођенице*). Срезневский отмечает, что у югославянских народов широко была распространена вера в судьбу, которая будто бы предохраняла ребенка в первые дни жизни. Роженицы являлись к ребенку тотчас после его рождения. В Истрии, например, по наблюдениям Прейса и Срезневского, им приносили к пещере, где они якобы обитали, хлеб, «но клали его не руками, а чем-нибудь, иначе ројенице не берут его». «Хорутанские словенцы не только в Нижней Крайне, но и в Каринтии, а вероятно, и в других краях, – пишет Срезневский, – остаются при уверенности, что всякий человек, как только родится, получает себе звезду на небе и свою ројеницу на земле, которая прорекает ему судьбу». Существовало поверье, что как только рождался ребенок, две ројенице входили в избу и определяли судьбу младенца; их видела иногда мать ребенка. Эти «девы жизни» у словенцев Верхней Крайны назывались чистыми или белыми женщинами (*чисте*, *беле жене*, *деклице*). В Зильской долине (западная Каринтия) их называли *желкиње* или, как писал С.Враз, *желне жене* от «желити» (желать, заботиться). В других словенских областях они назывались *живицами* – девами жизни или *судицами* – девами судьбы¹²². Ројенице были почитаемы, считались помощницами при родах, приносящими счастье новорожденному. С почитанием ројениц было соединено и верование о влиянии звезд (счита-

ли, что можно родиться под счастливой и несчастливой звездой), а также искусство отгадывать будущее человека по звездам¹²³.

Цикл обычаев и обрядов, связанных со смертью и захоронением человека в трудах российских ученых носит настолько фрагментарный характер, что вряд ли целесообразно на них останавливаться.

Источники, касающиеся семьи и семейной обрядности югославян в рассматриваемый нами период, дают возможность реконструировать утраченные ее рудименты, восстановить архаические черты, выявить этническое своеобразие традиционной обрядности югославянских народов.

Календарные обычаи и обряды югославянских народов

Календарные обычаи и обряды югославян также вызывали большой интерес отечественных ученых первой половины XIX в., так как в них отчетливо прослеживались остатки древнейших дохристианских культов.

Неслучайно множество вопросов в этнографической программе П.И.Прейса было связано с календарной обрядностью, например с Рождеством (какие существуют народные названия праздника Рождества, есть ли поверья, что в этот день встречаются лето и зима, гадают ли в сочельник, название, время, продолжительность праздника, обрядовый фольклор, пляски, способ празднования, народный календарь и т.д.)¹²⁴.

В русской журналистике 40-х гг. появляются интересные статьи, посвященные народному календарю зарубежных славянских народов¹²⁵. В них, в частности, в статье Д.И.Языкова «О словенорусских и вообще о словенских названиях года, месяцев, недель, недельных дней и годовых времен», в сравнительном плане приводятся названия месяцев, времен года и т.п. Подчеркивается, что название месяцев у югославянских народов были связаны с циклом сельскохозяйственных работ и с явлениями природы: апрель у сербов и хорватов – травань (*travanj*), а также употреблялось и название джурджевац (*Ђурђевац*) по дню св.Георгия, у хорватов июль – серпень (*srpenj*), сентябрь – руйан (*rujan*), у сербов июль – жетвар и т.д.¹²⁶.

Центральное место в материалах российских ученых, содержащих сведения о календарной обрядности, отводилось комплексу основного зимнего праздника – Рождеству и предшествующему ему сочельнику, которые отмечали все югославянские народы, как и другие народы, исповедующие христианство. В путевых заметках и трудах Прейса, Срезневского, Венелина, Попова, Боричевского и др. встречаем подробные описания сочельника (*бадњи дан*), Рождества (*божић*) и связанных с ними магических обрядов¹²⁷. Значение всех зимних календарных обычаев и обрядов – обеспечение благосостояния семьи на целый год и благополучия ее членов.

Перед Рождеством у сербов и других югославянских народов был шестинедельный пост, соблюдавшийся весьма строго, так что сербы по пятницам, например, не ели даже рыбы. Разговлялись они обычно годовалым поросенком, который заблаговременно выбирался и откармливался. Бедные, не имевшие поросенка, не стыдились получить его в подарок от богатых. Последние же кроме поросенка жарили и овцу. Сербы называли это *печеница*, черногорцы – *пециво*. Пециво приготавливали на целую неделю, иначе считалось, что не будет плодородия скоту. Свинью закалывали накануне сочельника, и этот день назывался днем убоя (*туцин дан*). Часто ее жарили в лесу на еловом пне¹²⁸.

Вечером в сочельник, «накануне Рождества разводили огонь свежими церовыми дровами (цер – есть особенный род дуба, имеющий кругленькие желуди...), главное полено, обыкновенно самое толстое, первым вкладывается на огнище, называется *бадняком*. В Сербии два или три бадняка клали в печь, они обязательно должны были быть срублены в сочельник. Когда начинало смеркаться, хозяин дома вносил их в избу и клал в печь, зажигал рождественские поленья с двух концов. Входя с бадняком в избу, хозяин приветствовал всех следующими словами: «Добар вечер и честит вам бадњи дан» (добрый вечер и поздравляем вас с днем бадняка), а из мужчин семьи кто-либо посыпал хозяина зерном и отвечал: «Дао ти бог добро сретни и честити» (дай бог тебе счастья и благоденствия)¹²⁹. Или «ја тебе пшеницом, а ти мене мушким главама, стоком и печеницом и сваком добром срећом» (я тебя посыплю пшеницей, а ты мне пожелай мужского потомства, скота, еды и всякого счастья – М.К.). В Черногории после того, как бадняк клали в печь, всех домочадцев обходила круго

вая чаша вина, и каждый, прежде чем отпить его, выливал немного содержимого на бадняк, приговаривая «буди здрав здравльаче – весельчаче, с великом и добром срефом у куфу улега» (будь здоров бадняк –весельчак, большое счастье неси в дом – М.К.)¹³⁰. По мнению современных югославских ученых, обозначение бадняка у черногорцев как весельчака возможно было связано с культом луны, поскольку бадняк шли срубать на рассвете или ночью. В Черногории во время новолуния обращались к луне со словами: «Здрав здравльаче – весельчаче...» (будь здоров веселый месяц...); весельчак, по народному верованию, тот, кто приносит радость и веселье¹³¹. Рождественское полено лежало в печи и тлело шесть дней до самого Нового года¹³². «В Герцеговине, где дома велики, бадняков привозят на 6 или 8 волах, – пишет Венелин, – ввозят в домовые ворота, сбрасывают в самую избу, и воз выводят в другие ворота. На другой день (в Рождество) утром собирают головни, и выбрасывают в сад на какую-либо молодую сливу или яблоню. Итак, когда к вечеру внесли в избу бадняки, и развели ими огонь, то хозяйка дома вносит соломы, кудахча подобно курице (за нею дети, попискивая подобно цыплятам), и расстилает ее по всей избе... После ужина поют и веселятся»¹³³.

В Черногории, например, рождественское полено украшали венком и поливали маслом и вином, посыпали горстью соли и муки, что означало жертвоприношение бадняку, которое должно было способствовать успеху сельскохозяйственных работ в будущем году. От бадняка зажигали свечи и лампаду перед иконами, и глава семьи читал молитву о благоденствии семьи и всех односельчан. Затем мужчины выходили в горы и кричали «Христос се роди!», стреляли из ружей. Возвратившись домой, они садились за стол, на котором стелилась солома, а посередине было положено три хлеба один на другой, в верхний хлеб была воткнута ветвь с апельсином или яблоком. Перед мужчинами клали лук со стрелой, вылепленной из хлеба¹³⁴. Недогоревшему бадняку приписывалась могучая сила плодородия, и поэтому тушение его и вынос из дома сопровождалось разными церемониями. В Сербии, на следующий день под утро, хозяйка, отправляясь за водой, брала с собой горсть ржи, ячменя или кукурузы и бросала в колодец или ручей, на этой воде замешивался рождественский хлеб – *чесница*, в который запекали монеты. За обедом на божич (Рождество) хлеб преломляли на равные части, и тому, в чьей доле оказывалась монета, предсказыва

ли счастье¹³⁵. Стол часто покрывали вместо скатерти пустым мешком и сор из избы не выметали в течение трех дней¹³⁶. В первый день божича никто не посещал дом, кроме полажайника (*полазник*) – первого посетителя. По нему гадали, будет ли счастлива семья в следующем году. В Сербии считалось, что если приходил нищий, то быть беде. Прейс и Срезневский отмечали, что обычай прихода полажайника они наблюдали и в хорватском Приморье, но само слово полажайник там не употреблялось¹³⁷. Современный югославский ученый П.Костиц отмечает, что в Сербии, действительно, полажайником был первый, кто случайно зайдет в дом. Он считает, что этот обычай был более архаичен, чем тот, когда в роли полажайника выступал добрый приятель или специально приглашенный сосед¹³⁸. После обеда, устраиваемого в полдень, поздравляли друг друга с праздником. Каждый приносил с собой ржи, пшеницы, ячменя или другого какого-нибудь зерна и рассыпал его на пороге, приговаривая: «Христос родился! Хлеб в дому». На это кто-нибудь из домочадцев ему отвечал: «Воистину родился, печеница на столе!» – и, открывая дверь, сам осыпал входящего пшеницей. После этого полажайник подходил к полусгоревшему рождественскому полену, раздувал огонь, и, беря кочергу, сильно ударял по полену, так что искры разлетались, при этом он говорил: «Сколько искр, столько лошадей, коров с молоком и свиней с поросятами». Затем он бросал несколько монет в воду и с подарками покидал дом¹³⁹.

В Военной Границе полажайник, заходя в дом, должен был присесть и пробыть в таком положении некоторое время; иначе хозяйка будет опасаться за домашних птиц¹⁴⁰. Вероятно, в этом ритуале проявились более архаические черты в зимней обрядности югославян (иногда в роли полажайника выступал не человек, а животное)¹⁴¹. Обычай прихода полажайника постепенно стал забываться, чему в немалой степени способствовало исчезновение открытого очага, и сейчас этот обычай встречается крайне редко.

Интересный материал о праздновании Иванова дня в Хорватии встречаем в архивных путевых записках Прейса. «Накануне Иванова дня собираются парни, разводят огонь – крес. Чускија – большой кусок дерева, которым ударяют в огонь. От этого удара искры летят во все стороны». Затем заводят коло вокруг огня. При этом они поют:

<i>«Лепи Иво крес налаже на Ивањско на вечер Десном руком крес потиче</i>	<i>Красавец Иво огонь разжигает навечерие Иванова дня. Правой рукой огонь поправля- ет</i>
<i>на Ивањско на вечер С левом руком шалтву игра</i>	<i>навечерие Иванова дня. Левой рукой танец ведет</i>
<i>на Ивањско на вечер Шалтву игра, свате збија</i>	<i>навечерие Иванова дня. Танец ведет, сватов собира- ет</i>
<i>на Ивањско на вечер Назбралју једно мало на Ивањско на вечер» .</i>	<i>навечерие Иванова дня. Поболтать немного навечерие Иванова дня.</i>

На рассвете следующего дня, продолжает Прейс, пять-шесть девушек, договорившись с вечера с тремя или четырьмя парнями, отправляются с песнями по домам. «Восход солнца должен застать их у первого дома. Но прежде этого девицы в сопровождении парней (для безопасности, вроде стражи) поют песню, призывающую наступление зари:

<i>«Певци пеју, зорју зову, Зорја ли је бели дан. Станьте горе с младе ладе,</i>	<i>Певцы поют, зарю призывают, Придет ли белый день вслед за зарей. Станьте наверху с молодой девуш- кой,</i>
<i>Зорја ли је бели дан. Младе ладе, невестице, Почешете жуте ласи, Донесете ладне воде Рано, рано пред зорјом. Да назову добру срећу, Рано, рано пред зорјом. Как пошећу девојчице Рано, рано пред зорјом. Добру срећу Иванову... »¹⁴².</i>	<i>Придет ли белый день вслед за зарей. Молодые девицы, невестушки, Расчешите золотые волосы, Принесите холодной воды Рано утром пред зарей. Призовите доброе счастье, Рано утром пред зарей. Как пойдут девицы Рано утром пред зарей. Доброе счастье Иваново...</i>

После этого девушки отправляются домой, переодеваются, надевают лучшее платье. Каждый молодой человек получает конкретное задание: один собирает деньги, другой – еду. Девушки поют и танцуют коло. На Иванов день или Богоявление кропят поля святой водой. Около каждого дома процессия останавливается, чтобы спеть песню, в которой есть такие слова: «Бог помага тому двору. Вој, ладо, вој...» (Бог поможет этому дому. Ой, ладо, ой...). У господского дома поют: «Станьте горе младе госпе» (Станьте высоко молодые барышни – М.К.). А перед крестьянским домом обычно поют следующую песню, которую воспроизводит Прейс в своих записках:

<i>«Станьте горе младе ладе, Тер нам дајте, кај нас иде Сир, погачу, тикву вина, Тикву вина, два цекина. Ако не бу всега тога, Ми ћемо вам взети Најлепшега, најдражега...</i>	<i>Станьте высоко, молодые девицы, И подайте тому, кто пришел Сыр, погачу, вино в тыкве, Тыкву вина, два цехина. Если не будет всего этого, Мы у вас отнимем Самого красивого и самого ми- лого...</i>
<i>Ми га бумо даровале З једном малом хитичицом»¹⁴³.</i>	<i>И подарим ему Один маленький букетик.</i>

Далее Прейс пишет о том, что парни возвращаются с подарками, и тогда все собравшиеся поют: «Ми вам фали, Бог вам плати» (мы вас благодарим, Бог вам заплатит – М.К.). Иногда девушки раздают домохозяевам цветы. Хождение из дома в дом продолжается иногда три дня. В следующее воскресенье устраивается общий праздничный стол. Во время трапезы песни и танцы продолжаются.

Прейс указывает, что специально выбранные девушки (*прпору-ше*¹⁴⁴ или *додоле*), призванные участвовать в магическом обряде вызывания дождя, получают свою долю из собранных для праздника денег.

Из этого подробнейшего описания о праздновании Иванова дня в Хорватии видно, что Прейс лично наблюдал этот праздник (24 июня 1841 г.), так как именно в летние месяцы находился в хорватских землях, и поэтому ему удалось даже записать обрядовый фольклор, в наши дни уже утрачен-

ный. Необходимо отметить, что обряд колядования на Иванов день существовал у хорватов с середины XVIII в. и был связан с почитанием земного плодородия. И хотя, как отмечает Прейс, «обычай этот стареет», все же в XIX в. он еще имел место в Хорватии; в Белой Крайне (Словения) девушки и парни перестали ходить по домам и полям еще в первой половине XIX в.¹⁴⁵.

В работе И.И.Срезневского «Исследования о языческом богослужении древних славян»¹⁴⁶ целый раздел посвящен религиозному восприятию огня, т.е. отношению к нему, как к чему-то сверхъестественному, особым образом влияющему на жизнь человека. Огонь, как мы видим, присутствовал практически во всех главных праздниках югославянских народов. По мнению Срезневского, религиозное почитание огня стоит в центре обычаев и обрядов в сочельник (бадњи дан) и на Иванов день. Почитание огня, как возможного обиталища духов, домовых и пр., гадание огнем в сочельник, обычай креститься при разжигании огня, перепрыгивание через огонь в Иванов день, кормление чурбака (полена), который потом сжигали – все эти обряды доказывают, что с огнем было связано таинство очищения. Поэтому ему приносились жертвы. Обрядовые действия с огнем были неразрывно связаны с магией плодородия¹⁴⁷.

Обычаи, связанные с ритуальными огнями сохранялись в некоторых, преимущественно горных краях Югославии вплоть до второй мировой войны, хотя и в значительно упрощенной форме.

Российские ученые, побывавшие в югославянских землях довольно подробно описали целый ряд обычаев, народных праздников и связанную с ними обрядность, оставили, в отдельных случаях, записи обрядового фольклора. Все эти материалы, относящиеся к первой половине XIX в., безусловно, значимы, так как позволяют проследить устойчивость многих дохристианских обычаев и верований или их постепенную утрату. Они могут помочь нам реконструировать эволюцию обрядов и фольклора от прошлого к современности.

¹ См.: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979. С. 10-18, 82, 109-125, 148-159.

² В современной югославской литературе о Черногории термин *задруга*, т.е. по принятой нами терминологии сложная многолинейная семья, не употреб-

ляется; применительно к этому типу семьи бытуют термины «дом» (*кућа*), реже – семейная община (*велика породица*). См.: **Ђурић-Боге-мић Љ.** Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титоград, 1966. С. 34-35.

³ См. Глава I. С. 38-41.

⁴ Санковский С.А. – Чарторьскому А.А. 24.XI/ 5.XI 1805 г. Цит. по публикации **Достян И.С.** Описание Черногории начала XIX в. в донесениях Санковского // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972. С. 297-298.

⁵ Ковалевский, видимо, имеет в виду некоторые географические карты Черногории, изданные в странах Западной Европы. – **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. С. 1.

⁶ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² См. материалы дискуссии: Етногенеза црногораца и марксистичко одређење нације // Пракса. Титоград, 1981. Бр. 4. С. 7-237.

¹³ **Петровић Р.** Волунтаризам и производност // Пракса... С. 23-31; **Рађњатовић Н.** Тенденциозно манипулирање изворима // Пракса... С. 197-200.

¹⁴ **Вујовић Д.** О етногенези црногораца и марксистичком одређењу нације // Пракса... С. 57-85; **Коматина М.** Критички осврт на приступе и схватање о етногенези Црногораца // Пракса... С. 201-224.

¹⁵ **Кулишић Ш.** О етногенези Црногораца. Титоград, 1980; **Никчевић В.** О неким питањима етногенезе Црногораца // Пракса...С. 91-100; **Ротковић Р.** Шта нам нуди грађанска наука // Пракса... С. 113-124. Разумеет се, свака из ових тачака гледишта има и додатне нюансе.

¹⁶ **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 141-142.

¹⁷ Там же.

¹⁸ **Аксаков К.С.** О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности // Московский ученый и литературный сборник. М., 1852. Т. I. С. 98.

¹⁹ **Ровинский П.А.** Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888. Т. 2. Ч. I. С. 135-136.

²⁰ **Цвијић Ј.** Балканско полуострво... С. 363.

- ²¹ **Шобаић П.** Бјелопавлићи. Београд, 1923. С. 257.
- ²² **Боричевский И.** Черногория // Маяк современного просвещения и образованности. Спб., 1841. Ч. 23. С. 24. Эта и другие статьи Боричевского позднее вошли в сборники: «Повести и предания народов славянского племени». Спб., 1840 (Ч. 1), 1842 (Ч. 2) и «Народные славянские рассказы». Спб., 1844.
- ²³ **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С. 129.
- ²⁴ «Кто вздумает продать какое бы то ни было недвижимое имущество, то прежде должен спросить при свидетелях родственников, не хотят ли они купить, потом смежных соседей.... Если они откажутся, тогда он может продать кому хочет из своего села или племени... Если состоится продажа, то должна быть при трех свидетелях заключена купчая с подписанием года, месяца, числа и уплаты денег». Цит. по книге: **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С. 157. Ср.: **Ровинский П.А.** Черногория в ее прошлом и настоящем. Спб., 1897. Т. 2. Ч. I. С. 154-157.
- ²⁵ **Лауровский П.А.** Черногория и черногорцы // Беседа. М., 1871. № 11. Первоначально текст статьи читался в Варшаве на публичных лекциях.
- ²⁶ **Лауровский П.А.** Черногория ... С. 214-215. Современные югославские этнологи тоже отмечают, что в XIX и начале XX в. в Черногории в рамках селений существовали братства, представляющие собой «крепкие социальные группы, в которых развивалась деятельность в области экономической, социальной и идейной жизни черногорского крестьянина». Братства в Черногории, как и задруги в Сербии в большинстве своем экзогамны, черногорские братства (патронимии) иногда включали в себя несколько сложных и простых семей, связанных узами кровного родства или преданиям об общем предке. **Ђурић-Богетић Љ.** Комунице у Црној Гори... С. 80.
- ²⁷ В приложении к своей книге Попов впервые помещает полный оригинальный текст Законника и завещания владыки Петра I Негоша. 16 статей Законника касались кровной мести и других преступлений. **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С. 281-306. Глава V. Судебник Черногорский.
- ²⁸ **Попов А.Н.** Путешествие... С.159.
- ²⁹ **Ковалевски Е.П.** Четыре месяца... С. 91, 92.
- ³⁰ Там же. С. 90-95; Ср.: **Чижов Ф.В.** Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации 1843 г. // Москвитянин. М., 1845. Ч.IV. № 7-8; анонимная статья «Черногория и черногорцы» (перевод с нем яз.) // Военный журнал. Спб., 1852. № 1. С. 27.

- ³¹ **Надеждин Н.И.** Черногорцы. Из воспоминаний путешественника // Утренняя заря. Альманах. СПб., 1842. Год IV. С. 242.
- ³² **Лавровский П.А.** Черногория и черногорцы... С. 215.
- ³³ Там же. С. 215-216.
- ³⁴ Там же. С. 216-217.
- ³⁵ Ср.: РГИА. Ф. 673 (**Липранди И.П.**). Ед хр. 147. Л. 90-91 (Статья *Крвнина*).
- ³⁶ **Лавровский П.А.** Черногория и черногорцы... С. 216-217.
- ³⁷ Там же. С. 217. Ср.: Славянские земли Турции и Австрии в 1859 г. // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т.158. № 3-4.
- ³⁸ **Ровинский П.А.** Черногория... СПб., 1901. Т. 2. Ч. 2. С. 400-436.
- ³⁹ Упоминания об обычае посестримства в российских источниках встречаются крайне редко.
- ⁴⁰ Ср.: Описание обычая побратимства у морлаков: Из Парижа в Черногорье. Путевые заметки К. Мармье // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т.124. № 3-4. С. 36; П.И.Прейс в своем дневнике помечает: «В Сербии списать молитву, когда братимятся». – ПФ ААН. Ф.106. Оп.1. Ед хр. 49. Л.1. В пункте 109 его программы значится: «Где известен обычай побратимства, быть может, он связан в Сербии с какими-нибудь церковными обрядами?» // ЖС. СПб., 1898. Вып. 3-4. С. 348-349.
- ⁴¹ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 21.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ **Надеждин Н.И.** Сербская словесность // Телескоп. М., 1832. Ч. 9. Кн. 12. С. 519-520.
- ⁴⁴ **Бессонов П.А.** (1828-1898) филолог, этнограф, собиратель народных песен, ученик Бодянского.
- ⁴⁵ **Бессонов П.А.** Эпос сербский и болгарский во взаимном отношении, историческом и топографическом. М., 1855. С. 121-122; Ср.: **Караџић В.** Српски рјечник... Београд, 1935. С. 528.
- ⁴⁶ **Караџић В.** Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957. С. 259, 260; **Бессонов П.А.** Эпос сербский и болгарский... С.122.
- ⁴⁷ В российских источниках этого периода термин *задруга* практически не употреблялся. Вместо него использовались термины *фамилия*, *куча (дом)*, *частная община*, *большая семья* и др.
- ⁴⁸ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Пг., 1915. С. 76.
- ⁴⁹ **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей. Одесса, 1842. С. 22.

- ⁵⁰ Там же. С. 95. Ср.: Пограничная славянская линия Австрийской империи. (Перевод с нем яз.) // ЖМНП. СПб., 1844. Ч. XII. № 4-6. С.129-130.
- ⁵¹ См., **Кашуба М.С.** О некоторых проблемах семьи у сербов // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы. М., 1987. С. 53.
- ⁵² **Надеждин Н.И.** Род Княжевичей... С. 95.
- ⁵³ Статья представляет собой перепечатку труда В. Караджича «Географическо-статистическо описаније Србије». (Даница, 1827) // ВЕ. СПб., 1827. № 17.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 439. Оп.1. Ед. хр. 6. Л. 63.
- ⁵⁵ Цит. по: **Козьменко И.В.** Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по югославянским землям...» С. 230.
- ⁵⁶ **Гильфердинг А.Ф.** Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии... С. 374; Ср.: **Раевский М.Ф.** Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП.СПб., 1850. № 7-9.
- ⁵⁷ **Миличевич М.** Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // РБ. М., 1858. Год.3. Кн.11. Эта статья представляет собой выдержки из труда М.Миличевича. «Преглед задружног стања срба сельака». Београд, 1857.
- ⁵⁸ Семейная община у южных славян по книге г. Утешеновича. Рец. на книгу: Die Hauscommunion der südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker-und Familieverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes, Von og. M. Utesenovic. Wien, 1859 // РБ. М., 1859. Кн.16. Год 4. С. 1-32.
- ⁵⁹ См., например, статью: **Клун В.** Словенцы // РБ. М., 1857. Т. 3. С. 89.
- ⁶⁰ **Лавровский П.А.** Коренное значение в названиях родства у славян // ЗАН.СПб., 1867. Т.12. № 2.
- ⁶¹ **Крюков М.В.** Системы родства китайцев. М., 1972. С. 12.
- ⁶² **Лавровский П.А.** Коренное значение ... С. 45,46.
- ⁶³ Там же. С. 53.
- ⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 86 (**Григоревич В.И.**). Ед хр. 2/39. Л. 31. (Славянские древности).
- ⁶⁵ Деятельность Ю.И. Венелина (1802-1839), историка, филолога и этнографа связана с зарождением русской этнографической славистики середины 30-х гг. XIX в. Славистические интересы Венелина складываются во время его учебы в Львовском университете и главным образом в Кишиневе и Москве. Занимается он преимущественно историей и культурой болгар. В 1830 г. на средства Российской Академии наук Венелин посещает Болгарию. В юго-

славянских землях он не был, но можно предположить, что его описание сербских семейных и календарных обычаев и обрядов, записи сербского фольклора, которые входят в его труды «О характере народных песен у славян задунайских» (М., 1835), и «Древние и нынешние болгаре. Историко-критические изыскания. Словене» (М., 1841. Т. 2.) были составлены на основе тесных личных знакомств ученого с сербами во время его проживания в Кишиневе в начале 20-х гг., а также в период пребывания в Болгарии. Этнографические зарисовки о сербах также содержатся в его архивных материалах 30-х гг. XIX в.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 49 (**Венелин Ю.И.**). Оп. I. Ед хр.48. Л.1 об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Подробнее см.: **Керимова М.М.** Праздник Славы у народов Югославии в этнографической литературе // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. М., 1990. Вып II. С. 61-74.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 86 (**Григорович В.И.**). Оп. I. Ед хр. 2/39. Л.115.

⁷⁰ **Срезневский И.И.** Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.

⁷¹ Там же. С. 63; Елагин В.А. записал славские здравницы в племени паштровичей в Черногории. ОР РГБ (**Елагин В.А.**). Ф. 99. Картон. 1. Ед хр. 4/1. Л. 20.

⁷² **Гильфердинг А.Ф.** Босния в начале 1848 г... С. 450.

⁷³ Статьи анонимных авторов: Пограничная славянская линия Австрийской империи // ЖМНП. СПб., 1844. Ч. 42. № 4-6. С. 175; Общественный и домашний быт сербов // ЖМНП. СПб., 1856. Ч. 90. № 4. С. 95.

⁷⁴ **Панов В.А.** Путешествие по землям западных и южных славян. Ч.1. Которский округ в Далмации... С. 11.

⁷⁵ Там же. С.11-12; Ср.: **Гильфердинг А.Ф.** Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии... С. 90.

⁷⁶ Общественный и домашний быт сербов // ЖМНП. СПб., 1856. Ч. 90, № 4. С. 93.

⁷⁷ Ср.: **Шихарева (Кашуба) М.С.** Сельская община у сербов в XIX начале XX в. // Славянский этнографический сборник. М., 1960.

⁷⁸ **Миличевич М.** Сербская община // РБ. М., 1859. Год. IV. Кн. 18. № 6.

⁷⁹ **Срезневский И.И.** Хорутанская песня из Зильской долины // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1852-1856. Тетр. 2. С. 125-128.

- ⁸⁰ ОР ГБЛ. Ф. 231 (**Погодин М.П.**). Оп. I. Ед хр. 42/4. Л. 5. Ср.: описание Славы (панагора) у **Гильфердинга А.Ф.** – Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии... С. 118-120.
- ⁸¹ **Сретькович П.** Гора Космай // Русский вестник. М., 1858. Т. 21. Кн. 5-6. С. 99.
- ⁸² **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса // ЖС. СПб., 1898. Вып.3-4. С. 349-350.
- ⁸³ **Срезневский И.И.** Песня черногорцев перойских // Изв.ОРЯС. СПб., 1853. Т. II. С. 243. Подробнее о перойцах см. гл. II.
- ⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 436 (**Срезневский И.И.**). Оп. I. Ед хр. 474 б. Л. 18 об.
- ⁸⁵ ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.1. Ед. хр. 262. Л.14.
- ⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. I. Ед хр. 474 б. Л.18 об.
- ⁸⁷ ПФ ААН. Ф. 106. Оп. I. Ед хр. 53. Л. 2.
- ⁸⁸ Там же. Ед хр. 264/6. Л.133.
- ⁸⁹ ПФ ААН. Ф. 106. Оп. I. Ед хр. 264/6. Л. 45
- ⁹⁰ Вероятно, имеется в виду *лавитина* – белый дикий виноград.
- ⁹¹ Аналогичный материал о свадьбе у морлаков приведен К.Мармье: **Мармье К.** Из Парижа в Черногорье // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т.124. № 3-4. С. 30.
- ⁹² **Срезневский И.И.** Жумборские ускоки // Денница. Варшава, 1843. Ч.1-3. С. 115-116. Ср.: **Срезневский И.И.** Описание свадьбы у влахов Истрии. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. I. Ед хр. 36. Л. 7.
- ⁹³ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. I. Ед хр. 36. Л. 34-37 об. Ср.: **Клун В.** Словенцы // РБ. М., 1857. Т.3. С. 90-91.- Здесь Клун описывает аналогичный обычай в окрестностях Рибеки.
- ⁹⁴ **Срезневский И.И.** Об обожании солнца у древних славян // ЖМНП. СПб., 1846. Ч. 51. № 7-9. С. 45.
- ⁹⁵ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 33.
- ⁹⁶ Там же. С. 34. То же самое пишет **Боричевский И.** Черногория.... С. 27.
- ⁹⁷ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 35.
- ⁹⁸ Ср.: **Кашуба М.С.** Народы Югославии. // Брак... С. 87.
- ⁹⁹ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 34.
- ¹⁰⁰ **Панов В.А.** Путешествие по землям ... С. 28.
- ¹⁰¹ **Лаеровский П.А.** Коренное значение... С. 72.
- ¹⁰² **Панов В.А.** Путешествие по землям... С. 28; Ср.: **Боричевский И.** Черногория... С. 27.

- ¹⁰³ **Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории... С. 36,37; И.П. Липранди также указывает, что в Сербии «деверь спит с невестой прежде венчания». – РГИА. Ф. 673. Ед хр. 144. Л. 8.
- ¹⁰⁴ **Пантелић Н.** Снахачество у Србји // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1973. Књ. 36. С. 33-42; его же. Женитбени обичаје код словенских народа // Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1977. Књ. 41. С. 209.
- ¹⁰⁵ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Пг., 1915. Вып. 4. С. 54.
- ¹⁰⁶ См.: **Кашуба М.С.** Народы Югославии // Брак... С. 95.
- ¹⁰⁷ ОР РГБ. Ф.49 (**Венелин Ю.И.**). Ед хр. 51. Л. 33 об.; его же. Сербская свадьба // Телескоп. М., 1836. Ч. 31. № 1-4. С. 567.
- ¹⁰⁸ **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С. 162.
- ¹⁰⁹ ОР РГБ. Ф.49. Ед хр. 51. Л.33-36. Сличение этого текста из архива Венелина Ю.И. и текста, посвященного сербской свадьбе в его же книге «О характере народных песен славян задунайских» (М., 1835. С. 32-39) с текстом анонимной статьи «Сербская свадьба», помещенной в журнале «Телескоп» за 1836 г. (Ч. 31. № 1-4. С. 563-573), дает возможность утверждать, что авторство этой статьи принадлежит Ю.И.Венелину.
- ¹¹⁰ ОР РГБ. Ф. 49 (**Венелин Ю.И.**). Ед хр. 51. Л. 33 об.; И.П. Липранди указывает, что в Сербии девушку, которая убежала к своему жениху, называли *добеглица*. Она прибегала прямо в дом к жениху, который отводил ее к своим родственникам, а оттуда в церковь.
- ¹¹¹ **Венелин Ю.И.** Сербская свадьба... С. 565.
- ¹¹² **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И. Прейса... С. 348-349.
- ¹¹³ Ботриње – приход крестных к ребенку.
- ¹¹⁴ ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп. I. Ед хр. 264/6. Л. 45. (Перевод мой М.К.).
- ¹¹⁵ **Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.** Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 201.
- ¹¹⁶ РГИА.Ф. 673. Ед хр.140. Л.10.
- ¹¹⁷ ПФ ААН. Ф.106. Оп. I. Ед хр.140. Л.10.
- ¹¹⁸ ПФ ААН.Ф.106. Оп. I. Ед хр. 53. Л. I
- ¹¹⁹ **Караџић В.** Српски рјечник. У Бечу, 1852. С. 315; **Иванова Ю.В.** Родственные объединения на западе балканского полуострова в их позднейших вариантах в XIX- XX вв. М., 1966. С. 2.
- ¹²⁰ РО РГБ.Ф. 49 (**Венелин Ю.И.**). Оп. I. Ед. хр. 48 (О нравах и обычаях сербов. Крещение).

- ¹²¹ **Срезневский И.И.** Роженицы у славян и других языческих народов. М., 1855.
- ¹²² Там же. С. 12.
- ¹²³ Там же. С. 11-12.
- ¹²⁴ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И. Прейса... С. 352-355 (пункты этнографической программы № 74-99).
- ¹²⁵ Статьи о народном календаре см.: сборник «Славяне» // Коллекция М.Д.Хмырова. Т. 5. – Хранится в Государственной публичной исторической библиотеке (г. Москва).
- ¹²⁶ **Языков Д.И.** О словенорусских и вообще о словенских названиях года, месяцев, недель, недельных дней и годовых времен // Труды Российской Академии. СПб., 1840. Т. III; Хронология славянских племен до принятия христианской веры. 1840 г. // Коллекция М.Д.Хмырова. Государственная публичная историческая библиотека (г. Москва).
- ¹²⁷ Подробно о магических действиях, поверьях и гаданиях в дни зимних праздников см. например, статью: **Кашуба М.С.** Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 243-266.
- ¹²⁸ Новогодние обычаи у сербов. Анонимная статья русского автора // Москвитянин. М., 1856. Т. I. № 2. С. 167.
- ¹²⁹ ОР РГБ. Ф. 49 (**Венелин Ю.И.**). Оп. I. Ед хр. 49. Л. 37., 37 об. (О нравах и обычаях сербов. Божич и Рождество).
- ¹³⁰ Там же. Л. 37 об.
- ¹³¹ **Костић П.** Годишњи обичаје у Титовоужичком, Пожешком и Косјеричком крају // Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1984. Књ.48. С. 315.
- ¹³² **Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию... С. 223.
- ¹³³ ОР РГБ. Ф.49 (**Венелин Ю.И.**). Оп. I. Ед хр. 49. Л. 37, 37 об.
- ¹³⁴ **Боричевский И.** Черногория... С. 30.
- ¹³⁵ Новогодние обычаи сербов... С. 168.
- ¹³⁶ ОР РГБ. Ф.49 (**Венелин Ю.И.**). Оп. I. Ед хр. 49. Л. 38.
- ¹³⁷ **Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса ... С. 365.
- ¹³⁸ **Костић П.** Годишњи обичаји ...С. 323.
- ¹³⁹ Новогодние обычаи сербов... С. 169.
- ¹⁴⁰ Пограничная славянская линия Австрийской империи (перев. с нем.) // ЖМНП. СПб., 1844. Ч. 42. № 4-6. С. 178.

- ¹⁴¹ Ср.: **Kulišić Š.** О ulozi i značenju životinjskog i ljudskog polaženika // Etnološki pregled. Beograd, 1965. Knj. 6-7. S. 51.
- ¹⁴² ПФ ААН.Ф.106 (**Прейс П.И.**), Оп. I. Ед хр. 264/6. Л.138-140. Текст песен записан Прейсом кириллицей.
- ¹⁴³ Там же. Л.143. Ср.: Описание Срезневским Иванова дня у жумборских ускоков. – **Срезневский И.И.** Жумборские ускоки // Денница. Варшава, 1843. Ч.1-3. С. 114-115.
- ¹⁴⁴ Прейс, вероятно, ошибочно употребляет слово пегедуша вместо *прпоруша*.
- ¹⁴⁵ **Кашуба М.С.** Народы Югославии // Календарные обычаи в странах Зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 211.
- ¹⁴⁶ **Срезневский И.И.** Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 23-26. Раздел «Огонь»; Об очистительной роли огня в обрядах, связанных с бадняком см. также: **Афанасьев А.Н.** Религиозно-языческое значение избы славянина // ОЗ. СПб., 1851. № 6. С. 57; **Соловьев С.М.** Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. I. С. 29-30.

Заключение

Югославянские земли в первой половине XIX в. – один из самых полиэтничных и поликонфессиональных регионов на всем пространстве Балканского полуострова. Этнографическое изучение населяющих его народов, основанное на широком круге малоизвестных или совсем не известных российских источников указанного времени, значительно расширяет источниковедческую базу исследований этнической истории народов Юго-Восточной Европы, их культуры и быта. Архивные документы, журнальные публикации, книги и статьи российских ученых и общественных деятелей, военных, чиновников, дипломатов, многие из которых впервые в этой книге введены в научный оборот, представляют собой свод уникальной информации, позволяющей реконструировать особенности этнокультурного развития югославянских народов в первой половине XIX в. Именно в этот период постепенное накопление этнографических знаний о зарубежных славянских народах, в том числе югославянах, переходит в новое качество – начинается научное осмысление и разработка самых разных проблем, связанных с освещением их истории, языков, религии, культуры в целом. Возникает и интерес к формированию их этнического самосознания, к своеобразию общественного и семейного быта.

Отечественная этнографическая славистика первой половины XIX в. оставила немало работ, богатый фактический материал которых, а также многие выводы и наблюдения до сих пор не утратили своего научного значения. Они знакомили европейскую общественность с южными и западными славянами и их богатой культурой.

Деятельность российских первопроходцев югославянских земель способствовала укреплению и развитию русско-югославянских общественных и культурных взаимоотношений. Труды и высказывания многих из них были известны деятелям югославянской культуры, их ценили и использовали, хотя подлинное признание пришло к ним в последней трети XIX – начале XX в. вместе с новой волной развития русско-югославянских политических и культурных связей.

Анализ разнохарактерных материалов показывает, какое большое место занимало в формировании русской научной мысли – этнографии и славистики – восприятие и изучение различных аспектов культуры югославянских народов. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания российских ученых о содержании и значении этнографии как специальной научной дисциплины, о методике полевых работ, о необходимости этнографического картографирования, сделанные ими на основе непосредственного знакомства с зарубежными славянскими народами.

В течение последних трех десятилетий этнологи нашей страны большое внимание уделяют проблеме этнического самосознания народов мира, определению места этого понятия среди основных признаков этноса. В связи с этим немалую ценность приобретают источники, на которых построена данная книга, в том числе архивные материалы. Они позволяют реконструировать особенности этнического самосознания югославянских народов на определенном отрезке времени (первая половина XIX в.). Российских ученых и общественных деятелей интересовали не только общие тенденции национального возрождения югославянских народов, но прежде всего специфика формирования их этнического самосознания. Постигнуть этот непростой процесс – такую задачу ставили себе многие из них еще заранее, до поездок в югославянские земли.

Этнокультурная ситуация в югославянских землях первой половины XIX в. определялась множеством причин, среди которых на первое место выдвигалась борьба населявших их народов против власти Османской и Австрийской империй. В условиях чужеземного господства, давней утраты собственной государственности югославянскими народами, их территориальной раздробленности, экономической, этнической и культурной разобщенности, формирование этнического самосознания сербов, хорватов, словенцев имело целый ряд особенностей.

Наряду с процессом складывания общесербского, общехорватского, общесловенского самосознания, закрепленного в этнонимах *серб, хорват, словенец*, в это время еще весьма устойчиво было осознание принадлежности к родному месту или региону, выраженное в этнонимах разного таксономического уровня. Религиозные различия вели к тому, что этнонимы серб и хорват нередко отождествлялись с конфессиональной принадлежностью: сербы – православные (*ришчане*), хорваты – католики (*латины*).

Историческая память о родной земле, преемственность культурных традиций, сохранность народных языков (диалектов) и другие факторы определяли в этот период интенсивное развитие этнического самосознания сербов, хорватов, словенцев в условиях активизации их борьбы за свободу и независимость. Этническая территория сербов в течение весьма длительного времени входила в состав разных государств. Но благодаря образованию Сербского княжества и довольно прочным связям его с сербскими землями Австрийской империи, этническая консолидация сербского населения шла несколько быстрее, чем, скажем, хорватов, что подтверждается и современными исследователями.

Бесспорную ценность для этнологии представляют выводы российских ученых о сложной этнической структуре всего региона, где проживало хорватское население. Этническое ядро хорватов было сосредоточено на территории исторического королевства Хорватии с центром в г. Загребе; этноним хорват в Славонии почти не употреблялся – ее жители называли себя славонцами. Огромный интерес вызывают наблюдения над бытованием этнонима хорват на большой территории – от Истрии до юга Далмации и его связь с реальным состоянием этнического самосознания.

Велика заслуга российских ученых и общественных деятелей первой половины XIX в. в стремлении выяснить причины исламизации славянского населения Боснии и Герцеговины и постепенного складывания на этой территории особого мусульманского этноса.

Материалы по этническому самосознанию югославянских народов, представленные в этой книге, имеют непреходящее значение для российской и зарубежной науки.

Зарисовки глубоко самобытных черт общественного быта югославян, их региональных отличий, семейно-брачных отношений, общественных и семейных праздников, календарных обычаев и сопровождающей их обрядности, восходящей к дохристианским куль-

там, позволяют реконструировать многие важные черты традиционно-бытовой культуры этих народов, уточнить и дополнить наши знания в этой области.

Все вышесказанное опровергает мнение историка-слависта Л.П.Лаптевой о том, что сведения о зарубежных славянах в трудах отечественных ученых XIX в. «...не использовались для выведения каких-либо специфических закономерностей этнографического плана» *.

Представленные в настоящей книге материалы по этнографии югославянских народов подтверждают самобытность их языков и культуры, что позволяет выявить главные закономерности, сложности и противоречия этнических процессов и общественных институтов. Однако с Лаптевой можно согласиться в другом. Она справедливо утверждает, что Славянский съезд и этнографическая выставка 1867 г. в Москве, а затем создание в том же году этнографического отделения при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете, а также этнографическая деятельность таких российских ученых, как А.Н.Пыпин, Н.А.Попов, А.Л.Дювернуа, П.А.Ровинский и др., – свидетельствовали о настоятельной необходимости дальнейшего развития в России основ этнографической научной мысли. Славянский съезд и этнографическая выставка 1867 г., привлекая в Москву многих известных славянских, в том числе и югославянских ученых и общественных деятелей, может рассматриваться как импульс для дальнейшего утверждения и развития российской этнографической науки.

---

* *Лаптева Л.П.* Исследования в области литературы и этнографии // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С.258.

Источники

- Австрия в историческом, статистическом и географическом отношениях
// СО. СПб., 1849. Кн. 3.
- Аксаков И.С.** Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Письма 1851-1860 гг. М., 1892. Т. 3. Ч. I.
- Аксаков К.С.** О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности // Московский ученый и литературный сборник. М., 1852. Т. I.
- ОР ИРЛИ. Ф.3 (**Аксаковы И.С., К.С., и С.Т.**). Оп. 5. Ед. хр. 23; Оп.1. Ед. хр. 78.
- Афанасьев А.Н.** Религиозно-языческое значение избы славянина // ОЗ. СПб., 1851. № 6.
- Бантыш-Каменский Д.Н.** Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
- Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1888-1910. Кн.1-22.
- Бессонов П.А.** Эпос сербский и болгарский во взаимном отношении, историческом и этнографическом. М., 1855.
- Библиография Далмации и Черногории // Библиографические записки. СПб., 1861. Т. III.
- Бобровский М.К.** Записки о путешествии по землям славянским // ВЕ. СПб., 1824. № 21.
- Бодянский О.М.** Донесение магистра Бодянского О.М. к попечителю Московского учебного округа из Пешта, от февраля 1839 г. // ЖМНП. СПб., 1839. Ч. 23.
- Бодянский О.М.** О судьбе народов. (Текст рукописи) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
- Бодянский О.М.** Письмо О.М. Бодянского к Станко Вразу в Загреб // ЖС. СПб., 1895. Вып.1. Год 5.
- ОР ГПБ.Ф.86 (**Бодянский О.М.**). Оп.1. Ед. хр.1.
- Боричевский-Тарнава И.П.** Повести и предания народов славянского племени. СПб., 1840. Ч. I; 1842. Ч. II.

- Боричевский И.П.** Народные славянские рассказы. СПб., 1844.
- Боричевский И.П.** Черногория // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 23.
- Броневский В.Б.** Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818. Ч.1-4.
- Броневский В.Б.** Письма морского офицера. М., 1825-1826. Ч. I,II.
- Броневский В.Б.** Письмо морского офицера. Лайбах 28 марта 1810 г. // СО. СПб., 1821. № 8.
- Броневский В.Б.** Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч. I.
- Бронников К.** Путешествие к святым местам. М., 1824.
- Венелин Ю.И.** Древние и нынешние болгары. Историко-критические изыскания. Словене. М., 1841. Т. 2.
- Венелин Ю.И.** О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835.
- Венелин Ю.И.** Сербская свадьба // Телескоп. М., 1836. Ч.31. № 1-4.
ОР РГБ. Ф.49 (Венелин Ю.И). Оп.1. Ед. хр.47, 48, 49, 50, 51, 139 б.
- Георгий Петрович Черный, предводитель сербов (перевод с нем. яз.) // ВЕ. СПб., 1808. Ч. 37. № 2.
- Герцен А.И.** Сербы и черногорцы. Собр. соч. Т. 14. М., 1958.
- Гильфердинг А.Ф.** Босния, Герцеговина и Старая Сербия // ЗРГО. СПб., 1859. Т. 13.
- Гильфердинг А.Ф.** Историческое право хорватского народа. (Рец. на книгу: Le Croatie et le Confederation Italienne (avec une introduction par L. Leouzon le Duc.) // РБ. М., 1860. Т. 1. Кн.19.
- Гильфердинг А.Ф.** Босния. Путевые замечания // РБ. М., 1858. № 2,3.
- Гильфердинг А.Ф.** Письма А.Ф. Гильфердинга Кукулевичу-Сакцинскому // ЖС. СПб., 1894. Год 4. Вып. 2.
- Гильфердинг А.Ф.** Славянские народности в Австро-Венгрии и Турции. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868.
- Греч Н.И.** Известие о новой книге (Рец. на книгу Караджича В. Народные сербские песни в 3-х т.) // СО. СПб., 1824, № 26.
- Григорович В.И.** Донесение В.И.Григоровича о его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.
- Григорович В.И.** Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета Григоровича // ЖМНП. СПб., 1847. № 6.
- Григорович В.И.** Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877.
ОР РГБ. Ф.86 (Григорович В.И.). П. 1. Ед. хр. 2, 3, 6, 9, 11, 14-16. П. 2; Ед. хр. 36,39. П. 3; Ед. хр.1,4.
- Дубровский П.П.** Литература южных славян. а) Сербская // Денница. Варшава, 1843. Ч. 1-3.

- Европейская Турция в ее современном состоянии. Обзор главных замечательных городов, заключающих в себе сведения при рассматривании карты Оттоманской Порты. М., 1854.
- ОР РГБ. Ф. 99. (**Елагин В.А.**). Картон 1. Ед. хр. 4/1.
- Жители области Монтенегро или Черногорцы // ВЕ. СПб., 1805. № 7.
- Ж.М.С. О сербах // СО. СПб., 1824. № 42.
- Западные славяне (перевод с французского яз.) // РБ. М., 1858. Т. IV. Кн. 12.
- Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975.
- Известие о нынешнем состоянии Республики Рагуза, писанное гражданином ея // ВЕ. СПб., 1802. Ч. 5. № 17.
- История Черногорья от древнейших времен до 1852 г. // ЖМНП. СПб., 1854. Ч. 81. № 1.
- Истрин В.М.** Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. (По документам архива братьев Тургеневых) // ЖМНП. СПб., 1912. Ч. 41. № 9.
- К... Семейная община южных славян // РБ. М., 1959. Т. 4. Кн. 16.
- Караџић В.С.** Географическо-статистическо описаније Србије // Даница. У Бечу, 1827.
- Караџић В.С.** Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957.
- Караджич В.С.** Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича. СПб., 1825; (Рец. Каченовского М.Т. на эту книгу см.: // Московский телеграф. М., 1826. Ч. II.)
- Караџић В.С.** Ковчежић за историју, језик и обичаје сва три закона. У Бечу, 1849.
- Караџић В.С.** Српски рјечник истумачен немачкијем и латинским ријечима (1818 г.). У Београду, 1935.
- Караџић В.С.** Црна Гора и Бока Которска (1837 г.). Београд, 1922.
- Касторский М.** Начертание славянской мифологии. СПб., 1841.
- Каченовский М.Т.** О сербских народных песнях // ВЕ. СПб., 1820. № 14, 15.
- Кайсаров А.С.** Славянская и российская мифология. М., 1810.
- Келпен П.И.** Описание славянских древностей в Сирмии // Северный архив. СПб., 1823. Ч. 5. № 1.
- Келпен П.И.** Проект путешествия по славянским землям и архивам // Библиографические листы. СПб., 1825. № 3.
- ПФ ААН. Ф. 30 (**Келпен П.И.**). Оп. 1. Ед. хр. 137-140, 164 (Путевые записки).
- Клун В.Ф.** Словенцы. Этнографический очерк // РБ. М., 1857. Т. 3.
- Ковалевский Е.П.** Балканы. Ниш // Библиотека для чтения. СПб., 1847. Т. 80. № 1-2.
- Ковалевский Е.П.** Черногория и славянские земли. Путевые записки о славянских землях. Собр. соч. Т. IV. СПб., 1872.
- Ковалевский Е.П.** Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.
- ОР ГПБ. Ф. 356 (**Ковалевский Е.П.**). Оп. 1. Ед. хр. 58, 59, 61, 434.

- Козьменко И.В.** Дневник Ф.В.Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958.
- Кошелев А.И.** О славянах Австрии // РБ. М., 1857. Т. II. Кн.4.
- Кошелев А.И.** Шесть недель в австрийских славянских землях // РБ. М., 1857. Т. IV. Кн. 8.
- Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1825. Ч. 4. Кн.1; Эту же статью см.: Северный архив. СПб., 1825. Т. 16. № 14.
- Краткое описание Европейской и Азиатской Турции, греческого королевства и республики ионических островов. СПб., 1854.
- Лавровский П.А.** Коренное значение в названиях родства у славян // ЗАН. СПб., 1867. Т. 12. Кн. 2.
- Лавровский П.А.** Лекция, читанная Лавровским в Харьковском университете 18 января 1861 г. // Архив исторических и практических сведений относящихся до России. СПб., 1861. Кн. 2.
- Лавровский П.А.** Письмо к редактору о южных славянах П.А.Лавровского // Сб.ОРЯС. СПб., 1859-1860. Т. 8.
- Лавровский П.А.** Трехмесячное путешествие по южным краям Австрии // Русское слово. СПб., 1860. Ч. 2. № 5-6; 1861. № 1.
- Лавровский П.А.** Черногория и черногорцы // Беседа. М., 1871. № 11.
- Ламанский В.И.** Письма П.И.Прейса М.С.Куторге, И.И.Срезневскому, П.О.Шарфарику, Куршату и др. (1836-1846) // ЖС. СПб., 1891. Вып. III, IV; ЖС. СПб., 1890. Вып. II.
- Ламанский В.И.** Остатки работ П.И.Прейса. К истории славяноведения // ЖС. СПб., 1898. Вып. 3, 4.
- Ланге Н.** Австрийская империя // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т.12. № 9-10.
- Летопись Герцеговины 1831-1857 гг. Прокопия Чокорилы (по заказу Гильфердинга А.Ф., перевод с серб. яз.) // РБ. М., 1858. Т. II. Кн.10.
- Липранди И.П.** Климат Европейской Турции. М., 1877.
- Липранди И.П.** Краткий очерк этнографического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. М., 1877.
- Липранди И.П.** Народное врачевание в Европейской Турции. М., 1877.
- Липранди И.П.** Общие сведения о Европейской Турции. М., 1877.
- РГИА. Ф.673 (**Липранди И.П.**). Ед. хр. 140, 141, 144, 145-149, 153-164, 172, 248. ОР РГБ. Ф. 224. Ед. хр. 4,5 (Записки **Липранди П.И.**).
- Макланович Д.** История и нынешнее состояние Черногории (перевод с серб. яз.) // СО. СПб., 1838. Ч. VI, № 11-12.
- Марков Е.М.** Несколько слов о черногорцах // ВЕ. СПб., 1817. № 9.

- Мармье К.** Из Парижа в Черногорье. Путевые заметки // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т. 124. № 3-4; Т. 125. № 5-6.
- Мармье К.** Суждения и замечания путешественника г.Мармье о Сербии // СО. СПб., 1848. Кн. IV.
- Миличевич М.** Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // РБ. М., 1858. Т. 3. Кн.11.
- Миличевич М.** Сербская община // РБ. М., 1859. Т. 6. Кн.18.
- Надеждин Н.И.** Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитянин. М., 1841. Ч. III. № 6.
- Надеждин Н.И.** Георгий Черный по рассказам очевидцев (1847) // РБ. М., 1858. Т. 4. Кн.12.
- Надеждин Н.И.** Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. 34. № 6.
- Надеждин Н.И.** Об этнографическом изучении народности русской // ЗРГО. СПб., 1847. Кн. II.
- Надеждин Н.И.** Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 году по южно-славянским землям // Записки одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. I.
- Надеждин Н.И.** Племя русское в общем семействе славян по Шафартику // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1843. Ч. I.
- Надеждин Н.И.** Род Княжевичей. Одесса, 1842.
- Надеждин Н.И.** Сербская словесность // Телескоп. М., 1832. Ч. 9. Кн. 12.
- Надеждин Н.И.** Черногорцы // Утренняя заря. Альманах. СПб., 1842. Год. 4. ОР ИРЛИ. Ф. 199 (**Надеждин Н.И.**). Ед. хр.43, 47, 49, 50.
- Нечто о Боснии // Журнал общепользных сведений. СПб., 1858.
- Народонаселение Австрийской минархии в 1825 г. // Северный архив. СПб., 1827. № 5.
- Новогодние обычаи у сербов // Москвитянин. М., 1856. Т. I. № 2.
- Нравы и обычаи сербов // Библиотека для чтения. СПб., 1846. Т. 75. № 4.
- Нравы сербов. Отрывок из путешествия в Сербию Оттона фон Пирха // Телескоп. М., 1832. № 4.
- О жителях провинций иллирийских // ВЕ. СПб., 1811. Ч. 58.
- О морлаках. Из записок А.Фортиса // СО. СПб., 1830. Ч.135. № 13.
- О нравах и обычаях морлаков (соч. аббата Фортиса) // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1818. № 10.
- О сербах // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 28. № 14-17.
- О торжественном обряде примирения черногорцев (перевод с франц. яз.) // ВЕ. СПб., 1821. Ч. 71. № 27-33.
- Об устройстве и управлении Военной Кроации (перевод с нем яз.) // Славянин. СПб., 1827. № 30, 31.
- Обзор главнейших путешествий и географических открытий с 1848 по 1853 г. // ВРГО. СПб., 1854. Ч. II. № 3-4.

- Обозрение Оттоманской империи, Молдавии, Валахии и Сербии Е.Серчевского. СПб., 1854.
- Общее обозрение и взгляды на славян Австрийских // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т. 158. № 3-4.
- Общественный и домашний быт сербов // ЖМНП. СПб., 1856. Ч. 90. № 4.
- Обычаи морлаков (извлечение из А.Фортиса) // ВЕ. СПб., 1823. № 23.
- Описание сербского народа // ВЕ. СПб., 1827. № 13-20.
- Очерки Венгрии // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 96.
- Палаузов С.Н.** Австрия со времени революции 1848 г. // Русское слово. СПб., 1859. Ч. I. № 11,12.
- Палаузов С.Н.** Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии // Русское слово. СПб., 1861. № 4.
- Панов В.А.** О настоящих жилищах южных и западных славян и их рас-селении в Европе // Библиотека для воспитания. М., 1845. Ч.4. Отд.1.
- Панов В.А.** Очерк черногорской истории // Библиотека для воспитания. М., 1845. Ч. 3. Отд. 2.
- Панов В.А.** Путешествие по землям западных и южных славян. Ч.1. Которский округ в Далмации. М., 1844.
- Петкович К.** Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // РБ. М., 1859. Т. 3. Кн.15.
- Петкович К.** Очерки Белграда. Местность. Жители. Учебные заведения. Литература. Церковь. Княжество сербское // ЖМНП. СПб., 1853. № 9.
- Письма и дневники А.И.Тургенева геттингенского периода (1802 – 1804) // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2.
- Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы по истории славянской филологии. Варшава, 1905.
- Пирх О.** Выдержка из путешествия О.Пирха по Сербии в 1829 году // Московский телеграф. М., 1831. Ч. 38. № 5-8.
- Пирх О.** Рец. на книгу О.Пирха «Путешествие по Сербии осенью 1829 г.» Берлин, 1830. Ч. 1,2 // Телескоп. М., 1832. Ч. 7.
- Погодин М.П.** Австрия // РБ. М., 1859. Т. IV. Кн.16.
- Погодин М.П.** Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 г., преимущественно в отношении к славянам. Собр. соч. Т. IV. М., 1874.
- Погодин М.П.** Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М.П.Погодина. М., 1844. Ч. I.
- Погодин М.П.** Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835-1861). М., 1879.
- Погодин М.П.** Письма М.П.Погодина к О.М.Бодянскому. М., 1885.
- Погодин М.П.** Предисловие к переводу статьи г.Пельта «Славянские племена» // Москвитянин. М., 1841. Ч.1. № 2.

- Погодин М.П.** Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.
- ОР РГБ (**Погодин М.П.**). Ф.231. Раздел I. П. 34. Ед. хр. I; П. 39. Ед. хр. 2; П. 42. Ед. хр. 4; П. 43. Ед. хр. 2 а, б, в, 6,11; Раздел 1. Картон 19. Ед. хр. 32; Раздел III. Картон 16. Ед. хр.12; Раздел III. Картон 18. Ед. хр. 61.
- Пограничная славянская линия Австрийской империи. Из Ethnographischen Germählde des slavonischen Militärgränze, von Spiridon Iowitsch. Wien, 1835 // ЖМНП. СПб., 1844. Ч. 42. № 4-6.
- Подробное описание Далмации, выходящее в Заре // Географические известия. СПб., 1849. Вып.2.
- Полевой Н.П.** Рец. на книгу «Народне српске пјесме» и проч.; «Огледи светог писма на српском језику» в альманахе Даница // Московский телеграф. М., 1827. Ч.13. № 2.
- Попов А.Н.** Отрывок из путевых записок о Черногории (Переезд из с.Река через Скутарское озеро в Черницу) // Москвитянин. М., 1845. Ч. I. № 1.
- Попов А.Н.** Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. Рец. на эту книгу см.: Современник. СПб., 1847. № 6.
- Правительства и судилища в Сербии (Из кн. В.С.Караджича «Милош Обренович») // ВЕ. СПб., 1829. № 7.
- Прейс П.И.** Донесения П.Прейса Министру народного просвещения из Загреба от 10 ноября 1841 г. // ЖМНП. СПб., 1842. Ч.33. № 3.
- Прейс П.И.** О волохах Нестора // ЖМНП. СПб., 1837. № 5.
- Прейс П.И.** Отчеты о научной командировке // ЖМНП. СПб., 1840. № 5,11; 1841. № 2; 1842. № 3; 1843. № 3.
- Прейс П.И.** О эпической народной поэзии сербов // Годичный акт в Имп. СПб. университете. СПб., 1845.
- ПФ ААН. Ф.106 (**Прейс П.И.**). Оп.1. Ед. хр. 5-8, 36, 42, 49, 51, 53-55, 90, 91, 94, 97, 133, 262, 263, 264/6, 264/7. 265, 268.
- Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 г. Владимиром Давыдовым. СПб., 1840. Ч. I, II.
- Путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Письма, дневники. Пг., 1915. Вып. 4.
- Рагуза // Гений времен. СПб., 1808. № 70.
- Рагуза. Статистика // СО. СПб., 1824. Ч. 91. № 6.
- Раевский М.Ф.** Земли Турции и Австрии // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т. 158.
- Раевский М.Ф.** Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП. СПб., 1850. Ч. 67. № 7.
- Ригельман Н.А.** Письма Н.Ригельмана из Вены // Московский ученый и литературный сборник. М., 1847.
- Ригельман Н.А.** Три поездки за границу. М., 1871.

- Ровинский П.А.** Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888-1915. Т. 1-3.
РГВИА. Ф.439 (**Розелион-Сашальский А.Г.**). Ед. хр. 4,6.
- Рославский А.П.** Статистическое обозрение Европейского народонаселения и управления // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1843. Т. XI.
- Сведения из Хотина о Георгии Черном, знаменитом верховном вожде сербского народа // ОЗ. СПб., 1818. № 1.
- Свиный П.И.** Воспоминания на флоте. СПб., 1818-1819. Ч. I.
- Семейная община южных славян по книге г.Утешеновича // РБ. М., 1859. Год 4. Кн.16.
- Сербские предания и поверья // ВЕ. СПб., 1826. № 4.
- Славянские земли Турции и Австрии в 1859 г. // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т. 158. № 3-4.
- Славянская статистика // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 25. № 1.
- Славянские племена (с предисловием М.Погодина) // Москвитянин. М., 1841. Ч. I. № 2.
- Славянское и православное население Австрии // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовѣрных и единоплеменных. М., 1845. Т. I.
- Славянское народонаселение в Европе // Славянский сборник. СПб., 1845.
- Соколов А.И.** Об исторических народных песнях сербов // УЗКУ. Казань, 1854. Вып. II.
- Соловьев С.М.** Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. I.
- Сообщение об издании «Путешествия по землям южных и западных славян В.Панова. Ч. I. Которский округ в Далмации» // Современник. СПб., 1844. Т. 36.
- Спиридов А.М.** Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Турецкой империи // Северный архив. СПб., 1825. №14.
- Срезневский И.И.** Воспоминания о Н.И.Надеждине. Б.м. 1856.
- Срезневский И.И.** Вступительная лекция Срезневского И.И. в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // ЖМНП. СПб., 1893. Т. 287. № 5.
- Срезневский И.И.** Вук Стефанович Караджич // Московский ученый и литературный сборник. М., 1846.
- Срезневский И.И.** Донесение адъюнкта Срезневского Министру народного просвещения из Загреба от 2(15) августа 1841 г. // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. 33. № 1.
- Срезневский И.И.** Жумборские усюки // Денница. Варшава, 1843. Ч.1-3.
- Срезневский И.И.** Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.

- Срезневский И.И.** Литературное оживление западных славян // Современник. СПб., 1846. № 6.
- Срезневский И.И.** На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сб. ОРЯС. СПб., 1878. Т. 18. № 6.
- Срезневский И.И.** Об обожании солнца у древних славян // ЖМНП. СПб., 1846. № 7.
- Срезневский И.И.** О языческом веровании древних славян в бессмертие души // ЖМНП. СПб., 1847. № 2.
- Срезневский И.И.** Песня черногорцев перойских // Изв. ОРЯС. СПб., 1853. Т. II.
- Срезневский И.И.** Публичные чтения о славянах // Денница. Варшава, 1843. Ч. 2. № 5.
- Срезневский И.И.** Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839-1842. СПб., 1895.
- Срезневский И.И.** Разбор соч. г. Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» // Двадцать девятое присуждение учрежденных Демидовым наград. СПб., 1860.
- Срезневский И.И.** Разбор книги П. Шафарика «Славянское народописание» // ЖМНП. СПб., 1843. Ч. 38. № 4-6.
- Срезневский И.И.** Резьяне и словины // Москвитянин. М., 1844. Ч. 5. № 9.
- Срезневский И.И.** Рец. на книгу Н.И. Надеждина «Род Княжевичей» (Одесса, 1842) // Денница. Варшава, 1843. Ч. 1-3.
- Срезневский И.И.** Роженицы у славян и других языческих народов. М., 1855.
- Срезневский И.И.** Святылища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846.
- Срезневский И.И.** Фриульские славяне. СПб., 1881.
- Срезневский И.И.** Хорутанская песня из Зильской долины // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1852-1856. Тетр. 2.
- Срезневский И.И.** Этнографическая карта Европы и пояснения к ней // Географические известия, издаваемые от ИРГО. СПб., 1849. Вып. 7.
- Срезневский И.И.** Юго-западные славяне // ВРГО. СПб., 1856. Ч. 18. Кн. 5-6. РГАЛИ. Ф. 436 (**Срезневский И.И.**) Оп. I. Ед. Хр. 18, 20, 21, 26, 29-31, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 51, 65, 66, 69, 70, 474 б, 480, 489, 492, 495, 506 а, 510, 513, 651, 680, 682, 687, 689, 776, 859, 1049, 1235, 1308, 1347, 1762, 1876, 1932, 1948, 2039 а, 2043 б.
- Стретькович П.** Гора Космай // РВ. М., 1858. Т. 21. Кн. 5-6.
- Старчевский А.** Исторические и географические замечания о Боснии // ЖМНП. СПб., 1844. Ч. 44. № 10-12.
- Статистические заметки о Сербии // ВРГО. СПб., 1855. Ч. 13. Кн. 1.
- Статистические и исторические сведения о Сербии. СПб., 1827.

- Статистические известия о Черногорской области // ВЕ.СПб., 1807. Ч. 36. № 22.
- Сухомлинов М.И.** Заметки о современном настроении сербов, хорватов и русинов // РВ. М., 1859. Т. 23. № 9,10.
- Успенский К.А. (Порфирий).** Книга бытия моего. СПб., 1894. Т. I. (Дневник путешествия по Далмации в 1842 г.).
- ПФ ААН.Ф.118 (**Успенский К.А.**). Оп.1. Ед. хр. 57, 79.
- Ушинский К.Д.** Сведения о современном состоянии Европейской Турции // Современник. СПб., 1854. Ч. 44. № 4.
- Характеристика различных народностей Австрийской империи. Записка Чернига, читанная в Венской АН // ВРГО.СПб., 1859. Ч. 26.
- Хомяков А.С.** К сербам. Послание из Москвы (Лейпциг, 1860). Соч. Т. I. М., 1911.
- Чаплович Я.** Некоторые черты о кроатах и других славянах // ВЕ. СПб., 1819. № 13.
- Черногория и черногорцы // Военный журнал. СПб., 1852. № 1.
- Чернышевский Н.Г., Обручев В.А.** Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию // Современник. СПб., 1859. Т. 74. № 3.
- Чернышевский Н.Г.** Рец. на книгу Л.Ранке История Сербии по сербским источникам. ПСС в 10 томах. СПб., 1906. Т. 3.
- Чижов Ф.В.** Заметки путешественника по славянским землям. (1843-1844) // РВ. М., 1875. Кн. 5. Ч. 1; Кн.6. Ч. II.
- Чижов Ф.В.** Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 г. // Москвитянин. М., 1845. Ч. 4. № 7,8.
- Чижов Ф.В.** Письмо к Н.М.Языкову. Загреб 5/17 июня 1845 г. // Современник. СПб., 1846. Т. 43.
- ОР РГБ Ф.332 (**Чижов Ф.В.**). П. 2. № 1; П. 2, № 2; П. 85, № 5; П. 9. № 13; Ф.111 (**Ивановы**). Картон 7. Ед. хр. 41. Картон 6. Ед. хр. 8,9.
- Шарапов П.Н.** Морлаки. Жители Истрии // Описание народов, обитающих в Европе, Азии и Америке. СПб., 1812.
- Шафарик П.** О резьянах и фурланских словинах // Денница. Варшава, 1842. № 9.
- Шафарик П.** Славянское народописание. Перевод О.М.Бодянского. М., 1843 (с картой).
- Шевырев С.П.** Обзор «Денницы», издаваемой П.Дубровским // Москвитянин. М., 1842. Ч. V. № 9.
- Языков Д.И.** О словенорусских и вообще о словенских названиях года, месяцев недели, недельных дней и годовых времен // Труды Российской Академии. СПб., 1840. Ч. III.
- Яковлев П.А.** Новейшие известия о подвластных туркам сербах // Благонмеренный. СПб., 1825. Ч. 30. № 17.

Литература

- Азадовский М.К.** История русской фольклористики. М., 1958-1963. Т.1, 2.
- Бажова А.П.** Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
- Бестужев-Рюмин К.Н.** Александр Федорович Гильфердинг // Славянское обозрение. СПб., 1892. № 9.
- Богишић В.** Правни чланци и расправе. Београд, 1927. Књ.1.
- Бромлей Ю.В.** Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.** Брак и семья у народов Югославии. М., 1982.
- Бычков А.Ф.** П.А.Лавровский // ЖМНП. СПб., 1868. № 4.
Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867. М., 1867.
- Вулетий В.** Срезневски и Вук // Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. Београд, 1966. Св. 4.
- Гольберг М.Я.** К истории полемики вокруг славянофильского послания "К сербам" // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
- Гольберг М.Я.** Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в. // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1964.
- Грацианская Н.Н.** Этнографические группы Моравии. М., 1975.
- Гусев В.Е.** Вук Караджич и русская фольклористика // Русская литература. Л., 1964. № 2.
- Джарылгасинова Р.Ш.** Теория этнического самосознания в советской этнографической науке. (Основные аспекты проблемы) // СЭ. 1984. № 4.
- Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.** Из истории русско-югославянских литературных связей. Л., 1975.
- Добрашиновић Г.** Вук и Николај Иванович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980.

- Добрашиновић Г.** Вуков покушај да изради етнографске карте јужнословенског живља // Гласник етнографског музеја. Београд, 1970, Књ. 33.
- Добрашиновић Г.** Вук и Руси // Ковчежић. Прилози и грађа о Доситеју и Вуку. Београд, 1964. Књ. 6.
- Добрашиновић Г.** Петар Иванович Кеппен и Вук // Анали филолошког факултета. Београд, 1964. Св.4.
- Досталь М.Ю.** И.И.Срезневский как славист (1812- 1880) // ССл. 1980. № 3.
- Досталь М.Ю.** Общественно-политические взгляды И.И.Срезневского // Исследования по историографии славяноведения и балканисти. М., 1981.
- Досталь М.Ю.** Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) "О судьбе народов" // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
- Достян И.С.** Издание и распространение в России произведений сербских авторов XVIII – начала XIX в. // Русско-сербские литературные связи XVIII – начала XIX в. М., 1989.
- Достян И.С.** О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов // Формирование национальных культур. М., 1977.
- Достян И.С.** Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. М., 1966.
- Достян И.С.** Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А.Санковского // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.
- Достян И.С.** Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
- Достјан И.С.** Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX в. // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. Бр. 26.
- Дудзинская Е.А.** Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.
- Дудзинская Е.А.** Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
- Дудзинская Е.А.** Славянофилы и национальное Возрождение славян // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII-XIX вв.). М., 1974.
- Живанчевић М.** Српска књижевност у "Деници" П.П.Дубровског // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980.
- История Югославии. М., 1963. Т. 1.
- История южных и западных славян. М., 1969.
- Ишутин В.В.** Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ЧОИДР за 1815-1848 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.

- Калоева И.А.** Изучение южных славян в России в конце XVIII – начале XIX века (библиографический обзор) // Труды библиотеки АН и ФБОИ. М., 1963. Т. 7.
- Калоева И.А.** Изучение южных славян в России второй четверти XIX века // Известия на народната библиотека Кирил и Методий. София, 1969. Т. IX.
- Кашуба М.С.** Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973; Весенние праздники. М., 1977; Летне-осенние праздники. М., 1978;
- Кашуба (Шухарева) М.С.** Сельская община у сербов в XIX – начале XX в. // Славянский этнографический сборник. М., 1960.
- Кашуба М.С.** Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.
- Кашуба (Шухарева) М.С.** Общинные обычаи в сербской деревне XIX – начала XX в. // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1960. Т. 34.
- Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.** Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995.
- Козлов В.И.** О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2.
- Козлов В.И.** Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2.
- Костић П.** Годишњи обичаји у Титовоужичком, Пожешком и Косјерићком крају // Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1984. Књ. 48.
- Кочубинский А.А.** Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887-1888.
- Крюков М.В.** Система родства китайцев. М., 1972.
- Kulišić Š.** O ulozi i značenju životinjskog i ljudskog polaženika // Etnološki pregled. Beograd, 1965. Knj.6-7.
- Кудрявцева Е.П.** Россия и образование автономного сербского государства (1812-1833 гг.), М., 1992.
- Лешчиловскаја И.И.** Руска периодика прве трећине XIX века о српској књижевности // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980.
- Лещиловская И.И.** Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
- Лещиловская И.И.** Сербская культура XVIII в. М., 1994.
- Мартынова М.Ю.** Хорваты. Этническая история XVIII – XIX вв. М., 1988.
- Мартынова М.Ю.** Некоторые особенности этнической истории хорватов (О контактах с римской культурой) // Романия и Барбария. М., 1989.
- Мыльников А.С.** Об этнографическом изучении культуры. Источниковедческий аспект // СЭ. 1987. № 4.
- Мыльников А.С.** О некоторых актуальных аспектах наследия отечественной этнографической славистики XIX в. // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР. Краткое содержание докладов. 1983. Л., 1985.

- Наумов Е.П.** Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влады (в XII-XIII вв.) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Никулина М.В.** О состоянии и особенностях развития русского славяноведения в первой трети XIX века // ССл. 1983. № 5.
- Никулина М.В.** Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартусского гос. университета. Тарту, 1981. Вып. 573.
- Никулина М.В.** Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (на материалах русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
- Новаковић С.** Вук Караџић и Н.И. Надеждин. Прилог библиографији В.С. Караџића // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1907. XXVI. № 1.
О етногенези црногораца и марксистичком одређивању нације. (Материалы дискуссии) // Пракса. Титоград, 1981. Бр. 4.
- Органџијева Ц.** Петар Иванович Прајс и Вук Стефанович Караџић // Вуков зборник. Београд, 1966.
- Пантелић Н.** Женитбени обичаји код словенских народа // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1977. Књ. 41.
- Пантелић Н.** Снахачество у Србији // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1973. Књ. 36.
- Пејановић Ђ.** Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1965.
- Пыпин А.Н.** История русской этнографии. СПб., 1890. Т. I.
- Пыпин А.Н.** Русское славяноведение в XIX столетии // ВЕ. СПб., 1889. Т. III (часть I); Т. IV (часть II); Т. V (часть III).
- Пыпин А.Н.** Рец. на книгу "Босния, Герцеговина и Старая Сербия" А.Ф.Гильфердинга // Современник. СПб., 1860. Т. 80. № 3-4.
- Радовановић М.** Вук Караџић етнограф и фолклорист. Београд, 1973.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- Садиков П.А.** И.П.Липранди в Бессарабии 1820-х годов // Временник Пушкинской комиссии. М.-Л., 1941.
- Сергеев А.С.** К вопросу об общественно-политических взглядах В.И.Григоревича // Итоги научной конференции Казанского гос. университета за 1961 год. Казань, 1962.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

- Смирнов Ю.И.** О народном самосознании (по фольклорным материалам) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
- Solovjev F.** Nestanak bogumilstva i islamizacija u Bosni // Godišnjak istorijskog društva Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1949.
- Станюкович Т.В.** Из истории этнографического образования. (Ленин-градский географический институт и географический факультет ЛГУ) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5.
- Токарев С.А.** Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Очерки истории русской этнографии, фольклористики, антропологии. М., 1956. Вып. I.
- Токарев С.А.** История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966.
- Токарев С.А.** Начальный период славянской этнографии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
- У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984.
- Формирование национальных независимых государств на Балканах. XVIII-70-е гг. XIX в. М., 1986.
- Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Францев В.А.** Югославянское путешествие Н.И.Надеждина в 1840-1841 г. (Из истории славянской филологии) // Sbornik filologický. Praha, 1934-1935. Т. X.
- Фрейдзон В.И.** Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.
- Хитрова Н.И.** Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979.
- Цвијић Ј.** Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1987.
- Цейтлин Р.М., Никулина М.В.** П.И.Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ним землям (Путовање П.И.Кепена по Србији, Хрватској и суседним земљама) // Сборник за славистику. Нови Сад, 1979. Бр. 17.
- Ђирић-Богетић Љ.** Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титоград, 1966.
- Чистов К.В.** Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3.
- Чуркина И.В.** Русско-словенские научные связи в первой половине XIX в. // Исследования по историографии. М., 1981.
- Чуркина И.В.** Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
- Чуркина И.В.** Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII – 1914 г. М., 1986.
- Шобаић П.** Бјелопавлићи. Београд, 1923.

Эйдельман Н.Я. “Где и что Липранди?” Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. М., 1972.

Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты “Полярной звезды”. М., 1966.

Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. Т. I.

Rezime

Jugoslovenske zemlje su u prvoj polovini XIX veka jedan od najpolietničkih i polikonfesionalnih regiona na celokupnom prostoru Balkanskog poluostrva. Etnografska istraživanja naroda koji ga naseljavaju su zasnovana na širokom krugu malo poznatih ili sasvim nepoznatih ruskih izvora tog vremena i znatno proširuju osnovu naučnih istraživanja etničke istorije naroda Jugoistočne Evrope, njihovu kulturu i način života. Arhivska dokumenta, publikacije u časopisima, knjige, članci ruskih naučnika i društvenih radnika, vojnih činovnika, diplomata od kojih se mnogi prvi put u toj knjizi koriste, predstavljaju zbir unikalnih informacija koje dozvoljavaju da se rekonstruiše specifičnost etnokulturnog razvoja jugoslovenskih naroda u prvoj polovini XIX veka. Upravo u tom periodu postepeno skupljanje etnografskih znanja o drugim slovenskim narodima, uključujući tu i jugoslovenske, prelazi u novi kvalitet – počinje naučno shvatanje i razrada najrazličitijih problema vezanih za osvetljavanje njihove istorije, jezika, religije i kulture uopšte. Pojavljuje se interesovanje vezano za formiranje njihove etničke samosvesti, za specifikom društvenog i porodičnog načina života.

Državna etnografska slavistika prve polovine XIX veka je ostavila priličan broj radova, bogati materijal koji, kao i mnogi zaključci i zapažanja, do danas nisu izgubili svoj naučni značaj. Oni su upoznavali evropsko društvo sa Južnim i Zapadnim Slovenima i njihovom bogatom kulturom. Delatnost prvih ruskih istraživača jugoslovenskih zemalja uticala je na učvršćivanje i razvoj jugoslovensko-ruskih društvenih i kulturnih veza. Radovi i mišljenja mnogih od njih su bili poznati jugoslovenskim kulturnim radnicima, njih su cenili i koristili iako su pravo priznanje dobili tek u poslednjoj trećini XIX veka i početkom XX veka zajedno sa novim talasom razvoja jugoslovensko-ruskih političkih i kulturnih veza.

Analiza različitih vrsta materijala koji se nalaze u knjizi dokazuje koliko su visoko mesto u formiranju ruske naučne misli – etnografiji i slavistici, zauzimala zapažanja i proučavanja različitih aspekata kulture jugoslovenskih naroda. O tome svedoče i

mišljenja ruskih naučnika, naročito mišljenja o sadržaju i značaju etnografije kao specijalne naučne discipline, o metodima rada na terenu, o potrebi etničke kartografije i dr. koje su formirali na osnovu direktnog kontakta sa drugim slovenskim narodima.

U toku poslednje tri decenije naši etnolozi veliku pažnju poklanjaju problemu etničke samosvesti naroda u svetu, određivanju mesta takvog poimanja među ostalim osobinama etnosa. U vezi sa tim dosta veliki značaj imaju izvori na kojima izgrađena ova knjiga, uključujući tu i arhivske materijale. Oni dozvoljavaju da se rekonstruiše specifična etnička samosvesti jugoslovenskih naroda u određenom vremenskom periodu (prva polovina XIX veka). Ruske naučnike i društvene radnike nisu interesovale samo opšte tendencije nacionalnog preporeda jugoslovenskih naroda, već, pre svega, specifična formiranja njihove etničke samosvesti. Mnogi su davali sebi u zadatak da taj složeni proces dostignu i pre putovanja u jugoslovenske zemlje.

Sadržaj etnokulturne situacije u jugoslovenskim zemljama u prvoj polovini XIX veka se određuje mnogobrojnim uzrocima među kojima na prvo mesto izbija borba naroda koji ih naseljavaju protiv vlasti Otomanske i Austrijske imperije. U uslovima kada su se jugoslovenske zemlje nalazile pod stranom vladavinom, gubitka svoje državnosti, njihove teritorijalne rasparčanosti, ekonomske, etničke i kulturne izolovanosti etnička samosvest Srba, Hrvata, Slovenaca se veoma specifično formirala. Zajedno sa procesom stvaranja opštesrpske, opštehrvatske, opšteslovenačke samosvesti koja je sačuvana u etnonimima *Srbin, Hrvat, Slovenac* u to vreme još veoma stabilna etnička svest pripadnosti mestu rođenja ili regionu izraženo je u etnonimima različitih taksonomičkih nivoa. Različite religije su dovele do toga da se etnonimi Srba i Hrvata često poistovećuju sa pripadnošću konfesiji: Srbi-pravoslavni (*Rišćani*), Hrvati – katolici (*Latini*).

Istorijsko pamćenje o domovini, preuzimanje kulturnih tradicija, očuvanost narodnih jezika (dialekata) i drugih faktora određuju u tom periodu intenzitet razvoja etničke samosvesti Srba, Hrvata, Slovenaca u uslovima aktivizacije njihove borbe za slobodu i nezavisnost. Etničke teritorije *Srba* u toku veoma dugog vremenskog perioda ulazile su u sastav mnogih država ali, zahvaljujući formiranju Srpske kneževine i dosta jakim vezama sa srpskim zemljama u Austrijskoj imperiji, etnička konsolidacija srpskog življa je bila malo brža nego, recimo, Hrvata što može da se dokaže i savremenim istraživanjima. Neospornu vrednost za etnografiju predstavljaju izvodi ruskih naučnika o složenoj etničkoj strukturi celokupnog regiona gde je živio hrvatski živalj. Etničko jezgro *Hrvata* bilo je skoncentrisano na teritoriji istorijske kraljevine Hrvatske sa centrom u Zagrebu; etnonim Hrvat u Slavoniji se skoro nije ni upotrebljavao; njeni žitelji su sebe nazivali Slavoncima. Ogromno interesovanje

izazivaju praćenja postojanja etnonima *Hrvat* na velikoj teritoriji – od Istre do juga Dalmacije i njegove veze sa realnim stanjem etničke samosvesti.

Velika zasluga ruskih naučnika i društvenih radnika prve polovine XIX veka je u nastojanju da se objasne razlozi islamizacije slovenskog žvlja Bosne i Hercegovine i postepenog formiranja na toj teritoriji posebnog muslimanskog etnosa.

Materijali vezani za etničku samosvest jugoslovenskih naroda koji se nalaze u monografiji imaju neprolaznu aktuelnost za našu i svetsku nauku.

Skice duboko originalnih crta društvenog načina života jugoslovenskih naroda, njihove regionalne razlike, porodično-bračnih odnosa, društvenih i porodičnih praznika, kalendarskih običaja i obreda koji ih prate i koji potiču još od kultova dohrišćanske epohe dozvoljavaju da se rekonstruišu mnoge važne crte tradicionalno-svakodnevne kulture tih naroda, da se preciziraju i dopune naša znanja u toj oblasti.

Summary

In the first half of the 19th century the South-Slav lands were one of the most polyethnic and polyconfessional region on the Balkan peninsula. The ethnographic study of the peoples inhabiting the region is based on the vast range of Russian sources of the time. Our study enlarges in a considerable degree the historical sources of research into Balkan peoples' ethnic history, their culture and mode of life. Our materials – archive documents, periodical publications books and articles by Russian scholars, public and military men, officials and diplomats, many of which are introduced into practice for the first time, – form a code of unique information, permitting us to reconstruct the particularities of ethnocultural development of South-Slav peoples in the first half of the 19th century. In that period the accumulation of ethnographic knowledge about foreign Slav peoples including South-Slavs passed to a new level – the beginning of scientific comprehension and approach to problems, in South-Slav history, languages, religion and culture. An interest in South-Slav ethnic consciousness and to the details of public and family life arose.

Our analysis of different materials shows that the perception and study of various aspects of South-Slav culture occupied a great place in forming Russian scientific concepts in ethnography and Slav history. Illustrating this fact are statements of Russian scholars made on the basis of direct acquaintance with foreign Slav peoples they touch on the matter and significance of ethnography as a special branch of science the methods of field works, the necessity of ethnographic cartography and others.

During the last three decades ethnologists of our country have paid great attention to the problem of ethnic consciousness and its place among the basic indications of ethnos. This gives great value to the sources of this book, including the archive materials.

The sources allow us to reconstruct peculiarities of the ethnic consciousness of South-Slav peoples during a certain period of time (the first half of the 19th century). Russian scholars and public men were interested not only in general tendencies of South-Slav peoples' national renaissance, but first of all in the specific character of the forming of the South-Slavs' ethnic consciousness. To understand this complicated process was a task that many of them set themselves beforehand, before their journeys to South-Slav lands.

In the first half of the 19th century the ethnocultural situation in South-Slav lands was determined by many factors, first and foremost the struggle of their peoples against the Ottoman and Austrian empires. The ethnic consciousness of Serbs, Croats and Slovenes was forming under

conditions of alien supremacy, ancient loss of their own state organization, territorial parcelling and economic, ethnic and cultural disconnection; so it has got some peculiarities. Parallel with the establishing of all-Serbian, all-Croatian and all-Slovenian consciousness fastened in ethnic names (ethnonyms) of Serb, Croat and Slovene, there was stable consciousness of belonging to the native place or region, which was manifested in the ethnic names of various taxonomic levels. The religious differences caused the fact that the ethnonyms of Serb and Croat often came to be identified with religions confession: Serbs were Orthodox (*Rishchans*) and Croats – were Catholics (*Latins*).

In this period of active struggle of South-Slav peoples for their freedom the historical remembrance of native lands, succession of cultural traditions, preservation of dialects and other factors caused intensive development of Serbian, Croatian and Slovenian ethnic consciousness. For a long time the Serbian ethnic territory was a part of various states, but owing to the formation of a Serbian principality and its firm connections with Serbian lands of Austrian empire, the process of ethnic consolidation of Serbian population was proceeding more rapidly than, for example, the consolidation of Croats; this fact is confirmed by modern research.

The conclusion of Russian scientists about the complex ethnic structure of the whole region inhabited by Croats is an indisputable value for ethnography. The Croatian ethnic main body was concentrated on the territory of the historical kingdom of Croatia with Zagreb as a center; the ethnonym Croat was hardly used in Slavonia, its inhabitants called themselves Slavones. Information about spreading of the ethnonym Croat over a large territory from Istria to Dalmatia and its correlation with the real state of ethnic consciousness is also of a great interest.

Great is the merit of Russian researchers and public figures of the 1st half of the 19th century in striving to clarify the reasons for Islamization of the Slavic population of Bosnia and Herzegovina and step-by-step formation of a specific Moslem ethnos on this territory.

The monograph contains many materials on ethnic consciousness of South-Slav peoples, which have utmost importance for Russian and the world science.

The sketches of deeply original features of South-Slavs public life, their regional distinction, family and marriage relations, communal and family festivals, calendar customs and corresponding rites descended from pagan cults allow to reconstruct many important traits of the traditional culture of these peoples, to specify and supplement this field of knowledge.

Список сокращений

ВЕ	– Вестник Европы
ВРГО	– Вестник Императорского Русского географического общества
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ЖС	– Живая старина
ЗАН	– Записки Императорской Академии наук
ЗРГО	– Записки Императорского Русского географического общества
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
ОЗ	– Отечественные записки
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР БАН	– Отдел рукописей библиотеки Академии наук (С.-Петербург)
ОР ГПБ	– Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург)
ОР ИРЛИ	– Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом), С.-Петербург
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (Москва)
ПФ ААН	– С.-Петербургский филиал архива Академии наук
РБ	– Русская беседа
РВ	– Русский вестник
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
Сб. ОРЯС	– Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СО	– Сын отечества
ССл	– Советское славяноведение
СЭ	– Советская этнография
УЗКУ	– Ученые записки Казанского университета
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЭО	– Этнографическое обозрение

Оглавление

Введение (с краткой исторической справкой)	3
<i>Глава I</i>	
Становление и развитие этнографической славистики в России первой половины XIX в.	23
Российские ученые и путешественники первой трети XIX в. о югославянских землях	23
Отечественная этнографическая славистика 30-50-х гг. XIX в.	41
Российские слависты о предмете этнографии и методике этнографических исследований	60
<i>Глава II</i>	
Этническое самосознание югославянских народов и его трактовка в трудах российских ученых и путешественников первой половины XIX в.	79
Этнические группы югославян	80
К вопросу об этнонимах <i>хорват</i> и <i>серб</i>	93
О некоторых факторах развития этнического самосознания югославянских народов	99
Этническое самосознание и соотношение конфессий в Боснии и Герцеговине	103
К вопросу об этническом самосознании словенцев	109
Некоторые аспекты национального возрождения югославянских народов	114
<i>Глава III</i>	
Российские источники первой половины XIX в. об общественном и семейном быте югославян	135
Особенности общественных и семейных отношений у югославянских народов	135
Календарные обычаи и обряды	165
Заключение	181
Источники	185
Литература	195
Rezime	201
Summary	204
Список сокращений	206

М.М.Керимова

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ
НАРОДЫ
И
РОССИЯ

Редактор: С.Н.КВАШНИНА

Художник: Е.В.ОРЛОВА

Компьютерный набор: С.Н.КВАШНИНА, М.М.КЕРИМОВА

Компьютерная верстка: О.Г.ЮТКИНА

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

ISBN 5-201-13723-7

Подписано в печать:	Формат 60x84 ¹ /16	Объем:
Тираж: 200 экз.	Цена договорная	Заказ №

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии
117334 Москва, Ленинский проспект, 32А